

Валерий Иванов

КОПЬЕ СУДЬБЫ

Валерий Иванов

Копье Судьбы

«Логос»

2022

УДК 82-31
ББК 84стд1-44

Иванов В. И.

Копье Судьбы / В. И. Иванов — «Логос», 2022

ISBN 978-5-00187-198-9

Перед вами роман-артефакт. Оцифрованное в слове Копье Судьбы. Теперь каждый может его скачать. Затем Копье нужно активировать. Ритуал активации описан в романе. Герою романа для этого понабилось принести человеческую жертву. Вам будет достаточно прочесть роман. После чего судьба ваша осуществится. Первая книга «Копья Судьбы» была опубликована в Интернете 8 августа 2013 г. Черный археолог находит в горах Крыма партизанский тайник, а в нём – величайший артефакт истории – Копье Судьбы. Случайно активировав его, простой русский парень становится первым РУССКИМ Владыкой Копья. Он арестован и отправлен в СИЗО г. Киева. Автор думал, что пишет боевик с элементами мистики. Но оказалось, что он напрямую влияет на реальность! Спустя всего три месяца после публикации в Киеве разразился евромайдан, началась гражданская война на Украине, а Крым, где согласно сюжету Копье было обретено, вернулся в Россию! Так, мгновенно, артефакт осуществил судьбы миллионов людей. Второй удар Копья состоялся в 2020 г. – после публикации второй книги вспыхнула пандемия коронавируса. Третий удар Копья состоялся на Украине 24 февраля 2022 г. Вот уже девять лет над планетой сияет артефакт Страшного суда. Вспыхивают войны, эпидемии, бунты и революции. Государства ломаются как ледовые поля. Толпы беженцев текут по континентам. В боевых действиях массово гибнут пассионарии и обычные люди. Так же стремительно осуществляются судьбы читателей. Приготовьтесь к огромным переменам, к осуществлению предначертанного. Внимание! Это не розыгрыш и не мистификация! Это текст, меняющий жизни.

УДК 82-31
ББК 84стд1-44

ISBN 978-5-00187-198-9

© Иванов В. И., 2022

© Логос, 2022

Содержание

Книга первая	8
ПРОЛОГ	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ. МАГИЧЕСКИЙ ОБРЯД	10
ДАША ЖУКОВА	12
ВАСИЛИЙ АКИМОВИЧ ЖУКОВ	14
БЕРЛИН. ПОСОЛЬСТВО РФ	16
ВАСИЛИЙ ЖУКОВ	18
БЕРЛИН. ОСОБНЯК НА БЕРЕНШТРАССЕ, 36	19
МОСКВА. ДАША ЖУКОВА	20
БЕРЛИН. ОСОБНЯК НА БЕРЕНШТРАССЕ 36	23
ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ГИТЛЕРА И ШТАУФЕНБЕРГА	24
МОСКВА, КВАРТИРА ЖУКОВА В.А	26
БЕРЛИН. ОСОБНЯК НА БЕРЕНШТРАССЕ 36	27
ГИТЛЕР И ШТАУФЕНБЕРГ	28
ШАШЛЫКИ ПО-ПАРТИЗАНСКИ	30
ГЕНЕРАЛ ОГУРЕНКОВ ПРИНИМАЕТ ДЕЛА	33
ПОИСКИ КЛАДА	34
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ФСБ	36
ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД. ХЕРОМАНСКИЙ ХРЕБЕТ	40
ДАША ЖУКОВА	42
НАД ФСБ	43
ОБЛЕТ МОСКВЫ ИКОНОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ	44
СЕРГЕЙ СКВОРЦОВ	45
ИНФОРМАЦИОННО-АРХИВНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ФСБ	48
ЯВЛЕНИЕ КОПЬЯ	53
СОТВОРЕНИЕ КОПЬЯ	55
СОТВОРЕНИЕ КОПЬЯ	57
БОЙ В ГОРАХ	58
ВИЗИТ ДЕПУТАТА В.В. КАПРАНОВА К АНТИКВАРУ	62
ЛОПУШАНСКОМУ	
БОЙ С ОВЧАРКОЙ	64
ЛАГЕРЬ ГПФ (АБВЕРОВСКАЯ КОНТРАЗВЕДКА)	66
БОЙ С ЛЕСНИКОМ	68
ВАСИЛИЙ ЖУКОВ	69
БОЙ С ЛЕСНИКОМ	72
«ТЫ МОЯ БУДУЩАЯ ЖЕНА»	74
БИТВА В ГОРАХ	75
ВАСИЛИЙ ЖУКОВ	82
БОЙ С ВЕРТОЛЕТОМ	83
ВАСИЛИЙ ЖУКОВ	87
СХОЖДЕНИЕ	88
ВАСИЛИЙ ЖУКОВ	89
ВТОРАЯ ВСТРЕЧА ГИТЛЕРА И ШТАУФЕНБЕРГА	90
ДАША ЖУКОВА	93
ВТОРАЯ ВСТРЕЧА ГИТЛЕРА И ШТАУФЕНБЕРГА	95
ПРОРЫВ ОБЛАВЫ	98

ДАША ЖУКОВА	101
ПАРТИЗАНСКИЙ СПОСОБ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ	102
ДОБЫВАНИЕ ОГНЯ. ДАША ЖУКОВА	103
НАВСТРЕЧУ ВЕТРУ	104
ФЕСТИВАЛЬ МОЛНИЙ	105
«НЕ ПОЛОЖЕННОГО ТЕБЕ НЕ НОСИ И НЕ ПРИМЕРЯЙ ДАЖЕ!»	108
«КОПЬЕ – МОЕ!»	111
УБИЙСТВО В ШАТРЕ	112
«Я – МЕССИЯ ВОИНСТВУЮЩИЙ...»	114
БОЙНЯ В ПОЕЗДЕ	116
Книга вторая	119
КАМЕРА № 547	119
ХАТА «ПЯТЬ-ЧЕТЫРЕ-СЕМЬ»	121
НОЧНОЕ БДЕНИЕ	123
ОЧНАЯ СТАВКА	129
В «СТАКАНЕ»	131
ЗАПИСКИ ТЮРЕМНОГО ПСИХИАТРА «МНОГОМЕР»	132
ПУТЬ САМОУБИЙЦЫ	134
БУДЕШЬ МОИМ КИНШОНОМ?	138
КАМЕРА ОБЪЯВЛЯЕТ СКВОРЦУ ОСТРАКИЗМ	141
РАЗБОРНЯК	142
ВЫЕЗДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СТРАШНОГО СУДА	145
РЕЧЬ АДВОКАТА	148
СОВЕТ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ	151
ТРИ СКВОРЦОВСКИХ КОСЯКА	152
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Валерий Иванов

Копье Судьбы

Посвящается моему сыну Дмитрию

© Иванов В. И., 2022

© Знание-М, 2022

Книга первая «Партизан»

*Памяти моего деда Александра Иванова, крымского подпольщика,
погибшего в гестапо.*

ПРОЛОГ

Глухой октябрьской ночью 1941 г. местоблюститель патриаршего престола митрополит Московский и Коломенский Сергей был у себя дома разбужен телефонным звонком. Звонили из Кремля, вежливо сообщили, что Иосиф Виссарионович хочет встретиться и, если возможно, прямо сейчас.

Спустя полчаса митрополит Сергей и еще два иерарха Русской Православной церкви – митрополит Ленинградский Алексей и митрополит Киевский Николай ехали на прием к Сталину.

В темноте, слабо освещенной фонарями охраны, черный «ЗИС» через Троицкие ворота проехал к зданию бывшего Сената, где находился кабинет главы государства. Выйдя из автомобиля, владыки поклонились в сторону Соборной площади и осенили себя крестным знаменем.

В кабинете Иосиф Виссарионович пригласил владык за стол, сам же продолжил прохаживаться по кабинету. «Немцы под Москвой, – сказал он, – где же ваши святые, отцы? Почему они не защищают родную землю?»

После тягостной паузы встал владыка Сергей.

– Господь попускает, чтобы враг христианства дошел до Москвы, потому что сама Русь утратила веру в Бога и попала церкви и храмы. Защиты молитвенной над страной больше нет.

Сталин в задумчивости спросил собравшийся клир.

– Ну, и что будем делать, таварыщи священники? Допустим, чтобы враг растоптал нашу землю? Что пасавэтуете?

Переглянулись владыки. Сергей держал ответ за всех.

– Если вы спрашиваете нашего мнения, что быстро и неотложно можно сделать в таких критических обстоятельствах, то нужно немедленно вывезти на фронт чудотворную икону Божьей матери и совершить крестный ход с нею.

– Да какой фронт, – в раздражении бросил Сталин. – Перед Москвой нэт фронта. Есть атдэльные ачаги сапративлэния.

Пораженные иерархи переглянулись.

– Где немцы? – спросил Сергей.

– В Тихвине.

– Значит, нужно с иконой Тихвинской Божьей матери облететь Москву по фронту.

– Учтите, пастыри, – Сталин ощерил из-под усов мелкие желтоватые зубы. – Гитлер использует против нас магическое оружие – особое, заколдованное копьё. Га-варят, оно обладает мистической силой, перед ним целые армии бегут. Копьем этим, кстати, убили вашего Христа. Устоит ваша икона перед копьём Гитлера?

– Казанская-то Божья мать? – с тихой радостью спросил Сергей. И ужасно твердо ответил. – Устоит!

Встали Владимир и Николай, перекрестились.

– Устоит!

ГЛАВА ПЕРВАЯ. МАГИЧЕСКИЙ ОБРЯД

Крым. 1942 г.

На рассвете 3 марта 1942 г. из оккупированного немцами Симферополя вышел конвой, охраняемый бойцами СОН (соединения особого назначения) «Бергман» («Горец»), созданного Вторым отделом Абвера осенью 1941 года для разведывательно-диверсионных операций в тылу Красной Армии. Колонна проследовала по Бахчисарайскому шоссе и к десяти часам утра прибыла на Ай-Петринское плато. Вокруг зубцов вершины было выставлено оцепление. Солдатам строжайше запретили смотреть внутрь оцепления, куда проследовал «Опель-капитан».

Из автомобиля вышли двое Гауптманов СС. Они вынули из багажника складной столик, собрали его на краю отвесного обрыва. Из грузовика привели русского пленного со связанными за спиной руками.

Полковник фон Штауфенберг оглядел пасмурное небо, заснеженное плато, и, сбросив на руки адъютанту шинель, со стальным чемоданчиком в руке проследовал к Гауптманам, державшим пленного. По его знаку они удалились. Машина отъехала.

Связанный партизан и немецкий полковник остались на скальном балконе наедине. В ушах гудело от ветра. Далеко внизу в разрывах облаков стыло стальное море, подернутое вдоль берега пятнами бирюзового бриза.

– Назовите ваше имя, – прокричал немец на русском языке. Белокурые волосы его бились на ветру.

– Зачем вам?... – опухшими губами выговорил партизан.

– Мне хотелось бы услышать имя такого доблестного воина, как вы.

– Ну, Петр. Петр Малашенко...

– Послушайте меня, Петр. Я не питаю к вам ненависти. Вы храбро сражались, защищая свой фатерланд.

– Это вы сражаетесь за фатерланд, а я защищаю Родину.

Измученный пленник балансировал на краю обрыва, и как ни странно, ощущал свободу, ведь он мог в любой момент прыгнуть вниз и избавиться от мук. В глазах его горела ненависть.

Оберет удовлетворенно улыбнулся.

– Именно поэтому вы здесь, Петр, – сказал он. – Богу неужодна кровь трусов и предателей. Поэтому Иуда удавился и не пролил своей подлой крови на землю. А вот Христос не умер на кресте от удушья, как обычно случается при распятии. Христа убил ударом копья офицер римской армии Гай Кассий Лонгин, германский наемник. Петр, вы удостоитесь величайшей чести – вы примете смерть от того самого копья, которым закололи Спасителя.

Бархатное покрывало на столике трепетало под ветром. Столик улетел бы в пропасть, если бы ординарцы не прикрепили его к скальному грунту специальными штырями. Отстегнув от запястья наручник, немец положил стальной чемоданчик на стол и открыл ключом замки прецизионной штамповки.

Сквозь облака проглянуло солнце. Внутри несгораемого саквояжа заискрились драгоценными камнями золотые ножны. Немецкий полковник вынул из них старинный, почерневший от времени клинок грубой ковки. В «талии» клинок сужался, перетянутый золотым «бинтом». На месте кровостока зияла прорезь, в которую был вставлен четырехгранный кованый гвоздь, унизанный витками тонкой проволоки. Ручка клинка была круглой и полый, предназначенной для древка.

– Вот оно, знаменитое Копье Судьбы, – благоговейно склонил голову немец и обеими руками поднял перед собой наконечник. – Копье Лонгина, Оттона Третьего, святого Маврикия, Фридриха Барбароссы, Наполеона. Сейчас им владеет фюрер немецкой нации Адольф Гитлер.

Перед этим копьем бегут армии всего мира. Время от времени оно нуждается в подзарядке. Его должно омывать кровью героев. Сегодня его омойт ваша кровь.

«И сотряс черноликий Финеес Копьем и издал вопль, и страх прошел по толпам, словно волны по водам. И снова сотряс Финеес Копьем, и полегли воины от крика его, словно колосья на поле под серпом жнеца. И в третий раз сотряс яростный в брани Финеес Копьем, и побежали воины от лица его, как отара овец от волка рыщущего. Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя!»

С пронзительным воплем полковник германской армии нанес удар. Наконечник вонзился в бок жертвы между пятым и шестым ребром. Лицо пленника исказилось, словно бы ему открылось какое-то потрясающее видение: омытое кровью Копье пылало от переполняющей его энергии, из раскаленного наконечника вырвался иссиня-белый разряд и покрыл небо сетью пульсирующих молний. Чудовищная вольтова дуга, шипя и растрескиваясь, ударила вдоль побережья на северо-восток, – вал ужаса и паники покатился на отчаянно защищающие Севастополь части Красной Армии.

ДАША ЖУКОВА

Москва, наши дни

Лежу в обнимку с ноутбуком, мать врывается, тычет мне в нос телефоном.

– На, поговори с дедом! Он завещание на Никиту переписал. Допрыгалась! А я тебя предупреждала.

– Это спам. Ничего он не переписал.

– Переписал. Езжай к нему, немедленно! Ты же любила дедушку.

О-о, как неохота к деду переться! У него кличка на районе «Партизан». Когда он еще ходил самостоятельно, напивался на 9 Мая и залегал на газоне «за пулеметом», отстреливался от «фошыздов», пока не приезжала полиция и не отвозила его домой.

У нас в школе проводили «дискотеки 80-х», отстой полный, мы на них ходили только чтобы поугарать. Вот я и решила устроить деду «дискотеку 40-х», пусть молодость вспомнит, скачала с тырнета подходящий музон, приехала, вставила спящему деду наушники и врубила плеер на полную громкость!

Wenn die Soldaten
Dutch die Stadt marschieren,
Oeffnen die Maedchen
Die Fenster und die Tueren

Ei warum? Ei darum!
Ei warum? Ei darum!
Ei bloss wegen dem
Schingderassa,
Bumderassasa!
Ei bloss wegen dem
Schingderassa,
Bumderassasa»!

Как мой дедуля подскочит, как очи выпучит, как заорет: «Нина, немцы!» и бежать куда-то порывается, а ведь притворялся, что даже встать в туалет для него проблема. Я тужусь, чтоб от смеха не лопнуть, и снимаю этот постельный брейк-данс на мобильник, завтра размещу в инете – вот лайков соберу!

Он меня заметил – ка-а-а-к цапнет за руку:

– НЫ-ы-ы-ы-ЫЫЫЫНа-а-а-а!

У него не руки, а клешни! Кричу: «Отпусти, мне больно!», он не слышит, у него же в ушах марш грохочет. Он бы мне точно руку вывихнул, если б я не догадалась выдернуть из него наушники.

Его от тишины Кондратий хватил, сидит с вытаращенными глазами, понять ничего не может, трогает свои «лопухи».

– А што это было?

– «Дискотека сороковых», по заявкам ветеранов. Думала, тебе приятно будет вспомнить молодость...

– Ни хрена себе уха! Я же чуть не чокнулся спросонья... Разве можно так шутить?

– Ну, все, все, извини! Программа «Розыгрыш» не удалась.

– Розыгрыш? Так это был розыгрыш?

Дед лег и отвернулся к стене. Какой он стал маленький! Мне его стало так жалко! Села я к деду на кровать, погладила его по костлявому плечу.

– Дедуль, ну извини. Хочешь оладушек поджарю?

Он повернулся, насупленный, строго приказал.

– Возьми стул. Сядь! Рассказать я тебе должен. Нельзя такое с собой в могилу уносить. Ты ведь знаешь, партизанил я в Крыму.

«Уроки мужества» повторялись каждый мой приезд. А не выслушаешь со всем вниманием – все, ты ему враг смертельный.

– Дедуль, история-то длинная?

– Послушать придется.

– Тогда я у тебя волосы покрашу, ладно? Буду сохнуть и слушать тебя со вниманием.

Пошла на кухню, развела краску, нанесла на волосы, надела на голову пакет, сверху закрутила полотенцем. Вот, теперь можно и «аудиокнигу» послушать.

Акимович поманил меня к себе и зашептал, будто кто-то мог нас здесь подслушать.

– В сорок втором году взяли мы на секретной операции чемодан личного курьера Гитлера. Чемодан был такой тяжелый, что, думаю, там было золото. Немцы тогда у евреев в концлагерях вырывали коронки и отправляли курьерами в Германию. Я этот чемодан закопал в горах, на Голом шпиле, возле хребта Абдуга.

ВАСИЛИЙ АКИМОВИЧ ЖУКОВ

Прямая речь

Наш отряд базировался на склоне Хероманского хребта, а внизу, в деревне Коуш, находился крупный гарнизон татар и немцев. Мы его «сумасшедшим лагерем» звали, они на любой шорох открывали стрельбу.

Румын Русу первым к нам перебежал. Отец его, русский по происхождению, когда провозжал сына на войну, сказал, что если он будет воевать против русских, чтоб домой не возвращался. Руссу сообщил, что в Симферополь приехал важный офицер из Берлина в чине оберста и повсюду носит с собой стальной чемоданчик, прикованный цепью к руке. Мы доложили в штаб, командование радиовало в Москву. Той же ночью из Севастополя прислали самолетом группу Омсбона во главе с майором Бураном (Омсбон – особая моторизованная бригада, состоящая из выдающихся советских спортсменов, чемпионов и рекордсменов мира, циркачей и акробатов, была прозвана «личным кинжалом Берии», использовалась для спецопераций, требовавших сверхчеловеческих умений).

Перед операцией Буран нас подкормил – каждый получил по банке тушенки, триста грамм черного хлеба и печеную картофелину. С Бураном прибыла группа испанцев из республиканской армии. Испанцы эти были боги подрывного дела, многому нас научили, один из них, Касада, стал потом советником Фиделя Кастро и Че Гевары. У Касады не было обоих больших пальцев на руках, это типичная минно-взрывная травма. Так даже он сказал, что труднее Крыма ничего в своей жизни не видел, это был живой ад на земле. Испанцы устанавливали мины на пути проезда гитлеровского курьера. Он для чего-то на Ай-Петри поехал, по Бахчисарайскому шоссе, наверно, хотел, как турист, на Черное море с высоты полюбоваться. Вот на отходе с Ай-Петри мы его и поджидали.

Испанцы сработали ювелирно. Взорвали переднюю машину с пехотой и БТР сзади. Группа Бурана перебила телохранителей, захватила оберста и отошла к лесу. Мы прикрывали отход.

Немцы бросили против нас особую группу егерских частей «Альпини». У них снегоступы были канадские, они на этих плетенках по снегу, как по льду на коньках летали. И вот эта ягд-группа отборных головорезов устремилась за нами в чашобу Узун-Крана. Их поддерживали румыны из третьей горнострелковой армии и «ахмеды» из татарских отрядов. Еще бы, такое ЧП! Похитили личного представителя фюрера. БТРы их дошли до хребта Абдуга, дальше не могли подняться, но у этих вояк была горная артиллерия, они ее называли «пупхен», на мулах, на одном муле стол и щит, на другом два колеса со снарядами. Заберутся на высоты и молотят нас из «пупхенов» и минометов.

Из моей группы уцелело четверо. Я, Алексей Мохнатов, Гуськов Григорий и Нина Помазкова, невеста моя. Стецура, Бондаренко, Осипенко, Чуб, Сергей Русу, Коптелов и его моряки – все погибли. Дорого нам тот оберст обошелся.

В лесу наткнулись на Бурана, все его омсбоновцы побиты. Они столкнулись с абверовской ягд-группой из «Бергмана», ну и положили друг друга. Буран был в живот ранен, хрипит из последних сил: «Василий, бери немца, уходите с ним на «зубробизонов». Федя Мордовец будет вас ждать до сумерек, потом улетит. Операция на контроле Москвы, слышишь? Запомни, это «Шекспир». Так нашим и скажи – «Шекспир». И смотри, под страхом смерти чемодан не открывай».

«Зубробизононами» называлась взлетная площадка на месте бывшего загона для зубробизонов, где умудрялись садиться «этажерки» из Севастополя.

Попрощался я с Бураном, немца дулом в спину ткнул – шнель, сука!

Не отошли мы и пятидесяти метров, как сзади стукнул выстрел. Вечная память майору!

А сил уходить от погони почти не осталось, мы ж кизилowym отваром питались да редкими трофеями из татарских деревень – баранами да собаками. Ты сейчас, в мирное время попробуй в гору подняться, мигом запыхаешься, а мы тогда на скелеты ходячие были похожи...

БЕРЛИН. ПОСОЛЬСТВО РФ

Наши дни

Вальс Штрауса вращал в музыкальном вихре танцующие пары. В зале приемов Посольства Российской Федерации роились мужчины в смокингах и дамы в бальных платьях. Сновали официанты с подносами, уставленными бокалами с шампанским.

Немолодой мужчина с обритой наголо лобастой головой выделялся среди стоящих вблизи господ мощным телосложением, которое угадывалось под натянутым на плечах, словно бы надетым с чужого плеча, смокингом. Так оно и было: генерал-лейтенант ФСБ Валентин Григорьевич Огуренков позаимствовал смокинг у атташе по Военно-морским делам Вадима Черемета.

– Вот, Валентин Григорьевич, познакомьтесь, – сказал Посол России в Германии Владимир Гринин, подводя к Огуренкову худощавого, средних лет господина в золотых очках, с прямым пробором в белесых волосах, – друг нашей страны герр Штерринг.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Посол отошел.

Огуренков ждал обычного обмена любезностями и визитками, но разговор сразу приобрел необычный оборот.

– Мой дед воевал в России, – сказал Штерринг. – Он был тяжело ранен в Крыму в 42 году, потерял глаз и правую кисть. И вот недавно произошло чудо! – Штерринг вынул из нагрудного кармана пачку фотографий. – На утерянной руке моего деда находился наградной перстень. Дизайн его был придуман лично рейхсфюрером СС Гиммлером. На кольце, как вы видите, изображен череп, свастика, руна «хагалаз» (символ братства) и две руны «совило» (символ победы). А теперь взгляните сюда!

На следующей фотографии Огуренков увидел внутреннюю сторону кольца, на ободке которого читалась гравировка готическими буквами «S Lb».

– Вы видите личную подпись рейхсфюрера СС Гиммлера, – торжественно возвестил Штерринг. – Аббревиатура «S Lb» означает «Его любимцу». Сомнений нет, это перстень моего деда. Посмотрите в глаза черепу. В них вставлены бриллианты. Подобных колец было изготовлено ровно двенадцать.

– Это очень познавательно... – рассеянно заметил Огуренков.

– Эти фотографии мы получили два дня назад. Некий торговец антиквариатом из Крыма прислал эти снимки в Общество лютеран в Киеве, которое занимается поиском и возвращением на родину праха немецких воинов.

– Чего же вы хотите от меня?

– К сожалению, мы не успели выкупить кольцо. Черные копатели не сошлись в цене с торговцем, убили его и скрылись...

– Убили? Тогда вам следует обратиться в Министерство внутренних дел Украины. Крым находится под их юрисдикцией.

– Одну минуточку, герр генерал, я не договорил. Черные копатели покинули Крым и сейчас находятся на пути в Москву. Мы просим вашего содействия в их поисках. Этот перстень крайне важен для нашей семьи, – вице-консул доверительно понизил голос. – Мой дед очень богатый человек, он хотел бы вам лично сообщить сумму вознаграждения за находку.

Ах, вот оно в чем дело! Какая наглая вербовка! В посольстве! Под прицелом сотен глаз! Перстень – только предлог. Интересно, в какую сумму они оценивают генерала ФСБ?

Выйдя из посольства, генерал сел в машину и последовал за идущим впереди серым спортивным «Порше». Автомобили остановились возле массивного здания в районе Ангальтского вокзала.

Пожилый мажордом открыл высокие дубовые двери, украшенные старинной бронзовой инкрустацией.

По мраморной лестнице, устланной бордовой дорожкой, Штерринг и Огуренков поднялись на второй этаж, в готический зал со стрельчатыми потолками, со стенами, украшенными фамильными портретами и рыцарскими доспехами.

Навстречу гостям на инвалидном кресле выехал старик с изможденным бледным лицом, усеянным старческой пигментацией.

– Граф фон Штауффе... – неразборчиво представился он, подавая для рукопожатия левую руку, правая в черной печатке лежала на подлокотнике кресла. Голову графа по вискам охватывала тонкая тесьма, закрывающая черным наглазником левую глазницу.

Гости расположились у столика, накрытого для легкого ланча и освещенного свечами. Хозяин сразу перешел к делу.

– В 1942 году я был с важной миссией в Крыму, – сказал он на чистом русском языке.

– На мой конвой совершили нападение партизаны. В том бою я потерял глаз и правую руку. Перстень с моей утерянной руки был недавно найден в Крыму. Я прошу вас найти в архивах НКВД материалы о нападении на конвой. Оно было спланировано из Москвы. Целью было заполучить содержимое кофра, пристегнутого к моей руке стальной цепочкой. Партизаны разгромили охранение, взяли меня в плен и увели в лес. Когда им стало ясно, что со мной им от погони не уйти, они избавились от меня.

– Каким образом?

Старик ответил просто.

– Они меня застрелили.

ВАСИЛИЙ ЖУКОВ

Прямая речь

Горный Крым. 3 марта 1942 г. 13 часов 04 минуты

Немец тормозил весь отряд. Он неуклюже карабкался по заснеженным кручам, падал, подолгу стоял в изнеможении на четвереньках, а на угрожающие окрики Василия Жукова показывал на чемоданчик – тяжелый! Василий попробовал на вес – чемодан весил не меньше полупуда. «Что в нем такого, может, золото?»

– Отстегивай! – приказал он. – Мы сами понесем.

Немец отрицательно замотал головой, и вдруг на русском языке сказал.

– Я его не отдам!

– Он по-русски разговаривает! – удивился Мохнатов.

– Ах ты, гадина! – Василий ударил немца кулаком в лицо. – Отстегивай чемодан, гнида!

Немец проморгался и непримиримо повторил.

– Найн! Пока я жив, никто это не тронет!

Донесся далекий лай собак, татакание немецких автоматов.

Василий повернул автомат немцу в живот и нажал на курок. Щелкнул металл. Еще раз. Еще. Оберет попятился по снегу, выставил перед собой стальной чемоданчик в качестве щита. Партизан отстегнул магазин. Пусто. Сунул за борт фуфайки разбухшую от мороза, багровую «клешню», вытащил револьвер, навскидку выстрелил немцу в лицо. Голова оберста дернулась, фуражка с высокой тульей слетела за спину, фигура в шинели с меховым воротником повалилась на спину.

– Гриша, нож давай. – Василий подсел к убитому, нащупал утонувшую в снегу цепочку, положил ее на стальной чемодан. Григорий Гуськов приставил сверху нож, ударил по обуху прикладом. Даже зазубрины не осталось на крупновской стали. Удар, еще, еще!

У лежащего навзничь немца глазница наполнилась дымящейся на морозе кровью, тонкая струйка пролилась к уху, наполняя ушную раковину.

Гуськов колотил прикладом по обуху ножа, цепь не поддавалась.

«А ну дай!» Жуков забрал нож у товарища, выдернул руку немца из обшлага шинели, припечатал к чемоданчику, резанул по запястью. Брызнула кровь. Зазубренное острие не резало – пилой рвало плоть, уперлось в кость, захрустело. Подплывшая кровью рука соскальзывала с чемодана.

– По связкам, связкам резани, – подсказывал Гуськов, – по жилам...

Вновь застрочили немецкие автоматы, лай собак сделался громче, свистнули пули.

Взрычав от натуги, Василий с хрустом провернул полуотрезанную кисть, промокнул кровеносный разрез снегом, рассек натянутые сухожилия – кисть отделилась.

Помогай, крикнул он Гуськову, это гиря, а не чемодан!

Гуськов подхватил трофей с другой стороны, вдвоем пошли сноровистой.

За чемоданом на цепи волочилась по снегу зажатая в наручнике кисть оберста, – поси-
невшая, с багровой наледью на месте отруба.

БЕРЛИН. ОСОБНЯК НА БЕРЕНШТРАССЕ, 36

Наши дни

Русский генерал окинул взглядом иссохшую фигуру старца.

– Вы сказали, что партизаны вас застрелили. Уж не разговариваю ли я с призраком?

Старик ослабил в неслышимом смехе, радиальные морщины покрыли его ввалившиеся щеки.

– Видимо, порох отсырел, и пуля выбила мне глаз, но в мозг не проникла. Вот она, – граф сделал знак, секретарь поставил на стол золотую табакерку. На зеркальной подложке лежал сплюснутый кусочек свинца. – Германским командованием была проведена операция армейского масштаба по прочесыванию леса. Кофр как в воду канул.

– Что же в нем находилось, господин граф? – спросил Огуренков.

Хозяин дома пожевал блеклыми губами.

– Этого я пока не могу вам сказать.

– В русском фольклоре, – сказал Валентин Григорьевич, – есть сказка, в которой царь посылает главного героя туда, не знаю куда, найти то, не знаю что. Я не сказочный персонаж и не могу заниматься поисками неизвестно чего. Скажите откровенно, что мы ищем, и тогда я смогу помочь вам.

Старый граф погрузился в раздумья..

– Вы правы, – сказал он. – У меня осталось мало времени, я вынужден раскрыть вам карты. Но предупреждаю, после моего ответа у вас уже не будет пути к отступлению.

Огуренков упрямо нагнул лобастую, наголо обриту ю голову.

– Надеюсь, это не угроза?

– О нет, это необходимое предупреждение.

Русский генерал поднялся.

– В предупреждениях не нуждаюсь! Это вы обратились ко мне за помощью, а не я к вам. Не люблю, когда меня используют втемную. Благодарю за гостеприимство.

– Ну, что ж, прощайте, – сказал граф, протягивая руку. Правую.

Огуренков застыл во встречном движении. Навстречу ему торчала сморщенная культя. Искусственная кисть осталась лежать на подлокотнике.

– Прощайте, – повторил граф, видя, что гость находится в замешательстве.

Русский генерал действительно слегка «завис», не совсем понимая, что и как ему нужно пожимать. Культю? Но это как-то дико...

Словно против воли, генерал протянул руку для странного рукопожатия. Когда его пальцы достигли того места, где должна была находиться отрубленная кисть, он вдруг увидел: из сморщенной культы струилась призрачная ладонь с породистыми длинными пальцами. Ладонь принадлежала молодому мужчине, сквозь прозрачные связки и фаланги просматривались колени графа, накрытые шотландским пледом в черно-красную клетку.

Русского генерала как будто парализовало. Обе руки – живая и прозрачная – находились друг от друга в нескольких сантиметрах. Огуренков инстинктивно сжал пальцами пустоту бесплотной кисти.

Немец пристально смотрел зрачком единственного глаза, тусклым и сплюснутым, как свинцовая пуля. «Он меня гипнотизирует», понял Валентин Григорьевич, но не смог ничего поделать. Кисть его, конвульсивно сжатая, недвижно застыла в катаlepsии загробного рукопожатия.

МОСКВА. ДАША ЖУКОВА

Наши дни

Блин, я передержала краску! Подорвалась в ванную, смыла краску, гляжу в зеркало – вау! – волосы стали огненно-алыми, я запылала, как костер. Это дед виноват, совсем заболтал меня рассказами своими.

Когда я вернулась в спальню, он важно сообщил.

– Ты моя любимая внучка, тебе я завещаю огромное богатство...

Я огляделась в жалкой квартирке.

– И где же оно?

– Так я же тебе битый час толкую, – рассердился старик. – Чемодан оберста я в горах закопал! Он тяжелый был, как гиря. Ясно, что там было золото. Поезжай, заведи его себе. Я тебе тут карту нарисовал.

Он достал из-под подушки мятый листок.

Я повертела рисунок. Дрожащими каракулями было написано «Голый шпиль», «Чаир» «Деревня Семисотка», «Абдуга», «Узун-Кран». Если бы я знала, что скоро эти названия будут звучать для меня так же страшно, как «Обитель зла», я бы не улыбалась тогда так легкомысленно.

– Ты с ума сошел? Никуда я не поеду!

Дед не обратил внимания на мои возражения.

– Я все продумал, – пыхтел он, – вот маршрут, вот рисунок чаира у Голого шпиля, вот скала, вот здесь, под ней, захоронена Нина с чемоданом оберста. Поезжай, похорони ее по-человечески.

– Капец! Там еще могила чья-то! Чего ж ты его сам раньше-то не выкопал, клад свой?

* * *

Крым. Голый шпиль. 15 часов 13 мин. 3 марта 1942 г.

Гуськов и Мохнатов остались прикрывать отход. Василий с Ниной проделали палку в ручку и вдвоем волокли немецкий чемодан. Они совершенно выбились из сил, уходить от погони приходилось круто в гору, карабкаясь по снеговым оползням.

Вот знакомый чаир – участок дикорастущих яблонь и груш у подножия Голого шпиля. Кизильник и шиповник укутаны снегом, из их плодов и корешков он варил отвар от цинги, а под скалой обнаружил глубокую щель, расширил ее и оборудовал тайник.

Стараясь не стряхнуть снег с кустов шиповника, он прополз к тайнику и принялся раскапывать снег. Вскоре рука провалилась в пустоту. Расширив проход, он пропустил вперед Нину, и заполз следом, закрыв отверстие изнутри трофейным чемоданчиком.

Они оказались в каменном гробу. Нина дрожала от страха и холода. Василий обнял ее и прижал к себе.

– Не бойся, двумя смертям не бывать, а одной не миновать.

Донесся собачий лай. Девушку охватил приступ дрожи. Еще закричит от страха, подумал Василий.

– Слышь, Нин, – шепнул он, чтобы отвлечь ее от надвигающегося ужаса, – а ведь это я сыпанул патронов в трубу Чистякову.

Она даже дрожать перестала.

– Ты? Он так перепугался, под нары залез!

Василий тоже дрожал от страха и пронизывающего до костей холода.

– Скажи, напоследок, у вас с ним что-нибудь было?

вил так, что перед глазами поплыли огненные круги, в ушах зазвенело. Давил и шептал, как делал это в минуты острой близости «Любимая, сейчас, потерпи, еще чуть-чуть, все будет хорошо...».

Лай собак, гудение крови в голове, мычание и биение тела под ним, укус в губы, – все слилось в приступ жгучего безумия.

«Ты же сама смерти просила, а теперь кусаешься!»

В приступе отчаяния и злобы Василий так стиснул пальцы, что захрустело ломкое горло. Обмякла Нина, больше не барахталась, не кусалась.

Василий впал в забытье.

Очнулся от оглушительного лая за стальной переборкой чемоданчика.

Разжались окоченевшие пальцы на горле убиенной Помазковой, взвели курок, приставили дуло к виску неизвестного солдата.

БЕРЛИН. ОСОБНЯК НА БЕРЕНШТРАССЕ 36

Наши дни

– Не бойтесь, – немигающим глазом вперился в гостя старый граф. – Вы вошли в контакт с моим будхическим телом. Это часть посвящения.

Астральный ток сотрясал тело генерала российских спецслужб.

Огуренков почувствовал, что теряет контроль над разумом.

– Что вы делаете, – прохрипел он, – прекратите.

– Я предупреждал, что у вас не будет другого выхода, – прошелестел голос. – Теперь вы обязаны пройти посвящение.

– Посвящение? Но во что?!

– В «Bestellen Spearmen», «Орден Копьеносцев». Сегодня я посвящаю вас, а меня посвятил сам фюрер! Мое полное имя – Клаус Шенк Филипп Мария граф фон Штауфенберг.

Призрачная кисть разжалась.

Огуренков рухнул в кресло.

Голова прояснилась, но гудящая рука висела как отшибленная.

Как он назвал себя? Штауфенбергом?

Но легендарный полковник был расстрелян сразу же после неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 года. Неужели?..

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ГИТЛЕРА И ШТАУФЕНБЕРГА

9 марта 1938 года потомственный военный аристократ граф фон Штауфенберг получил приглашение на личную аудиенцию к канцлеру Германии Адольфу Гитлеру.

Ранним утром поезд подошел к Ангальтскому вокзалу Берлина. На перроне прямо напротив двери вагона ждал офицер СС в намокшем под дождем прорезиненном плаще. Он принял чемодан графа и проводил его к черному правительственному «Мерседесу», ожидавшему на привокзальной площади.

При выезде на Шарлоттенбургское шоссе к ним присоединился эскорт мотоциклистов.

В приемной никого не было, кроме двух высоких белокурых офицеров в черной, перетянутой ремнями форме СС. При появлении посетителя они щелкнули каблуками, отработанным жестом распахнули уходящие под потолок двери и вскинули руки в нацистском приветствии. Штауфенберг прошел под живым портиком.

Кабинет главы государства поражал размерами – в нем могло бы поместиться дворянское собрание европейской столицы. Граф заметил Гитлера только тогда, когда тот поднялся из-за стола и, заложив руки за спину, семенящими шажками двинулся ему навстречу. Рукав его солдатской гимнастерки охватывала красная повязка с черной свастикой на белом просвете. На груди висел Железный крест.

Впившись глазами-буравчиками в лицо гостя, Гитлер вскинул руку в фашистском приветствии, сильно отогнув назад ладонь. Пожатие его оказалось влажным и мягким, зато глаза царапнули по душе графа наподобие двух алмазных стеклорезов. Коротким жестом предложив Штауфенбергу присесть на диван, фюрер опустился в кресло напротив и спросил высоким резким голосом.

– Штауфенберг, вы слышали о Копье Судьбы?

Граф кивнул – кто в аристократической Европе не знал о таинственном артефакте?

– Я увидел его впервые, будучи еще совсем молодым человеком, в музее Хофбург, в Вене... – Гитлер замолчал, предавшись воспоминаниям. – Только что закончилась мировая война, из которой я вышел израненным, вот с этим железным крестом на груди. А в груди моей зияла рана – боль за поверженную, преданную, растоптанную родину. Как поднять ее с колен? Стоит ли сражаться? Хватит ли у меня сил? У меня – нищего ефрейтора, отравленного газами, потерявшего зрение от нервного потрясения. Да, граф, я временно утратил зрение, когда узнал, что Германия капитулировала. Что значил этот знак, Штауфенберг? Не отвечайте, вы не знаете! Та слепота была сродни слепоте Павла. Я был подавлен, растерян, ни проблеска надежды не блистало передо мной в темном и безнадежном будущем. Но Бог живёт в нас, потому что мы постоянно ищем свидетельства Его Силы в мире и стремимся приобщиться к ним. Так слушайте же, граф! Сейчас я расскажу вам о величайшем событии в моей жизни!

Гитлер встал и, заложив руки за спину, принялся расхаживать по кабинету, время от времени оборачиваясь к слушателю с фехтовальными выпадами рук.

– Тот, кого ведет Бог, всегда приходит вовремя. Казалось бы, случайно я забрел в Зал сокровищ Габсбургов. Меня привлекла тишина этого места, где я мог бы предаться своим мрачным размышлениям. Внезапно в зал вошла экскурсия, гид подвел группу точно к тому месту, где я находился. Рука гида указала на витрину, а его громкий голос принялся излагать легенду. «С этим копьём связана легенда, согласно которой тот, кто объявит его своим и откроет его тайну, возьмет судьбу мира в свои руки для совершения Добра или Зла». Я стоял, пораженный, как громом. – Глаза фюрера расширились, руки поднялись перед лицом и сжались в подрагивающие кулаки. – Меня словно молния пронзила и озарила на долгие годы мистерию моей жизни! – Гитлер резко бросил руки вниз, раскрыв пальцы и переводя дыхание. – В ту же секунду я понял, что наступил знаменательный момент в моей жизни. Долгие

минуты я стоял, рассматривая копьё. Я гипнотизировал его взглядом, умоляя раскрыть мне свою тайну. Целый день до самого закрытия музея простоял я перед легендарным оружием. Вечером я вернулся домой к моему брату и другу Альфреду Розенбергу. Мы делили с ним утлый кров и те немногие деньги, что нам удавалось раздобыть поденным трудом. В ту же ночь мы провели спиритический сеанс и вызвали дух Оттона Третьего – императора Священной Римской империи, которому в своё время принадлежало копьё. Дух явился, Штауфенберг, дух явился! Знаете ли вы, что сказал мне Оттон Третий? «Новым предводителем Германии станет тот, кто завладеет Священным Копьём. А если он завладеет и Чашей Грааля – то завоюет весь мир!»

На следующий день, пьяный от бессонницы, я прибежал в музей к самому открытию. – Гитлер расширил глаза и прошептал. – В тот день произошло великое таинство...

МОСКВА, КВАРТИРА ЖУКОВА В.А

Наши дни

– И че, ты ее реально задушил?

Приставив указательный палец к виску, старый партизан Василий Жуков сидел на кровати и пустыми глазами смотрел перед собой. Лицо его корежила мука, кадык дрожал на дряблом горле, грудь тряслась в приступах рыданий.

– Задушил, внуча... Нет мне прощения...

В квартире тихо тикали ходики, за окнами шумела дорога, старик мой пялился в пространство и продолжал «стреляться» из пальца.

– Жесть, – я осторожно отвела его дрожащую руку от виска, будто он и в самом деле мог застрелиться. – Ты мне весь мозг вынес. Как же ты сам-то выжил?

– А? – старик приложил руку к лопуху уха.

– Кончай тупить! Ты задушил невесту и приставил пистолет к виску, так? Но раз ты живой, значит, не выстрелил. Ты что, сдался в плен?

Старик стукнул кулаком по колену.

– Не сдавался я! Запомни! Никогда и не перед кем Васька Жуков не сдавался!

– Так как же ты выжил?

– Так это, как его... – забормотал он, – осечка, осечка вышла... Стрелял я, а как же, я же Ниночке обещал. Да либо патрон отсырел, либо это самое... я щелк, щелк, не стреляет патрон проклятый.

– А немцы?

Он виновато развел руками.

– Немцы мимо прошли...

Это был баг. Я зависла.

– А как же собаки вас не почуяли?

– Немцы же нас выкуривали, леса поджигали, чтобы мы задохнулись. Вот дым овчаркам нюх и отбил.

– Зачем же ты тогда Нину задушил? Вдруг бы вас не нашли?

– Кто ж знал... Поторопились мы маненечко... – он тихонько заскулил. – Ох, какая она красивая была! Вот как ты сейчас... Война нам судьбы сломала...

Рассказ отнял у него последние силы, голос стал совсем тихим, под конец он говорил так невнятно, что мне приходилось чуть ли не ухом прижиматься к его губам.

– Обязан я замолить грехи перед смертью. Нина каждую ночь приходит, Толя снится. Вот тебе моя предсмертная воля, Дарья, поезжай в Крым, на Голый шпиль, найди могилку моей Ниночки, похорони ее косточки по-людски, молитвы прочитай и все такое. Мы же тогда безбожниками были, не знали, как надо по-христиански-то хоронить...

БЕРЛИН. ОСОБНЯК НА БЕРЕНШТРАССЕ 36

Наши дни

Губы Огуренкова растянулись в недоуменной улыбке.

Рука! У Штауфенберга отсутствовала кисть правой руки.

Глаз! У легендарного полковника тоже была черная повязка на левой глазнице.

После расстрела заговорщиков по Германии прокатилась волна арестов и массовых расправ. Элита германской нации полегла в застенках гестапо. Об этом Огуренков напомнил старому графу.

– Ах, да, я и забыл... – усмехнулся тот, дыша прерывисто и устало, – меня выкопали из могилы, сожгли и развеяли мой прах по ветру. И весь род Штауфенбергов был уничтожен по древнегерманскому закону кровной мести. Все дело в том, мой дорогой генерал, что никакого покушения на фюрера не было. Под прикрытием грандиозного мифа тысячи лучших сынов Германии были объявлены расстрелянными, переправлены в надежные места и спасены от сталинских лагерей и американских судилищ.

– Ну, ни хрена себе... – пробормотал Огуренков., утирая вспотевший лоб.

– Разве когда-нибудь вскрывались захоронения по делу о покушении на фюрера? – продолжал хозяин дома. – Проводилась эксгумация их трупов? Нет. Все эти люди исчезли. Они унесли в пещеры и подземные города уникальные технологии германской науки. Насколько я знаю, большая часть архивов КГБ еще не переведена в электронный вид. Поэтому, чтобы облегчить вам поиски, укажу на одну деталь. Те, кто меня похитили в Крыму в 42 году, они не знали, что я понимаю по-русски, поэтому разговаривали при мне свободно. Их старшим был офицер НКВД, майор Буран, он был ранен и остался там погибать. Он передал меня партизану по имени Василий. Перед тем как застрелиться, Буран сказал ему про меня: «Запомни, это Шекспир»! Скорее всего, операция называлась «Шекспир»...

– Почему «Шекспир»?

– Shakespeare – «потрясающий копьём». Вот я и открыл вам цель наших поисков, Вам предстоит найти Копье Лонгина, величайшую реликвию рейха, утерянную мною в Крыму в далеком 1942 году.

ГИТЛЕР И ШТАУФЕНБЕРГ

1939 г. Первая встреча (продолжение)

Гитлер гипнотически расширил глаза.

– В тот день произошло великое таинство. Я называю его «посвящением в сущность копья». Я стоял возле реликвии несколько долгих часов. Я полностью сконцентрировал свой разум на этом предмете. Воздух в зале сокровищ Хофбургского музея стал столь удушливым, что я едва был в силах дышать. Обжигающая атмосфера музейного зала, казалось, расплывалась перед глазами. – Трясущейся рукой Гитлер указывал в пространство перед собой, расширенные глаза его видели нечто такое, что наводило на него ужас. – Я стоял один, весь дрожа, перед колеблющейся фигурой сверхчеловека – опасный и возвышенный разум, бесстрашное и жестокое лицо, черная борода с молниеподобным клином седины. С почтительной опаской я предложил ему свою душу, чтобы она стала инструментом его воли. – Упавшим голосом Гитлер произнес. – Он принял мое предложение.

Долгое молчание наполнило имперскую канцелярию.

Внезапно полковник вздрогнул: Гитлер шел на него, крича.

– Штауфенберг, Сверхчеловек принял мое предложение! Душа моя перешла под его эгиду! В этот момент я стал мессией! Разве мог нищий ефрейтор сделаться правителем Великой Германии без покровительства Высших сил? Только тупица или безумный может счесть это случайностью!

Замолчав, фюрер вплотную подошел к сидящему на краешке дивана гостю.

Граф встал.

– Штауфенберг! – фюрер пробуравил своего визави пронзающим взором. – Я принял решение об аншлюсе Австрии! Завтра войска рейха войдут в Австрию и восстановят единство германской нации. Вам я поручаю миссию величайшей важности. Вместе с ударным отрядом Отто Скорцени вы вылетите на самолетах в Хофбург и захватите Копье Судьбы! Копье – ключ к всемирному господству. Этим копьём я открою мир, как несгораемый сейф. И германский народ получит в свои руки несметные сокровища, в нем скрываемые.

За те двадцать минут, что длилась аудиенция, граф фон Штауфенберг осознал, что ему в человеческом облике явился не кто иной, как сам Дух Германской Нации. Такие события случаются в истории настолько редко, что их можно пересчитать по пальцам. Духом Франции был Наполеон. Духом Древнего Рима явился Цезарь. И вот теперь Духом Германии стал этот невзрачный человек с острым носом и вздорными усиками. Почему он? Почему не утонченный аристократ? Почему не урожденный тевтонский рыцарь? Все эти вопросы мигом отошли на задний план. Потрясающая сила убеждения, гипнотизм речи, мощное магнетическое излучение личности взяли Штауфенберга в окончательный и бесповоротный плен. Граф спросил срывающимся от волнения голосом.

– Почему именно меня вы избрали для столь значительной миссии?

Гитлер уставился в зрачки собеседника.

– Кто я для вас, Штауфенберг? – свистящим шепотом спросил он.

Клаус Шенк Филипп Мария граф фон Штауфенберг набрал в грудь воздуха.

– Mein Führer! – выкрикнул он, щелкая каблуками и выбрасывая правую руку в том приветствии, которое еще полчаса назад презирал как плебейское.

Гитлер приблизился, почти уткнувшись носом в лицо тевтонского аристократа.

– Теперь вы понимаете, – прошипели подрагивающие под квадратом черных усов бескровные губы, – почему мне не нужны оракулы, чтобы безошибочно определить избранного?

– Jawohl, Mein Führer! – вне себя от захлестнувшего душу восторга вновь выкрикнул Штауфенберг. Он вопил так, как кричали толпы на площадях, впадавшие в массовый психоз после часовых речей Адольфа Гитлера.

– Штауфенберг, – торжественно возвестил фюрер, – я возвожу вас в сан Великого Копьеносца! Отныне ваше тайное имя – Spearman Führer. Ступайте за мной!

Озябнув от нервной дрожи, полковник следует за фюрером по длинному, нескончаемому коридору. Гитлер уходит так быстро, что Штауфенберг не может его догнать, бежит, задыхается, но отстает все больше и больше...

... сквозь муть беспамятства уцелевшим глазом он видит склонившихся немецких солдат в белом зимнем обмундировании. Чьи-то руки стягивают жгутом кровоточащую культю, вкалывают лекарство. Наступает забытье...

* * *

В 1942 г. вышел плакат Кукрыниксов, на котором Гитлера протыкали копьем.

Карикатуру доставили в Вольфшанце. Фюрер окинул плакат взглядом, побледнел и приказал убрать. «Я понял намек, – сказал он, вытирая платком взмокший лоб, – копьё у Сталина».

ШАШЛЫКИ ПО-ПАРТИЗАНСКИ

Крым. Голый шпиль. 3 марта 1942 г.

С хрустом отодрал лицо от наста. Стал на четвереньки. Каждое движение требовало невероятных усилий. Встал в рост. Белый лес закружился.

Как на ходулях пошел по снегу. Если пальцы отморозил – труба, гангрену в лесу не вылечат. К своим надо, там землянки, тепло, там спасение.

Не сразу понял, что оглох. Скрип снега под ногами не доносился до слуха. Согрившись на ходу, начал различать звуки. Из ушей потекло. Потрогал, боясь, что кровь. Нет, вода. Ледяные пробки, намерзшие в ушных проходах за ночь, оттаивали и вытекали.

Падал, отдыхал. Снова брел. Снова падал. Набирался сил и брел дальше.

Вот и знакомая опушка.

Нет ли засады? Пахнуло шашлыком.

Неужели наши зубра завалили и жарят?

Не помня себя от голода, рванулся к лагерю, выскочил на знакомую поляну.

Запах только что изжаренного шашлыка источал штабель спекшихся трупов под обрушенным остовом лазарета. Значит, ребят не успели эвакуировать, немцы сожгли их живьем. На жирной от вытопленного человеческого жира почве копошился кто-то.

Василий ползком подобрался поближе, приготовился бить прикладом СВТ.

Гришка Гуськов сидел на корточках, ворчал и чавкал, как собака. Правое плечо его дергалось, он что-то резал, тряслись поднятые сверху уши шапки-ушанки.

– Гриша!

Гуськов схватил со снега винтовку, обернулся – в одной руке нож, в другой – японская «арисака». Рыжая борода слиплась клейким клином. В снегу у ног его ничком лежало обугленное тело. Обгорелые ягодички походили на вареные свеклы. Разрезы в них сочились сукровицей. Гуськов держал нож в кулаке, как скорняк, лезвием книзу.

Уронив тесак, людоед передернул затвор винтовки, вскинул к плечу, узнал Василия – глаза заматались... ничего не мог сказать с полным ртом... стал быстро дожевывать... присел, нащупал ломоть мяса, протянул.

– Куфай!

За людоедство в отряде расстреливали. Василий понял: если не станет «куфать», Гуськов его убьет. Выбора не было. Как в той теснинке на чаире, когда Нина приказала себя задушить.

Подул ветер, и заснеженный лес ожил – с веток взлетели и заколыхались черные траурные ленты.

У Василия волосы зашевелились на голове: Нина плыла в извивах похоронных лент, не касаясь земли, – бледная, строгая, в фуфайке под ремень, в кирзовых сапогах. На шее – синенький скромный платочек. Только глаза – нечеловеческие, такие у кошек бывают – светлые, будто слюдяные.

«Жуков, закрой глаза, открой рот».

Он послушно открыл рот.

Очнулся от чавкающего звука. Не сразу понял, что это его челюсти так громко жуют в зимней тишине горного Крыма. На зубах хрустнул уголек.

Перестал жевать.

«Этого» не могло быть.

Но это случилось...

Расшатанные цингой зубы разжевывали пахнущую бензином человеческую плоть.

Ветер полоскал траурные ленты на деревьях. Их было много, весь сожженный лагерь колыхался муаровой бахромой.

– Гриш... это ты сделал?

– Что?

– Ты убрал могилу?

– Где?

– Вот. Это же похоронные ленты. Где ты их взял?

В белом безмолвии бились на ветру черные ленты.

– Это бинты, Вася. Их тут санитарки стирали и вешали сушить. Они от копоти почернели.

Ты кушай, не обращай... Нам еще жить и воевать, а им уже все равно...

– Ты Нину видишь? – Василий глядел перед собой в одну точку.

Гуськов заглянул другу в стылые глаза.

– Нету тут никакой Нины... Ты кушай, давай, это тебе с голодухи мерещится.

Временами сознание уплывало.

Вроде не он это, не Васька Жуков, а кто-то другой кушает тело сожженного фашистами партизана.

Нет, он.

А где Нина? Вот она. Стоит, смотрит слюдяными глазами. Только не платочек у нее на шее, а расплывшиеся синяки от его пальцев.

«Жуков, ты чего творишь? Ты зачем Толю кушаешь?»

Василий поперхнулся, попятился. Сосны пошли хороводом и вдруг резко задрались к небу.

«Мальчики, давайте поклянемся, что бы ни случилось, сохраним нашу школьную дружбу и навсегда запоем этот день!»

«Ты чего, Вась, сомлел?»

Гуськов – жирнобородый, черноротый – протягивает кусок мяса, очищенный уже от пригорелой корки. Жуков отворачивается.

– Противно без соли, – понимает Григорий. – Погоди.

Выщелкнув из «Арисаки» патрон, он зубами раскачивает и выдирает пулю, посыпает мясо серым зернистым порохом. Порох отбил сладкий привкус человечины, – пресная, с запахом бензина буженина стала приятно горчить.

Снег припорошил штабель тел, засыпал безобразно разинутые рты. Обугленный Толя Колкин сделался белый, будто его покрыли простыней на хирургическом столе, оставив открытой для операции только худенький зад.

Осоловевший Гуськов смахнул снежок с еще нетронутой ягодицы и принялся надрезать ее по обводу.

С отвычки напала икота, усохший желудок выплеснул в рот едкую отрыжку, и Вася Жуков почуял всей пастью своей позорной, совестью своей волком взывшей – дух тела худого очкастого Тольки.

Упал на колени, выbleвал в снег съеденное.

Гуськов покачал головой. «Харч метать – последнее дело в лесу».

Василий набивал и набивал рот снегом, чтобы никто не услышал его рыданий.

Когда занемели челюсти, поднялся.

– Хватит жрать! Он сырой внутри, заболеешь.

– Горячее сырым не бывает, – голос Гуськова сделался блаженно басистым от сытости. –

Если че, потом можно и дожарить... Отрежу про запас, все одно его тут лисы поедят...

– Похоронить их надо... – кивнул Василий на лазарет.

– Их пуцай начальство актирует, – Гуськов паковал строганину в сидор. – Чистяков протокол составит, он без бумаг жить не может, опишь, как положено, тогда и закопаем. Нам чего голову ломать, за нас Лобов думает, у него голова большая, а вот этого, да, закопать бы надо. Кого хоть кушали?

Григорий наклонился перевернуть изрезанный труп, но Василий не дал.
– Не смотри, сниться будет.
Он не хотел, чтобы Гуськов знал, что они ели его школьного друга.
Гуськов стряхнул у него снег с волос. Снова стряхнул. Жуков отстранился.
– Я думал, снегом тебя припорошило, – сказал Гуськов. – Ты поседел весь, Вася.

ГЕНЕРАЛ ОГУРЕНКОВ ПРИНИМАЕТ ДЕЛА

Москва. Наши дни

Получив приказ о назначения Начальником Историко-архивного департамента ФСБ, Валентин Григорьевич Огуренков вылетел из Берлина в Москву принимать дела.

Нового начальника представил коллективу Первый заместитель Директора ФСБ Вячеслав Гордеев, после чего генерал Огуренков приступил к ознакомлению с хозяйством. Сопровождал его зам. начальника НАД полковник Малышев.

Пройдя посты охраны, проверки доступа, пароли, сканирование сетчатки глаз и биометрических данных, Огуренков и Малышев вошли в святая святых – зал Главного Сервера Центрального Архива ФСБ РФ.

– И как тут найти нужный документ? – спросил генерал, усаживаясь перед полутораметровым монитором с вогнутым экраном.

Малышев щелкнул мышкой на значок, изображавший фигурку пограничника с овчаркой.

– Поисковая система «Карацупа», товарищ генерал. Это наши шутники так назвали, в том смысле, что от нее ни один документик не скроется. В этом окошке набираете ключевые слова, а система тут же откроет вам нужные дела.

– Ладно, Владимир Ильич, побудь пока за дверью. Будут вопросы – позову.

Когда подчиненный вышел, Огуренков набрал ключевые слова. – Крым, «Операция “Шекспир”», Буран.

Компьютер выдал «Дело № 1007/56-п/1942-ф находится в бумажном виде в отделе “Р”. Дата перевода в электронный вид – 2014 год».

Генерал вызвал полковника Малышева.

– Вот что, Владимир Ильич, мне срочно нужно найти документы по этой операции.

Малышев глянул на монитор, брови его сдвинулись.

– Отдел «Р» законсервирован с 1991 года, товарищ генерал, с тех пор там никто не работает.

– Так расконсервируй!

Полковник замялся.

– Отдел замурован, товарищ генерал, и представляет собой систему подземных штолен и капониров. Даже если мы его расконсервируем, понадобится несколько месяцев, чтобы найти интересующее вас дело. В общем, без Николая Кондратьевича не обойтись.

– Кто такой?

– Святой Николай Кондратьевич, полковник отставке, председатель

Попечительского совета ветеранов. Он был последним начальником отдела «Р».

Только что-то давненько его не было видно, даже на юбилейном концерте отсутствовал.

– Выясни, жив ли твой ветеран, и срочно его ко мне!

– Есть!

ПОИСКИ КЛАДА

Крым. Гольий шпиль

Даша пила из железной кружки чай, когда услышала за спиной ворчание.

Покрывшись мурашками, она осторожно повернула голову.

Черная овчарка, вздыбив холку, в упор смотрела на нее темно-янтарными глазами.

Подрагивала верхняя мохнатая губа, выщеривая белые клыки.

Даша замерла, готовая плеснуть чаем в смоляную морду.

Из кустов показалась группа молодых людей во главе с пожилым мужчиной в зеленой форме лесной охраны.

Путники тяжело дышали после подъема. Неспешно подойдя, мужчина поздоровался с туристкой, снял с плеча двустволку и приставил ее к дереву.

– Шаля, фу! – прикрикнул он на овчарку, снял с седой головы круглое кепи с украинской кокардой во лбу, утер пот со лба и представился. – Егерь горнолесного заповедника Скороходченко Михаил Матвеевич. На каком основании находимся в заповеднике? Вы знаете, что разведение в лесу костров в летний период строжайше запрещено?

Даша растерянно встала.

– Мы костров не разводим...

– А это что? – показал егерь на закопченный мангал. – Предъявите ваши документы, будем составлять протокол.

От раскопа послышались звуки долбления. Это работал Скворцов, черный копатель, с которым Даша познакомилась на вокзале, когда просила карпал отвезти ее на Гольий шпиль. Один из таксистов посоветовал ей «специалиста», тот приехал и подрядился работать за сто долларов в день.

– Ого! – сказал егерь. – Ребята, проверьте у гражданки документы, а я посмотрю, кто там кайлом бьет. Шаля, ко мне!

В сопровождении овчарки егерь ушел к раскопу.

Хэдлайнером группы был стильный парень в узких алых очках на красивом лице. Такие очки были у героя «Людей X», который все поджигал своим взглядом. «Парень X» выразительно оглядел «туристку», задержав взгляд на натянувших маечку полных грудях.

– Где ваши документы?

– В палатке.

– Так несите, чего вы ждете?

Даша принесла паспорт. Парень в красных очках полистал его.

– Ну, и что мы тут делаем, Дарья Денисовна, вдали от родного дома? Костры палите в заповеднике, копаете без разрешения. Вы знаете, что с вами может быть за такие деяния на территории сопредельного государства?

– Я ничего не копала, – Даша посмотрела в небо. – Я просто туристка.

– Нет, ребята, это не туристы. – Егерь вернулся от раскопа с металлоискателем и лопатой в руках. – Это приборники, черные!

– Ого! – сказал «парень X». – А это уже статья.

Двое парней – амбал с фурункулезным лицом и низкорослый коренастый кореец – привели Скворцова. Скороходченко присел к мангалу составлять протокол.

Давая показания, Скворцов назвался чужой фамилией.

Даша объяснила свое присутствие в заповеднике желанием полюбоваться красотами горного Крыма, особо оговорив, что черным копательством она не занималась.

– Значит, пойдете свидетелем, раз только у вас есть тут паспорт, – сказал егерь, давая ей протокол на подпись.

– Ведите его на заставу, ребята, – кивнул Скороходченко на черного археолога, свистнул овчарке и пошел вниз по склону.

Смуглолицый и верзила повели Скворцова вслед за егерем.

– Че-то я проголодался, – белобрысый Виталя подложил в мангал сухие ветки, полил их горючкой, и вскоре на чаире затрещал костер.

Парни принялись доставать еду из рюкзаков и накрывать на стол, за которым всего полчаса назад завтракали Скворцов и Даша. Она лихорадочно соображала. Что делать? Рассказать этому «красавчику Х» про поиски погибшей партизанки? Надо отозвать его в сторонку и постараться все объяснить.

Виталя разливал по пластиковым стаканчикам водку.

От раскопа вернулся веснушчатый паренек с соломенным чубом, в руках у него был пакет со сломанными костями.

– Вот над чем надругался ваш друг-мародер! – с упреком сказал он Даше. – Останки павших надо «поднимать» осторожно, а вы их все переломали!

– Он мне не друг, – ответила она. – Случайный попутчик.

У нее горело лицо от вранья и соленого пота.

– Девушка не копала! – «заступился» «парень Х», обнял ее за плечи и заглянул в вырез майки. Даша неловко высвободилась.

– Хватит водку греть! – сказал Виталя. – Помянем павших.

Группа поднялась с пластиковыми стаканчиками в руках.

«Парень Икс» заставил и Дашу взять стаканчик.

– За знакомство. Меня Димой зовут.

Они чокнулись.

– За дедов наших!

– Светлая им память.

– Ну, давайте...

– Аж мурашки по коже, – крикнул веснушчатый паренек, показав предплечье, на котором вздыбились волоски. – У меня всегда так от теплой водки...

– Ты чего не пьешь? – посмотрел на Дашу Капранов.

Даша показала стаканчик.

– Я выпила...

– До дна!

– Мне много...

– Давай-давай, за упокой тех душ, что вы здесь потревожили.

Даша допила теплую водку, поперхнулась и закашлялась. Дмитрий раскрутил крышечку на бутылке минералки, дал ей запить. Глотая колючую воду, Даша заметила, как Виталя подмигнул приятелям и подпер языком щеку изнутри. Другой выразительно показал растопыренными ладонями, «какие у нее буфера».

Низко пролетел вертолет. Парни замахали ему руками.

– Мне надо с тобой поговорить, – сквозь грохот винтов крикнула Даша на ухо Дмитрию. Он кивнул на палатку.

– Иди, я сейчас приду.

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ФСБ

Николай Кондратьевич Святной оказался крепким стариком с седыми бровями и крашенными в черный цвет поредевшими на темени волосами. Одет он был в добротный, но поношенный костюм и растоптанные туфли, при ходьбе опирался на палочку.

– Чай, кофе, чего покрепче, а, Николай Кондратьевич? – спросил Огуренков, усаживая гостя в кресло.

– Благодарю, ничего не надо, готов к труду и обороне, – улыбнулся ветеран крепкими, желтоватыми от курения зубами.

– Николай Кондратьевич, вы работали в отделе «Р». Не могли бы вы вкратце рассказать об истории отдела, о его специфике, о том, чем он занимался.

С чувством собственного достоинства, ветеран начал рассказ.

– Отдел «Р» был создан в НКВД в 1923 году, товарищ генерал. Занимался поисками магических артефактов, потому и получил литеру «Р», что значило «реликвии и раритеты». Во время войны боевая группа «Р» противостояла особому отряду СС из оккультного ордена «Аненербе», который тоже занимался поисками реликвий. Это была ожесточенная тайная война, в ходе которой погибло много наших боевых товарищей. Отдел курировал лично товарищ Сталин, затем Хрущев, а при Брежневе нами занимался напрямую Андропов. Горбачеву было уже не до отдела «Р», он вообще панически боялся спецслужб. Ну, а Ельцин с Бакатиным отдел вообще ликвидировали.

– Вы не могли бы помочь нам в поисках некоторых документов?

– Конечно, товарищ генерал. Каких именно?

– Не встречались ли вам материалы операции, в которой упоминалось бы кодовое название «Шекспир»? Крым. 1942 год. В ней участвовал майор Буран, если вам что-то говорит это имя.

Святной поджал губы, глянул настороженно поверх очков.

– Откуда вам стало известно про эту операцию, товарищ генерал?

– Поступил запрос сверху, – Огуренков поднял глаза к потолку, – нужно срочно найти материалы, а в вашем отделе еще конь не валялся.

– Конечно, мне известно, где находится дело «Шекспира». И майора Бурана я лично знал.

– Так в чем же дело? Может быть, пройдем прямо туда, и вы укажете, где замурован вход в ваш мистический отдел?

– Отчего же не пройти? Пойдемте, укажу, – ветеран поднялся, опираясь на палочку.

Отдел «Р» располагался в законсервированной штольне. Вход перегораживала стальная дверь, покрытая слоем пыли. Святной вставил пять ключей в отверстия, находящиеся по четырем краям стальной двери и в ее центре. Пятеро сотрудников одновременно трижды повернули ключи. В стальной утробе что-то застрекотало, как в механизме часов с боем, затем раздалась слабые щелчки. Когда створки медленно растворились, генерала поразила их массивность – не менее двух метров в толщину. Такая дверь и ядерный удар выдержит.

– Можно заходить, – сказал Святной, – только вам одному, товарищ генерал, свита ваша пускай тут останется.

Тяжело проползли и закрылись створки. Святной задвинул внутренние засовы, поднял рубильник, включив в тоннеле потолочные лампы, убранные в сетчатые стеклянные колпаки, и, припадая на палочку, пошел по коридору.

– Это и есть таинственный отдел «Р» ФСБ? – спросил генерал, осматривая штольню.

Святной поправил его.

– Это отдел не ФСБ, а НКВД.

– Разница в аббревиатурах не так уж существенна.

– Очень даже существенна! – сварливо заметил Святной. – ФСБ! Кто это название только придумал. Собачку так кликают на улице, а не называют самое грозное учреждение державы. – Ветеран сжал и поднял кулак. – ВЧК! Что слышите?

Валентину Григорьевичу послышалось клацание нагана.

Святной потряс мосластым кулаком.

– НКВД! ОГПУ! Одно это сочетание звуков запугивало врагов! КГБ уже послабее звучало, ну, а ФСБ... – старик махнул рукой. – Переименовать наше учреждение, тогда будет толк.

Черные многожильные кабели тянулись по стенам, волнообразно поднимаясь и опускаясь над рубильниками и ящиками учета. Хозяйство было старое, запыленное, но добротное, четко пронумерованное.

Святной подобрал ключ из связки, открыл дверь в конце тоннеля, включил свет.

– Входите, товарищ генерал.

– Огуренков вошел.

Сзади с оглушительным грохотом что-то рухнуло.

Генерал резко обернулся.

Его и Святного разделяла решетка, упавшая из потолка по полозьям, проложенным в торцах дверного проема. Старый чекист снял очки и с резким звуком захлопнул их в очечник. Он смотрел на генерала с любопытством, как на обезьяну в клетке. По крайней мере, так показалось Валентину Григорьевичу, который сказал, поежившись.

– Совсем у тебя старое хозяйство. Она ж могла нас, как гильотина, по шеям рубануть.

– Никак нет, – странным голосом отозвался Святной. – Двери в полном порядке..

– Как ее открыть? – генерал взял решетку на грудь в полуприсяде.

Он регулярно качал «железо» в зале и был уверен, что легко поднимет вес. Но не тут-то было, решетка стояла, не шелохнувшись.

– Зря стараетесь, товарищ генерал, вам ее не открыть... – все тем же замогильным тоном продолжал Святной.

– Что это за шутки? – повысил голос Огуренков.

– Вы же хотели получить дело по операции «Шекспир». Тут оно, третий стеллаж, третья полка сверху. Кстати, откуда вы узнали про операцию «Шекспир»? За последние пятьдесят лет вы третий человек, который интересуется операцией «Шекспир». Первые двое были предателями и плохо кончили, – голос ветерана приобрел следовательские обертоны. – Повторяю вопрос! Откуда вам стало известно о строго засекреченной операции, гражданин Огуренков?

– Что-о? – изумился генерал, пораженный разжалованием его в «граждане». – Ты что, Николай Кондратьевич, совсем рехнулся на старости лет? А ну, открывай решетку, пока я всерьез не рассердился!

Лицо Святного приобрело хищное выражение, глаза сузились, челюсти выдавили на впалых щеках крутые желваки.

– Операция «Шекспир» была нашим секретным «Сталинградом». Она переломила ход войны и предопределила нашу победу. Все ее участники погибли. А вы, не успев принять дела, тут же запрашиваете документы по «Шекспиру». Отвечайте, откуда вам стало известно про эту операцию?

Едва сдерживая бешенство, генерал заклокотал.

– Ты хоть понимаешь, что с тобой за это будет, старый ты пердун?!

– Это вы не понимаете, куда попали!

Огуренков обеими руками сотряс решетку.

– Открывай немедленно, б...! Шутка зашла слишком далеко!

– Возьмите себя в руки, Валентин Григорьевич. У вас давление...

– Чего ты там мелешь! – заревел Огуренков. – Считаю до трех! Раз!

– Успокойтесь...

Генерал вырвал из наплечной кобуры под пиджаком плоский ПСМ.

– Два! Не откроешь – пристрелю на месте!

Святной спокойно покачал головой.

– Ну, убьете вы меня, а кто вас тут найдет? Места у нас заповедные, мы практически в другом измерении, будете заживо тут с голоду помирать, да еще и на пару с моим трупом. Оно вам надо? Не лучше ли поговорить начистоту, облегчить душу?

– Дао чем нам говорить с тобой начистоту?!

– Вопрос простой: откуда вы узнали про операцию «Шекспир»?

– Я начальник Архивного департамента! У меня есть доступ к любым, самым секретным документам!

– К операции «Шекспир» доступ был только у меня, наркома Госбезопасности Берии и товарища Сталина. Только три этих человека могли снять с нее гриф секретности.

– Брось пыжиться, полковник! Мелкая операция в тылу врага. О ней давно пора забыть!

Самолюбие Святного было уязвлено.

– Услышал бы вас Коля Буран, царство ему небесное, шею бы вам свернул. Там наши лучшие ребята полегли. Операция против личного курьера Гитлера! Думаете, на него легко было совершить нападение, да еще в тылу их армий? Его прикрывала вся мощь «Аненербе»! Передвижения закрывались заклинанием «Туман нибелунгов». Чтобы разглядеть конвой, друг мой, Герой Советского Союза Николай Буран носил на груди чудотворный список иконы Елецкой Божьей Матери «Недреманное Око»...

Огуренков расхохотался.

– Да ты совсем спятил на мистике, старик! Опомнись, открой дверь и, обещаю, я отпущу тебя с миром.

– Будете упорствовать, пушу газ.

Святной открыл потайную дверцу в торце дверного проема, вынул из ниши брезентовую сумку с противогазом и взялся за рубильник с черной круглой ручкой.

Огуренков наставил ему пистолет в лоб.

– Стреляйте, что же вы? – спокойно сказал ветеран. – Я упаду и дерну рычаг, вот вы довольны и надышитесь.

Угроза могла быть реальной, в НКВД работали еще те волкодавы! Кроме того, в ситуации резкого конфликта генерал надеялся многое разузнать у въедливого хранителя мистического отдела «Р».

– Что за газ ты собираешься пускать? – спросил Огуренков, делая вид, что спасовал.

– Веселильный... – зевнул Святной. Дуло ПСМ несколько не мешало ему разговаривать. – Свяжской лаборатории психотропных средств изделие. Григорий Моисеевич Майрановский его разработал на основе рицина. Сначала идет расторможение коры головного мозга, последственный рассказывает все, что знает, даже воспоминания раннего детства, о которых давно забыл. Затем наступает состояние ошеломленности, в котором человек может пребывать неопределенно долгое время. Антидотов нет. Не советую я вам газ этот нюхать.

Генерал подавил закипающий гнев.

– В Берлине посол познакомил меня с внуком одного немецкого графа, – сказал он примирительно, – такого же ветерана как вы, Николай Кондратьевич. Он воевал в Крыму, попал в засаду, был ранен, потерял там руку, а на руке было эсэсовское кольцо с личным номерным знаком. И вдруг какие-то черные археологи откопали в Крыму могильник с его фамильным перстнем. Вот он и попросил помочь вернуть кольцо. Только и всего.

Новость поразила энкаведиста.

– Выходит, выжил «оберет»... – прошептал он. – Силен, бродяга! Мощная защита на него была поставлена.

– Ну, и что в этом криминального? Давай, Николай Кондратьич, открывай решетку!

– Вы пистолетик-то спрячьте, вы в меня все равно попасть не сможете, я заговоренный. Значит, «оберет» попросил вас найти только перстень?

Взгляд ветерана сделался давящим.

– Н-н-нет... – через силу признался генерал.

– А что еще?

– Перстень остался на отрубленной руке, а рука была пристегнута к фельдъегерскому чемодану. Немец рассчитывал, что рядом с перстнем покоится и его чемоданчик.

Святной так и впился в генерала глазами.

– А он сказал вам, что находилось в том чемоданчике?

– Нет. Попросил, чтобы чемодан не открывали и привезли ему в закрытом виде.

– И сколько он вам пообещал?

– Да ерунда...

– И все же?

– Сто тысяч...

– Чего, евро или рубликов?

– Евро, конечно. Мелко ты меня ценишь...

– Врете, товарищ генерал. За сто тысяч вы и пальцем не пошевеливаете. Ну, и за сколько же вас купили? Говорите, облегчайте душу.

Огуренков тихо рычал в бессильной ярости. Святной махнул рукой.

– Вот и выходит, что продались вы оккультному Ордену «Аненербе» задешево.

Генерал вскинул пистолет.

– С полметра я не промахнусь, будь ты хоть трижды заговоренный!

– Э-эх, Валентин Григорьевич, – покачал головой чекист, – что ж вы все такие продажные, нынешние-то? Немец использовал вас втемную. Перстенок попросил найти и портфельчик. А вы знаете, что в том чемодане хранилось? Пройдите по третьему справа стеллажику, на третьей полке возьмите папку № 42. Это и есть операция «Шекспир».

Поколебавшись, генерал сунул пистолет в кобуру и пошел в глубь Архива.

Давление у него после ругани со старым маразматиком скакнуло, голова кружилась, перед глазами роились блестящие точки. Требовалось срочно выпить таблетку анаприлина, а ее как назло под рукой не было.

Став на приставную скамейку, он достал с третьей полки коробку № 42. Она была доверху набита пухлыми папками, завязанными на бязевые тесемки. Генерал вынул лежащее сверху «Дело № 1007/56-п/1942-ф», пролистал пожелтевшие страницы, частично исписанные чернилами от руки, частично отпечатанные на пишущей машинке.

«...Самовольно бросив при отходе портфель гитлеровского курьера, В. Жуков и Г. Гуськов позорно бежали, зачеркнув тем самым героические усилия павших в бою бойцов, что привело к фактическому провалу операции. По возвращении на места базирования В. Жуков и Г. Гуськов запятнали себя фактами людоедства, за что были приговорены к расстрелу...»

ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД. ХЕРОМАНСКИЙ ХРЕБЕТ

5 марта 1942 г.

– Задание выполнили?

– Да...

– Не да, а так точно! Где оберет? Где его чемодан?!

В землянке особиста потрескивала буржуйка, покачивался огонек на фитильке солевой лампы, стоящей на сколоченном из горбыля столе. За столом сидел разгневанный капитан Чистяков. Почерневшие, обмороженные, партизаны шатались от усталости.

– Оберет погиб...

– Группа Бурана вся полегла...

– Они в засаду попали...

– Где немецкий портфель?! – перебил Чистяков.

– Не донесли, – отупевший от усталости Гуськов не заметил, как проболтался.

Особист встрепнулся.

– Так портфель был у вас? Где, где он?!

– Бросили... – сознался Жуков. – Он тяжеленный был. Мы бы с ним не ушли... немцы на канадских плетенках как по льду за нами летели...

– Бросили портфель курьера Гитлера? – закричал Чистяков, вскакивая. – Да вы с ума сошли! Под трибунал захотели?! Операция на контроле Москвы!

Грязный, изможденный Василий исподлобья глянул в сыто-бритое лицо особиста.

– А вы почему раненых в лазарете бросили, товарищ капитан?

– Что-о?! – Чистяков схватил Жукова за грудки. – Что ты сказал, сволочь?!

– Не уйти нам было, товарищ капитан, – оправдательно заныл Гуськов. – Немцы как сбесились, по пятам шли. Вы же сами видели, какая карусель завертелась из-за оберста проклятого.

Чистяков отшвырнул Жукова и набросился на Гуськова.

– Немчуры испугались?! Забыли слова товарища Сталина? «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» А вот это что, я вас спрашиваю?! – Чистяков развернул узелок на столе, в котором лежал почерневший шматок вяленого мяса. – Зубра застрелили? Приказа не знаете?

– А если и зубра? – набычился Жуков, глядя все так же непокорно. – Зубра жизнь вам дороже жизни советских людей?

Удар кулаком по столу подбросил коптящую плошку.

– Зубры десять тысяч золотом стоят! Приказ забыли? Гнашук!

В низкую дверцу, пригнувшись, вошел ординарец особиста Дмитро Гнашук, крупный парень с рябым плоским лицом.

– Они это тебе дали? – Чистяков показал на мясо.

При свете коптилки Гнашук взгляделся.

– Воны, – сказал он, обеими руками подсмывая сползающие от недоедания штаны.

Спочатку казало, шо барашка у татар видибралы, а потим ось Гуськов пожартував, шо нибыто Хфедос черства була людьна, ось и мяско в нього зачерствилэ...

– Чего ты там бормочешь? – приложил к уху ладонь Чистяков.

– Шо цэ той... мяско Хфедоса, – поднял голос Гнашук.

– Чье мяско? – не понял Чистяков.

– Хфедосеева, шо загинув у лазарети, – громче доложил Гнашук. – Я блювал далып, ниж бачив. От сволота!

У особиста приоткрылся рот.

– Так вы что же, людоеды? – ахнул он, скребя ногтями по кобуре. – Своих товарищей погибших ели? Гнашук! Арестовать их! Лично расстреляю! Людоедство в отряде! Да вы враги народа! Хуже фашистов!

«Людоедов» заперли в землянке, отведенной под гауптвахту. Их охранял Гнашук. К утру ждали возвращения из Зуйских лесов комиссара Лобова, чтобы вынести штрафникам окончательный приговор.

Ночью смертно продрогший Жуков проснулся, будто его толкнули.

На нарах, в ногах сидел черный, источающий дым человек.

Пытается Василий отползти, да не может, тело парализовано.

Пытается слово сказать, а горло пересохло.

Вдруг вспыхнули вокруг темной фигуры языки пламени.

Встал Толя Колкин, осветившись с ног до головы огнем. Долетел тихий шепот.

– Как, я не очень жилистый был?

Василия сотрясло, будто схватился он за оголенные провода. Душа ведь во сне голая, без кожи, во сне ей больнее, чем в жизни.

Глаза Жукова залились пекучими слезами, горло прорвалось криком.

– Прости, прости меня, Толька, не хотел я тебя кушать! Сам не знаю, как это случилось! Помутнение нашло. Гуськов заставил! – и волком завыл, падая в ноги видению. – Я дру-у-уга жрал, нет мне прощения!

Василий проснулся от собственного крика. К глазам примерзли слезы.

Через щель приоткрытой двери сочился серый рассвет.

Гуськов спал на соседних нарах. Василий толкнул товарища в плечо.

– Вставай, Гришка! Эй! Гриш, дверь-то откр...

Слова обледели на губах. На шконке вместо Гуськова лежал мертвый Гнашук.

ДАША ЖУКОВА

Крым. Голый шпиль

Чаир, в общей сложности, мы искали два дня. Я звонила деду, он давал подсказки. Место заросло шиповником, а от диких яблонь и слив почти ничего не осталось, нашли только старую алычу и грушу. Спас нас металлоискатель, такая длинная палка с ложем для локтя, а на конце двойное кольцо, соединенное тремя перепонками. Скворцов водил металлоискателем по кустам. Поначалу «прибор» ничего не показывал, тогда он принялся рубить лопаткой кусты вдоль скалы и прослушивать открывающиеся проходы. Работа реально тяжелая. К вечеру он прорубил в кустах целый лабиринт. Я стаскивала в кучу порубленные ветки, вся искололась. И вдруг, когда над горами уже стемнело, «прибор» сработал! Скворцов надел на меня наушники, и я услышала завывание автосигнализации. Нашли! Мы разбили палатку на полянке и завалились спать.

И вот теперь в эту палатку заглянул Дима Капранов.

«Мэй ай кам ин?» – игриво спросил он.

По его блудливой улыбке я догадалась, что у парня «нехорошие» намерения.

Я начала было рассказывать про погибшую партизанку, про деда, который завещал ее похоронить, но Дима, не слушая, завладел моими руками и притянул меня к себе. Я упиралась, он тянул, дышал водкой.

Я не привыкла к такому обращению и резко его оттолкнула.

– Ты че? – озлился Капранов. – Тогда зачем звала?

– Не за этим же!

– А зачем?

– Я рассказать хотела...

– Че ты тупишь... – он схватил и вывернул мою правую кисть. – У тебя мозоли свежие! Че, мертвых грабить пришла? Думаешь, у них защиты нет? Сколько раз было: задержим таких, трофеев полный рюкзак, а они штрафом отделываются! Нет, теперь мы вас сами будем судить и наказывать на месте преступления! Раздевайся!

Он повалил меня, сел сверху. Пахнувшая костром ладонь зажала мне рот. Я впилась в нее зубами. Капранов ударил меня в лицо кулаком. Нос будто взорвался, их ноздрей горячо потекло. Он, видимо, сам не ожидал, что так получится, кинул мне майку – утрись!

Снова низко пролетел вертолет. Палатка задрожала под ветром. Согнувшись под брезентовым сводом, Капранов стягивал с себя спортивные штаны.

– Наши летают, – он мастурбировал вялый еще член. – Мы тут закон!

Я прогундосила в зажатый нос.

– Не трогай меня, пожалуйста... Я еще девочка...

– А я мальчик... – он толкнул меня и навалился сверху. – Не рыпайся!

НАД ФСБ

Москва. Наши дни

«... В ожидании суда военного трибунала Г. Гуськов бежал, убив часового, а также комиссара отряда тов. Лобова Н.Т., при этом отрезал последнему голову. Немецким командованием в Крыму за голову тов. Лобова Н.Т. была объявлена награда в 5 (пять) тысяч рейсхмарок. Есть все основания предполагать, что Гуськов переметнулся к врагу, отнеся голову тов. Лобова Н.Т., чтобы получить обещанную награду...»

Генералу было не до изучения архивных документов. Его бесила сама ситуация мышеловки. Его поймали, как крысу. Выйдя из закутка, он швырнул папку с делом «Шекспира» к решетке.

– Из-за этой чуши ты держишь меня взаперти?

Щелястые зубы полковника в отставке Святного обнажились в презрении.

– А вам не кажется чушью тот факт, что 22 июня 1941 кадровая Красная Армия – скопом, чохом, вся! – побежала и погибла? Историки объясняют катастрофу внезапностью блицкрига. Чушь! Причина катастрофы – Копье Лонгина, цунами паники, ударившее на огромном фронте. Гитлер только потому и решился напасть на СССР, что фанатически верил в силу Копья. В первые недели в плен попали миллионы советских солдат. По сути, СССР был разгромлен. Копье отправили на другие фронты, в Европу, а затем в Африку. Но в декабре 41-го Гитлеру пришлось вернуть Копье под Москву, где немецкие войска забуксовали...

– Тогда почему же немцы Москву-то не взяли? – спросил генерал.

Святной был заметно утомлен, держался за решетку и переводил дыхание после каждой фразы.

– Столицу... нашей Родины... немцы не взяли, потому что под Москвой... Копью Лонгина... был противопоставлен православный щит. Я лично организовал облет Москвы Чудотворной иконой Тихвинской Божьей Матери.

ОБЛЕТ МОСКВЫ ИКОНОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

8 декабря 1941 г.

Маршал авиации Голованов, личный пилот Сталина, 8 декабря 1941 года совершил облет Москвы с иконой *Богородицы Девы Марии «Тихвинская»*.

«Была жуткая метель, – вспоминал он, – в нескольких метрах ничего не видно. Возник резонный вопрос: “Нельзя ли перенести полет?”. Но Сталин сказал, что погода очень хорошая, а станет еще лучше. И произнес необычную загадочную фразу: “Варлаам Хутынский, как уже устраивал, так еще устроит”».

Штурмана на облет Москвы Голованов решил не брать: чего там «штурманить», когда все равно ни зги не видно! Но ему дали очень интересных пассажиров: священника с иконой и тремя женщинами. Голованов говорит батюшке: «Вообще-то так: полет наш непредсказуем, вы понимаете? Я знаю, что вы добровольцы, но...». – «Милок, – отвечает священник, – какая непредсказуемость? С нами Царица Небесная! Нельзя ли, чтобы двигатели твои работали потише и не мешали пению?»

Голованов не выдержал и рассмеялся. И вдруг заметил, что в самолете необычайно тихо. Посмотрел: моторы работают. А шума нет! Ясно слышны голоса священника и певчих: «Царица моя преблагая, надежда моя, Богородице...». А по радиосвязи голос из Кремля: «Саша, сделай погромче...». Сталин любил церковное пение.

Голованов хоть атеистом был, но прочувствовал важность момента: «Смотрю, а у меня в фонаре (переднее стекло кабины) вид, как на полотнах Куинджи: под брюхом американского “Дугласа” в свете луны лежит заснеженная русская земля. И сверху ее строго оглядывает Божья Матерь, вылетевшая на личную проверку».

В районе Клина от страшного удара содрогнулась икона, затряслась-завибрировала, как щит, получивший на всем скаку удар рыцарским тевтонским копьём. На драгоценном окладе иконы образовалась вмятина. Палец священника тронул ее – из оклада выпал красный самоцвет, словно капнула капелька крови.

СЕРГЕЙ СКВОРЦОВ

Голый шпиль. Крым. Наши дни

– Куда вы меня ведете? – Скворцов остановился на пригорке.

– Топай! – кореец пихнул его в спину.

– Слышь, Чан, – придержал друга долговязый парень с фурункулезным лицом, – на хер нам всралось тащиться с ним на заставу, пока наши там его бабу ебошат...

– А ведь верно, – почесал Чан затылок, – Димка точняк на нее прыгнет. Капран приказал глаз с него не спускать! Я лучше вернусь, пока он там дел не натворил!

– Че он там может натворить?

– Да он трахнет эту москвичку, как пить дать! Он и так под следствием. Не, Вакула, ты как хочешь, а я вернусь, иначе его батя с меня три шкуры спустит. – Чан зажал ноздрю пальцем, сморкнулся. – Где этот егерь? Эге-гей! – закричал он, приложив ладони ко рту. – Матvei-и-и-ч!

Издали донесся слабый отклик.

– Блин, мы сильно левее взяли. – Вакула повернул Скворцова за плечо в сторону эха и смаху ударил пятерней в спину. – Топай!

Сергей задохнулся от крепкого хлопка между лопаток, по инерции сделал несколько шагов и вдруг... ломанулся сквозь кусты наутек. Все случилось как-то само собой, он не планировал убежать, но вот... побежал...

«Стой, стой!»

Сзади трещала кустами погоня.

Скворцов несся по кустам напролом, не обращая внимания на секущие ветки. Затормозил на краю откоса, решил, прыгнул, кубарем вкатился в кизильник, выдрался из колючек, метнулся вбок и побежал не прочь от Голого шпиля, как ожидали преследователи, а дал кругаля и вернулся обратно на чаир. Там, за палаткой, под камнем был спрятан пакет с документами на машину и ключами, а также заработанные тяжелым трудом доллары.

Тяжело дыша, горячий и потный, Скворцов на четвереньках подкрался к лагерю.

Возле разгоревшегося костра вольготно расселась гоп-компания, гоготала и пила водку.

Скворцов по-пластунски пробрался за палатку, достал пакет с документами.

Глаза щипало потом. По голове в гуще волос, по щекам, мухами щекоча, ползли и ползли горячие капли пота.

«Ну, пожалуйста, не надо. Я еще девочка...ну, пожалуйста... не надо!..»

Сергей замер. Выгоревший брезент палатки подрагивал – там боролась.

– Пожалуйста... – умоляла Даша, – ну, пожалуйста... ну, пожалуйста...

– Руки! – рычал мужской голос. – Руки убрала! Получишь сейчас! Сама же хочешь.

– Не хочу!.. Нет!.. Нет!.. Нет...

– А зачем тогда в палатку меня позвала? Не рыпайся, сказал!

– Я гражданка России... Я заявлю в милицию...

– В милицию? – послышался вскрик – это Капранов за волосы заломил Даше голову. – Мы сами тут милиция!

Черный археолог бессильно зажмурился.

Что он может сделать? Что?!

Никакой мужик не справится с целой бандой! Плюс егерь с собакой и ружьем... Ты нанимался копать, а не драться.

Но в голове все громче и грозней раздавался чей-то грубый и властный голос: «Ты должен ее спасти! Там нет никого, кроме тебя! Ты себе никогда потом не простишь! Дерись! Дерись за нее, сволочь!!!»

Лицо пылало от стыда, как от пощечин. Пот заливал глаза. Дыша впроголодь, Скворцов спросил неведомого «бога», который взывал сейчас к его совести.

– Почему я должен ее спасать? Кто она мне такая?

Ответ «бога» поразил.

Не колеблясь, он сбросил куртку, оставшись в одной белой майке-безрукавке и рваных, выгоревших до белизны джинсах.

С грохотом пролетел вертолет, тень его мелькнула над поляной, парни у костра замахали руками. Скворцов воспользовался шумом, отвязал палаточные тяги и рывком вздернул кверху правый полог.

Растерзанная Даша с залитым кровью лицом трепыхалась под сильным голым парнем.

Красная удушающая ярость хлынула в голову. Скворцов смутно все видел.

«Войдя, Финеес вонзил Копье в Зимри, нагим возлежащего на Хазве, покарвав отступника и дочь лжи, и убил их обоих в чрево, так что копьё вошло даже в ложе».

Потерявшая надежду Даша вдруг увидела, как брезент палатки взлетел к небу. Из ниоткуда возник спаситель, занес над головой сук и ударил насильника по спине. Тот свалился в угол палатки и забарахтался, отбиваясь ногами. Дубина взлетала и била его по ногам, по коленям. Капранов закричал.

Киношного чуда не случилось. От костра подбежали. Миг – и палатку окружила поисковая группа «Совесть». Скворцов кружил с занесенной над головой дубиной.

«И настал момент в истории людства, когда один-единственный человек на всей земле стоял и защищал Бога, и за спиной его не было никого, кроме Бога».

Пацаны орали, обходя копалу со всех сторон.

– Брось дубину, дятел!

– Тебе говорят, козлина!

– Дебил, блядь!

– Че пялишься, вафлижуй?! Бросай дубину, на колени!

– Бросил дрын, сейчас же!

Дмитрий выбрался из скомканной палатки, осмотрел содранный до крови локоть, стесанное колено, в ярости рыкнул: «Убейте гада!»

Свора набросилась, свалила Скворцова, (он упал на Дашу) принялась избивать ногами.

«К-Ха! К-Ха! К-Ха! Сдохни, ка-зел!»

Ты обнимаешь ее, сбылась твоя мечта... Она кричит, эта приезжая москвичка, недоступная красавица, она сама тебя обняла, крепко-крепко, радуйся!

Даше доставалась по ребрам и рукам, но Скворцов закрыл ее своим телом, содрогался от ударов, но защищал. После особенно сильного удара в спину он с воплем изогнулся и упал лицом ей в лицо – и Даша заверещала на такой пронзительной ноте, что у парней заложило уши, они остановились под воздействием оружия массового поражения, каким природа наделила женщину, и словно очнулись. Мозги нормальных, в сущности, молодых людей отпустил горячий морок водки и групповой злобы. Пацаны хрипло дышали и тарасили налитые кровью глаза.

Виталья сел на корточки, поднял за волосы голову черного археолога.

– Отдохнуть тебе надо, золотой ты человек, Юрий Венедиктович...

Свора пьяно захохотала.

– Че я нашел! – донесся от раскопа крик.

Дима Капранов, морщась, распрямлял и сгибал ушибленный локоть.

– Во-во, давайте, топайте к Генке, – сказал он пацанам, – подолбите пока скалу, а я тут кое-кого подолблю...

Парни за руки за ноги оторвали Скворцова от Даши, понесли в сторону.

Девушка находилась в состоянии шока, глядела остановившимися глазами и приступами дрожала.

ИНФОРМАЦИОННО-АРХИВНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ФСБ

Москва. Наши дни

Проявляя показную заинтересованность, Огуренков добродушно спросил.

– Так где же сейчас Копье, Николай Кондратьевич? Я читал, американцы нашли его в бункере Гитлера, а ты говоришь, оно в Крыму осталось...

– Ага, нашли и чуть не выбросили на свалку, – подхватил Святной, – американцы-то! А потом Паттон его якобы вернул в музей в Вену. Дураку ясно, что то была липа.

– Почему же липа?

– Потому что Паттон сам искал Копье! Стал бы он отдавать свой законный боевой трофей каким-то там австриякам? Американцы вообще ничего никому не возвращали. Паттон быстро определил, что в его руки попала копия Копья, и сначала приказал выбросить ее на свалку, а потом спохватился и торжественно передал подделку в Венский музей.

– Значит, сейчас в Вене хранится фальшивка?

– Так точно. Копье было утрачено немцами в Крыму. И, судя по всему, там оно до сих пор и обретается.

– Судя по чему?

– А по тому, что Крым отвалился от России. Сначала Хрущев его подарил Украине, а потом и сама Украина отвалилась. Копье влияет, а как же. Оно, как заноза, лежит под кожей планеты и нарывает, пока с гноем и кровью не выйдет наружу. А вот если его найти и обезвредить, Крым к нам вернется. Судя по тому, что черные археологи нашли перстень оберста, они нашли и Копье Лонгина.

Наступило молчание. Генерал Огуренков спросил примирительным тоном.

– И что мы будем делать, Николай Кондратьевич?

– Да что, – сказал Святной устало, – перевербую я вас, товарищ генерал, послужите еще России-матушке.

– А если я не соглашусь?

– Родине служить?

– Ловко ты. Словесное самбо какое-то. Чуть что, и ты снова сверху.

– Согласны Родине послужить, Валентин Григорьевич? Последняя битва за Россию наступает.

В знак капитуляции Огуренков испустил долгий выдох.

Крым. Чаир Голого шпиля

В раскопе под скалой печным поддувалом зияла дыра. Когда веснушчатый крепыш с соломенным чубом Генка Козубенко попробовал расширить отверстие ломиком, скала хрустнула и обрисовала трещинами каменную плиту правильной формы. По нажимом ломака по контуру находки побежали трещины, но вывернуть ее из скалы в одиночку не получалось.

«Пацаны, – закричал Гена в сторону чаира, – че я нашел!»

К раскопу пробрались друзья, грудились, заглядывая в трубу шурфа.

«Похоже на чемодан», – утирая пот со лба, сказал Козубенко.

«Точно. Смотри, вот ручка...», – сказал Виталя. – «Ты ломиком снизу надави, а мы рванем».

Козубенко вбил ломик под чемоданчик и нажал сверху всем телом.

Дашины запястьях больно прижаты мужскими руками к земле.

Тараном колена Капранов разжал ей ноги.

... И – раз! – парни с хрустом рванули вкаменевший в скалу чемодан.
Д-ДУ-ДУФФ!

Из «поддувала», как из пушки, долбануло с бризантным подвзвизгом – в лица, шеи, руки, груди, ноги, животы – густо шинкуя молодые тела «черносливом» осколков, просекло до костей упругое мясо, порвало в клочья, продырявило, сняло скальпы, сикось-накось порубило лбы, носы, губы, сорвало щеки со скульных костей, не успели моргнуть – и уже лежат навзничь... у кого уцелели глаза, те успели увидеть распушенную ватку облачка в голубизне гаснущего неба.

Больно не было.

Громкий хлопок ударил по барабанным перепонкам, по лицу хлестнуло чем-то колючим. Дима схватился за щеки, а когда отнял – на ладонях расплывались красные пятнышки крови. – Что за черт? Эй! Пацаны! Че случилось?

Никто не ответил.

Кусты шиповника сочились черным дымом.

Встревоженный Дмитрий убежал, ступней больно прищемив Дашин бок.

Она с трудом села.

От раскопа донесся истошный вопль – «ГА-а-а-а!» и снова – «ГА-а-а!»

Так кричат по мертвым.

Ей стало жутко. Бежать! Пока не поздно – бежать!

Из поваленной палатки вытянула жгут джинсов, натянула...

Избитый Скворцов ничком лежал у кустов. Он дрался за нее... Он ее защищал...

Она перевернула Скворцова на спину: лицо истоптано, изо рта, ноздрей, ушей – кровь. Прижалась ухом к груди, слышала редкий, глухой стук...

От раскопа – голым орангутангом по шишкам – прискакал Капранов – лицо безумное, глаза вытаращены:

«Бинты! Аптечка! Есть у вас аптечка?!»

Вывернул рюкзаки, стал рвать майки на полосы. Маечки новые, дорогие, гад!

Ветер усиливался. Костер задымил в круговерть, затягивая белесым маревом чаир. Дима кидал девчонке изорванное тряпье.

– Беги, перевязывай, живо! Аптечка у вас есть? Пацаны ранены! Кто заминировал вашу яму?! – щипцы заостривших пальцев схватили девушку за горло, в перепуганное лицо нагринула искаженная потная рожа в кровоточащих насечках, брызжа в крике слюной. – Ты! Говори! Ты знала, что там мина? Знала?!

– Х-х-х-де? – выкрихтела передавленная гортань.

Дмитрий задыхался, по лицу катился окрашенный кровью пот.

– В раскопе, дура! Знала? Говори! У-у-у-удд-д-душу прям здесь, сволочь!

Она скосила глаза ему за спину.

Черный археолог, шатаясь, поднимался с земли.

Дмитрий отшвырнул полупридушенную девку, бросился к Скворцову, сгреб его за майку, зашатал из стороны в сторону.

– У тебя же был миноискатель! Там фонило? Почему не предупредил, тварь?!

Скворцов качался, глаза закатывались, с разбитой макушки по лицу стекала «авоська», сплетенная из струй крови.

Мажор свалил копателя на землю, принялся остервенело лягать пяткой в грудь.

«На! На! На! Получи!»

Бил так, словно норовил вколотить копателя в каменистый грунт.

Подул ветер, зашумели деревья, дым от костра затянул чаир мутной пеленой.

Возле палатки, принесенная из раскопа егерем, лежала шербатая лопатка.

Если бы туристов, организованно посещающих крымские заповедники, угораздило попасть в этот полдень на чаир Голого шпиля, их глазам предстало бы диковинное зрелище.

Нагая девушка, занеся над головой короткую лопатку, медленно парила над землей. Кумачовые волосы ее струились по ветру, разверстый рот изрыгал рычание.

Свирепый образ амазонок проступает в лицах русских женщин во время пьяных бытовых ссор. В порыве гнева женщины используют первое попавшееся под руку оружие, – в основном, кухонные ножи, – и убивают своих мужчин.

Даше Жуковой под руку попала лопата. Штык ее смаху врезался в темно-русый, коротко стриженный затылок. Дмитрий взмахнул руками и на подламывающихся ногах, боком, как пьяный, ушел в клубящийся дым.

Чаир Голого штиля

Крым. Наши дни

В лицо льется вода...

«Вставай, Скворцов, надо бежать!»

... КтО Это? КтО эта двшка... почму унее горят влсы? Пожар? Хдея... А? Ззя... Кака-ятадевуш нзнкома... льеЩЦА вода... выжить!

– Попей... попей воды...

Он сидел, как юродивый на паперти, болтал кудлатой головой, цедил изо рта на колени джинсов вишневую жижу, кашлял и сглатывал обжигающую горечь желудочной кислоты. Сквозь намокшую белую майку проступили ребра и темный пятак соска с пучком волос...

В гуле возвращения к жизни путано доносилось бронхиальное бормотание.

– Плохо тебе?.. Сереж, скажи что-нибудь. Надо бежать, они сейчас вернуться...»

... колени – шарниры – не стопорились, локти – подламывались, ты падаешь чугунно пульсирующим лицом в землю – отжимаешь от себя земной шар – сухие листья клеем крови прилипли ко лбу – руки подломились, земля обрушилась сверху, расплющила щеки и нос... – голая девушка сквозь пламя волос кричит: «Скворцов, уходим, вставай!» – а ты ничего не понимаешь, кто ты, что происходит... голова катится с гулким грохотанием боулингового шара...

– ... Цуц – тпу... – Кутфтф мА. ма-Тс ктО?

– Сереж, ты меня слышишь?

– ... тыв ты... Шшшшшшт слуш... – зашем – заш... к-ха-кх-х-х-х-х...

– Бежим! Надо бежать! Сережа, приди в себя!

– Тыхт... О? О – ты? О – ты? Шо самой акх_ абракх_ пра...пра...шо тамвы-паллллл-заит?... а! а! к-хак!!! – кхак!!! К-хакккккк!

Ветер смел с чаира остро пахнущую древесным горением дымь: у кострища открылось ничком лежащее нагое тело.

– Жо... сЛуч... Кыто анимСрызть... ым...? Па-агы...

Даша вдруг стала понимать язык даунов, хомутом надела руку Скворцова себе на шею, становой тягой выжала бессильную тяжесть восьмидесятикилограммового мужчины – у самой ноги подкосились...

«Сереж, ты постарайся сам идти, я тебя не утащу»...

... дошкандыбали до кострища...

Даша отказывалась верить своим глазам – оглушенный юноша угодил лицом прямо в горящий мангал. Мускулистая спина его была припорошена пеплом до загорелых бедер, на которых выделялся белый след от плавок.

Сергей мыкался в немоте – завальцованные губы не лепили слов – «Гдо? Гдо эта?... мьльразззздгарнвызззпрррр паагы!»

Взбрыкнул, освобождаясь от Дашиной поддержки, грянулся на колени, схватил пострадавшего за щиколотки, с бурлачьим стоном выволок из костра туловище, сам завалился на спину в приступе центрифужного головокружения.

На четвереньках пополз в кусты, вернулся с пластиковым бутылем мочи, которую они собирали, чтобы было чем залить костер, вылил содержимое на голову погорельцу. Зашипело, в ноздри шибануло едким аммиаком...

Вдвоем перевернул пострадавшего на спину.

Порывом ветра снесло пепел со вкипевших в щеки, в лоб и глаза седых углей: на них Сергей вылил остатки мочи, осадок слизистый, превратившийся дымящееся подобие лица в мокрую жужеличную маску.

Раскрылся провал рта, всосав в ворочание языка меж обугленных губ всхлип-вздых, пепел и кашель наизворот, от которого отлипали угольки и отлетали, оставляя в коже прожженные отверстия...

Даша отбежала на полусогнутых – родовой схваткой сжалась промежность, пойманной за горло змеей извернулся пищевод, отрыгнув через зев выкашль едкой кашицы... БББыы-ы-а-а-а! к-ха... к-ха... к-ха... И снова – в болючую спазму промежность, – БББыы-ааа! к-ха... к-ха... к-ха...

– Кто... иво... суда... засунул? – все не мог взять в толк Скворцов, как будто это был сейчас самый важный вопрос.

Даша повернула к нему пунцово набрякшее, рвотой вывернутое наизнанку лицо.

– Ну, я, о-о...кха... я ударила этого уroda! Тьфу! (сплюнула послед рвоты) Он меня изнасиловать хотел, тебя бил ногами... Но в костер... Сереж, в костер я его не бросала! Это не я! Не я-а-а!

– Ска-а-ажи то-то-тооолком... что случилось?

– Что-то взорвалось в раскопе... – почти нормальным голосом сказала Дарья Жукова.

– Дима этот прибежал, как бешеный... Орал, что там пацаны ранены, гнал их перевязывать...

– Какой д-д-д-Дима?

– Вот он... – кивнула она на обгорелого мажора.

«Он ей уже Дима», подумал Скворцов с вялой ревностью, а сам сказал – уже членораздельно.

– Принеси воды, надо его до-до-дотушить.

Даша сбегала к палатке, вернулась с бутылкой минералки.

– Это последняя...

У Скворцова «ходила» от слабости рука.

«Давай ты», – сказал он.

Перебарывая дурноту, Даша «прокапала» дымящиеся угольки на том, что осталось от обезображенного Диминого лица. Под стружкой промылись запекшиеся глазницы, очистились от пепла ноздри, проступили обугленные «негритянские» губы.

Дашу трясло.

– Нервяк б-бьет, – пояснила она, охватывая себя руками. – Ты сам как?

У Скворцова зрачки уплыли в подлобье, он отвалился.

– Сереж, – бросилась к нему Даша, – водички! Попей.

Глотать было больно, Сергей допил остатки воды, встал, пошатываясь, кивнул в сторону раскопа.

– Что с теми?

Даша перхала – рвотная горечь перечно обожгла гортань.

– Говорю же, что-то...ба... кха-кха... что-то взорвалось там...

– Помоги, голова кружится...

Она подставила плечо, Сергей оперся, вдвоем – санитарка и раненый – поковыляли к раскопу. Открывшаяся за шиповником картина ошпарила мурашками, волоски встали дыбом по телу. Это в кино легко смотреть черно-белую военную хронику – окоп, погибшие солдаты. Вживую, в цвете, такое зрелище вынести трудно.

ЯВЛЕНИЕ КОПЬЯ

Крым. Чаир Голого шпиля

В затишке под скалой, на маленьком пяточке среди кустов шиповника лейтмотивом из фильмов ужасов, который обычно сопровождает сцены гниения человеческих останков, уже жужжали горные мухи, возбужденно барражирующие над лежащими телами.

Пацаны громоздились вокруг раскопа. Кто-то еще мелко дрожал, кто-то делал последние вздохи, из пробоин на телах толчками вытекала кровь, – каменистая почва не успевала ее впитывать – раскоп был полон ею по ватерлинию, как корыто.

Под скалой зияла продолбленная Скворцовым дыра величиной с дуло корабельной пушки. Судя по расположению тел, именно эта «пушка» харкнула картечью.

Даша ахнула за спиной.

– В нашей пещерке взорвалось, Сереж, я там лазила на пузе... Мы же вот так точно могли бы лежать... Господи, какой ужас... Ой, не могу... фу-у... бе-е-е...

Она кашляла вхолостую – блевать было уже нечем.

Воздух над местом трагедии горчил взрывной гарью, приторной кровью и еще чем-то позорно вонючим, будто кто-то испортил воздух.

В раскопе сидел парень – лоб под соломенным чубчиком разрублен вертикально, на глазах выросли черные шишки, красные зубы оскалены, с подбородка свисает сосулька – с частотой пикалки в супермаркете с нее капает кровь на каменную плиту, придавившую ноги. Нет, это не камень – это чемоданчик! Замок взломан взрывом, створки приоткрыты и щель по контуру...

Скворцов поднял вырезанную для замеров раскопа ветку шиповника.

Даша перехватила его запястье потной горячей ладошкой.

– Не лезь туда. Ну, его к черту. Не трогай. Пошли отсюда. Тебя перевязать надо. У тебя кровь идет из носа, и из ушей... пошли, я не могу тут... ужас, мне плохо...

Сергей промокнул лицо краем майки, оставив на белой материи перевернутый отпечаток лица, высморкал из ноздрей сгустки крови, сказал гундосо, но твердо.

– Укройся за скалой...

– Сереж, не надо...

– Делай, что говорю!

Даша попятилась. В ушную раковину влетел комар – з-з-з-З-З-З-зззз – она хлопнула, размазала комариную козюлю в пальцах, спряталась за выступ, прижалась к нагретому солнцем граниту, перекрестилась, медленно стекла на землю в изнемож-ж-ж-ж-ж-ж...

Сергей уложил свое толкающееся болью тело за бруствер из битого щебня, палкой через переплетенные ноги погибших дотянулся до щели «чемодана», прижался щекой к колючей земле, нажал и зажмурился.

Крышка каменного чемоданчика с ржавой тугостью поднялась...

Прошли секунды, за которые мог бы сработать взрыватель, будь чемоданчик заминированным.

Сергей поднял голову.

И тут же раздался взрыв!

То был беззвучный взрыв ослепительного сверкания!

Высвеченная пучком солнечных лучей, на подложке из полуистлевшего бордового бархата блистала массивная золотая шкатулка. Она казалась обледеневшей из-за сотен прозрачных кристаллов, покрывавших ее поверхность. По центру – самыми крупными бриллиантами – была выполнена инкрустация в виде свастики, окруженной магическими рунами и молниями

«СС». Сочетание желтого золота и бриллиантового «льда» придавало шкатулке неземной вид. Из торца ее торчала железная рукоять грубойковки.

С подбородка убитого капнула и растеклась по свастике гранатовая клякса.

Откуда только силы взялись – Сергей перемахнул через бруствер, развернул чемодан, отщелкнул крепежные скобы и осторожно вынул пышущую червонным жаром и алмазным холодом тяжеловесную драгоценность. Ошеломленный сказочной находкой черный археолог не замечал ни щеколки ползающих по лбу капель пота и мух, ни крови, ни трупов, ни жара солнца. Отерев руку о джинсы, он осторожно взялся за ручку.

Из золотого «влагалища» с лижущим лязгом вышел потемневший от времени клинок. В «талии» он сужался, перетянутый золотым «бинтом». На месте кровосто-ка зияла прорезь, в которую был вставлен кованый гвоздь, униженный витками проволоки. Полость ручки предназначалась для древка. Это был наконечник древнего копья.

В кровавой купели явилось миру таинственное Копье, когда-то во время великой войны перевозимое личным курьером Адольфа Гитлера.

Сергей поднял перед собой древнее оружие. В смятенной груди молот сердца бил и бил – звон иррадировал из головы, пугая чутких мух.

Что-то до боли знакомое и родное почудилось в очертаниях грозной находки. От клинка исходили властные эманации, они манили и влекли, вызывали перед внутренним взором грандиозные картины, как бы сполохи битв и пожарищ. Хотелось благоговейно поцеловать оружие, что Скворцов и сделал, даже не отдавая себе ясного отчета в своих действиях.

Воздух от жары поплыл, день померк, проступили очертания древней кузницы.

СОТВОРЕНИЕ КОПЬЯ

Аравийская пустыня. Времена Исхода

Сергей увидел себя в походной кузне, освещенной сполохами примитивного горна, который он раздувал мехами из шкуры черного козла. Он видел свои руки за привычной работой – только теперь это были руки воина и кузнеца – загорелые, сильные и огрубелые. И звали его теперь не Сергей Скворцов, его звали Финеес. Он оказался отброшенным на тысячелетия назад, в древнее иудейское племя времен Исхода, и в походной кузнице он выковывал Копье.

Никто в мире еще не делал такого Копья, и сам «черноликий» не знал, что у него получится. О, как он был еще молод и самонадеян! Он и не знал, какие беды могут обрушиться на голову смельчака, заковывающего в слои железа имена духов ангельской и демонов агельской иерархии, самых могущественных и страшных, призываемых по дням недели, фазам луны, минута в минуту, секунда в секунду.

Особое железо взял Финеес для изготовления Копья – дар богов, самородок металла, упавшего с небес.

При каждом ударе молота по багровой полосе пробегали искрения, слагающиеся в созвездия. Ровно тринадцать ударов наносил Финеес молотом по раскаленному лезвию. Опасно число тринадцать, чревато переходом к нестабильности и взрыву, ибо на единицу превышает полный комплект, божественную законченность созданного Богом мира: двенадцать месяцев и знаков зодиака, 12 колен Израилевых, 12 часов дня и ночи. Число 13 – это число оружия, пресекающего жизни.

Подобно взрыву вылетали искры из-под молота и выжигали волосы на мощной руке кузнеца, но не замечал боли чернобородый и черноликий Финеес, сын Елеазара, внук Аарона. Имя его происходило от египетского «Пинкас», что значило «черноликий», но не потому что родом он был от смешения крови деда его и эфиоплянки (это ложь!), а потому, что солнце пустыни обуглило его лицо до черноты смолы.

Итак, в воскресение на поверхность еще не остывшего клинка была нанесена иероглифика имени и числа архангела Михаэля, а на оборотную сторону – демона Машена. Заворачивались раскаленные слои металла и остывали последовательно в чашах: с водой из источника, с вином, с молоком, с освященным маслом елеем, с очистительной кровью козла и, наконец, закалялось железо в яде пустынных гадюк, смертельней которого нет. До следующей полуночи остывало и отдыхало копьё.

В понедельник на пышущих углях вновь добела раскалялось копьё, вновь наносились по нему тринадцать ударов молотом, навечно заковывая в слои металла имя архангела Габриэля, а на обороте демона Шамаина, и вновь опускалось острие для закалки в семь чаш – с водой, вином, молоком, кровью, священным елеем и ядом гадюк, чтобы жалило копьё врагов, как змея.

Во вторник возникло на клинке начертание числа и символики архангела Самаэля, а на обороте – демона Машона, в среду архангел Рафаэль стал спиной к спине с демоном Ракусом, в четверг Сашиэль сошелся с Зебулоном, в пятницу – Анаэль с Сагуном, а в субботу правит Каффиеэль и нет ему пары в агельском чине.

По часам суток рассчитал Финеес заковку духов в сердцевину Копья, ибо Каббала знает, что у каждого духа есть свои часы дежурства. Процедуры закалки были согласованы с фазами Луны и знаками зодиака. Для жертвенного копия Финеес выбрал заклинание Альдебаран в созвездии Быка, при котором Луна находилась в положении 28 градусов, 34 минуты и 2 секунды. Альдебаран вызывает ожесточение сердца, поднимает в воинах свирепую ярость, рассеивает вражью магию, а врагов повергает в панику.

Затем пришел черед каждения. Семь дней окуривалось копьё благовониями и очистительными травами. В воскресенье заправили жаровню красным, как кровь, сандалом, в понедельник – алоэ, во вторник красным перцем, в среду ладаном, в четверг тимьяном, в пятницу деревом ситтим, а в субботу не кадили – копьё и люди отдыхали.

Крым. Чаир Голого штиля

Наши дни

Даша была поражена красотой шкатулки. Дед не соврал, они нашли его клад, вот же печочка извивается от ручки чемодана в груду колотого камня...

Она потянула за обросшую землей цепь – из щебня выполз наручник с зажатой в нем окаменевшей человеческой кистью, на которой читались очертания пальчиковых суставов. На безымянном пальце выпирал нарост – под каменной скорлупой вышелушился серебряный перстень «Мертвая голова». Сомнений не оставалось – это был клад Василия Акимовича Жукова. Кисть убитого дедом в 1942 году полковника германской армии подтверждала это собственноручно.

Даша попробовала снять перстень, но он сросся с окаменевшим пальцем, и ей пришлось отломать две верхние фаланги. Почистив находку, девушка взяла впавшего в оцепенение Скворцова за руку и надела кольцо на его безымянный палец. Чужеродно смотрелся на плебейском пальце с заросшей кутикулой и грязью под ногтем цельнолитой перстень с двумя крупными бриллиантами, вмонтированными в глаза серебряного черепа.

Даша повернулась на шум за спиной и вдруг пронзительно завизжала.

Через кусты шиповника двигался воющий от боли обнаженный белокожий юноша, которому безумный хирург пересадил голову негра. Глаза Димы Капранова спеклись и не открывались. От осмаленной головы к небу поднимался чад.

Из лесу донеслись свист и крики. Это возвращались конвоиры, упустившие беглеца.

СОТВОРЕНИЕ КОПЬЯ

Аравийская пустыня. Времена Исхода (продолжение)

За неделю до главного события Финеес прошел очистительные процедуры, предписанные законом.

По звездам определил Финеес благоприятное время для заклинания, утвердил треугольник, на который возложил Книгу Духов. Для того, чтобы умиловать духов, принес Финеес в жертву барана, на престоле сжегши сначала жир, затем внутренности и мясо.

Очертил круг, одетый в ниспадающие одежды, с лицом, закрытым белым полотном с изображением четырех пентаклей, и начал моления, которые продолжались день за днем без перерыва на сон и отдых.

Утром седьмого дня святой Финеес совершил умощения и, стоя на коленях, запел псалмы. И начал он вертеться, как волчок, выкрикивая слова заклинания «Освящения Оружия» и дуя на копье дуновением благословения: «О, Превысший Отец, Творец неба и земли, заклинаю Тебя освятить это Копье, которое изготовлено для Твоего блага, для защиты Твоего народа от нечестивых врагов и черных магов (дуновение)...»

Крутясь волчком на коленях, впал Финеес в экстаз и забился с пеной на губах. И явился ему Дух Копья и беседовал с ним. И многие тайны открыл Дух Финеесу и укрепил его.

Крым. Голый шпиль

Наши дни

Там, где людей сжигали живьем, где их трупы поедались их же товарищами, там навсегда остаются воронки Инферно – проклятые места ненависти и смерти.

Истерический женский визг остановил бредущего вслепую Диму Капранова. Он замычал, раздирая запеченные губы: «Помогите!» Жидкая сажа из мочи, пепла и сукровицы стекла с его обугленного лица, струйками бежала по груди и «кубикам» живота, скапливалась в курчавых волосах лобка. Услышав женский визг, ходячий «зомби» попытался раскрыть глаза, но не смог. Тогда он пальцами разодрал себе спекшиеся веки. В сочащихся кровью прорывах замельтешила красноволосая девушка с прижатой к груди золотой шкатулкой (она была перепугана и кричала), мелькнул «черный копатель» с ржавым кинжалом в руке, покачнулась набитая трупами могила раскопа.

Лицом своим невыносимо пылающим прожег Дима Капранов энергобарьер между явью и навью, – из праха, из дыма, из снежной пороши соткалась партизанка, одетая в шапку-ушанку с жестяной звездой, фуфайку, ватные штаны и кирзовые сапоги. Она плыла, не касаясь земли, в окружении змеино извивающихся траурных лент...

Просияли потусторонним светом слюдяные глаза, протянулись скрюченные пальцы.

Дмитрий втянул в обожженные легкие воздух, закричал от ужаса и рухнул без сознания.

БОЙ В ГОРАХ

Крым. Голый шпиль. Наше время

На лице – корка «льда» из пота, прожженная ультрафиолетом, кожа горит на всю глубину – до мездры, рот обметан, язык сух, глотка хрипит, бронхи ободраны рашпилем хриплых вздохов до мяса, кашель сворачивает тело в три погибели...

Ловя разбросанные по кустам редкие вдохи сухими сачками ртов, Сергей и Даша вбежали в сосновую рощу, полную церковной тишины и смолистых каждений. Здесь не спрячешься, и... и точно: справа выкрик – эхом по скалам: «Вот они-они-они-и-и! Вакула-а, сюда-а-а!»

Когтистый хряск валежника, хлопанье крыльев хищной погони, карканье матерной злобы...

Даша вывернула из дерна кривой сучище, вскарабкалась на уступ, протянула палку в попытке вытянуть Сергея, но куда там... осталась в ладонях гнилая кора, вскрылась коричневая глянецвитость сучковатого древка... Она тащила изо всех сил, а у него не было сил подтянуться, он не мог... не мог он...

«Дай!.. Пусти!..»

Даша отпустила сук, разгребла с глаз потные волосы. Скворцов, опершись на палку, задышался вниз. Сейчас набегут, забудут ногами... Она гибко легла на горячий гранит, рядом, как цинк с патронами, положила золотые ножны. Золото тяжелое. Мужчины сцепятся, она подкрадется сзади и разmozжит затылок врагу! Даша Жукова открыла секрет женских побед.

«Оба-на! Стоять, бля, стоя-а-ать!»

Сергей судорожно затесывал тупым лезвием копья более тонкую палку рогатины. С висков струились пейсы пота, капали на древко смазкой.

Сзади набегал хрип, храп, мат, хруст, треск...

По-корейски раскосый, мускулистый, смуглый Андрей Чан – ногой от скалы – в прыжке взлетел над показавшим спину черным археологом...

Сергей зубами отгрыз кусок древесины, сплюнул, сук вошел в полый держатель, (на четверть всего) – развернулся – с торчащим вбок железным рогом – р-р-р-раз-вернулся – поцелуйно чпокнул звук проколотой кожаной куртки, сук рванулся из потных ладоней, врезался в щель между валуном и скальным грунтом и – стал, заклинив!

Кореец напоролся с маху, инстинктивно схватился за «штык», пробивший ему брюшину, и повис. Плоское и потное, как смазной блин, лицо без переносицы исказилось, раскосые глаза распахнулись, зрачки выскочили наружу – круглые и черные, как переспелые черешни. «Пика! Не может быть! Откуда? Это же лошара... как он смог меня подловить?.. меня, «черного пояса карате»!»

Сергей держал рогатину, уткнутой пяткой древка под валун, – так русские мужики упирали заостренные дрыны в землю, встречая атаку тяжелой тевтонской конницы. Его трясло, будто провод схватил высокого напряжения – по рукам ударили зудящие дуги, голову охватила сетка свербящего жжения, голубоватая дымка проступила из пронзенного тела врага и полилась по черной рогатине через полую ручку наконечника – в руки, в душу – ошпаривая, вздымая волоски на теле, волосы на голове...

Палач и жертва стояли друг против друга.

Как пуповина, их соединяло копьё.

Вокруг реостатно мерк солнечный свет – проступала черно-белая диорама зимы – заснеженный партизанский лагерь 42-го года. Послышались автоматные очереди, лай собак, гул немецкого самолета в туманном небе...

Вот, согрелись...

Овчарка часто высовывает обожженный язык, будто подавилась.

Чадно дымясь и горя местами, Толя Колкин встал и побрел, вслепую уже, наугад...

Вторая цепь карателей обошла лазарет с тыла. Горящий человек двигался прямо на низкорослого, скуластого ефрейтора. Автоматическим, отработанным на тренировках движением немец вонзил штык карабина «Mauser Gewehr 98» в живот живого факела.

Истерзанный невыносимой болью горения, пронзенный штыком, в предсмертной муке Сергей Скворцов (нет, нет, – тот, кем он был в 1942 году, Толя Колкин, запомните это имя!) сумел разглядеть сквозь чад пожирающего его пламени лицо врага.

И вот теперь, в 21 веке, они вновь стояли друг против друга, только теперь ситуация перевернулась, и уже Сергей Скворцов самодельным штыком пронзил своего убийцу семидесятилетней давности.

Оба четко различали и узнавали друг друга.

Жертве прозрение далось ценой предсмертной муки. Смерть сдернула покрывало майи с реликтовой памяти. Каратель узнал убитого им партизана. Когда узнавание произошло, жизненный цикл человека по имени Андрей Пакович Чан завершился. Глаза его закатились, он стал падать на спину.

...Пылают жилые домики, лазарет и землянки... гудит на ветру огонь, охвативший большую штабную палатку. Взрыв – это немцы взорвали каменную печь кухни, чтобы партизаны не смогли ее восстановить.

Лающие команды «лог», «вег», «фойя!», остервенелый лай рвущихся на поводках овчарок. Сквозь треск огня не слышно больше криков – их сгорело заживо семнадцать не ходячих больных, которых не смогли забрать с собой отступившие в горы товарищи.

Лагерь сжигали двадцать пять молодых немцев. Судя по адской жестокости их деяний, под касками солдат скрывались рога, под камуфлированной зимней униформой – хвосты, в сапогах – копыта. Но нет – один снял с рано лысеющей головы белую каску, и никаких рогов не обнаружилось на узком черепе в белокурых зализках вспотевших волос.

– Seien Sie vorsichtig, Jungs! Attain alle! Die Guerillas sind bis zum Ende kämpfen! (Будьте внимательны, парни! Добивайте всех! Партизаны сражаются до конца!)

– Als Kind wollte ich ein Feuerwehrmann zu sein, wurde aber Flammenwerfer, Ironie des Schicksals (В детстве я мечтал стать пожарником, а стал огнеметчиком. Ирония судьбы...)

– Dann Tinte es, es bewegt sich immer noch... (Тогда гаси этого, он еще шевелится...) Огнеметчик Зигфрид Ройте расстегнул камуфлированные штаны на байковой подкладке и под общий гогот принялся мочиться на чадающий труп парламентаря.

– Ja-a... ja-a-a... sehr gut... – по роте карателей прокатился здоровый смех усталых, хорошо сделавших свою работу мужчин.

...Трухлявое древко самодельного копья обломилось. Чан повалился на спину, тряско поплыл по откосу, оставляя под собой бобслейный желоб содранного дерна, переворотом через голову загнал себе в утробу копьё и застыл, скособочившись.

Высоковольтный ток времени отключился.

Человек очнулся в залитом полуденным солнцем сосновом бору Голого шпиля 17 августа 2012 г. Рот-пищевод-bronхи-легкие обожжены на всю глубину, на языке жжется привкус бензина, вдохи причиняют острую боль, будто паяльником по слизистой... тело горит – сожженное из огнемета горного солнца... он выжил, он пылает, но не сгорает, живет...

Как зовут его? В каком он веке?

Сверху мелькнула тень... слепануло по глазам солнцем, – на пьедестале скалы в порыве футболистки, вводящей в игру мяч из-за головы, – в джинсах потертых, а выше – нагая, и зыбкий «мрамор» груди колеблется и не может выплеснуться, – Даша.

Готова сражаться. Она видела, как Сергей пробил копьем корейца. Но она не могла видеть зверской расправы карателей над обессиленными партизанами.

Внизу мучился раненый. Торчащий из живота обломок колебался в судорогах редких вдохов. «Где его напарник? Сейчас выскочит из кустов, а оружия нет».

Скворцов съехал вниз по сухой хвое.

Чан слабо дышал – спокойный, смиренный. Миндалины полуприкрытых глаз тускло смеркались.

Сквозь заросли продрался фурункулезный амбал.

Сергей выдернул обломок с окровавленным «штыком».

Ликование победы гейзером ударило в голову, рука потрясла самодельным копьем, и первобытный рев победителя оглушил притихшую местность.

Вымоченный в крови и поте, с искореженным боевым криком лицом Сергей Скворцов пошел на врага. Амбал попятился, в рупор ладоней позвал приятеля.

– Чайник, Чан, ты живой?

Скрюченный кореец не отвечал. Черный археолог мерно шагал.

Амбал погрозил ему мосластым кулаком.

– Ну, сука, подожди, не поможет тебе твой свинокол! – и скрылся в кустах.

Сергей глубоко всосал вдох, обжегший глотку горячим клинком, зашипевшим, остывая, в бронхах.

Шаги сзади...

«Волосы на голове твоей как пурпур...»

Даша.

Груди белыми полумесяцами выпирают по краям искрящихся ножен. У кого еще бывал такой гламурный бюстгальтер? Глаза – огромные, в них все: и зелень леса, и синь небес, и Скворцов Сережа – в белой, обогрившей кровью одежде...

Подойдя, уронила ножны на землю, сграбастала спасителя за шею, отчаянно стиснула, целуя в отзывающиеся болью щетинистые щеки, в полубезумные глаза, в залитые носовой кровью губы.

«Скворцов, родной, мы их победили! Ты... ты... такой...»

Он схватился за нее, чтобы не упасть от головокружения.

ВИЗИТ ДЕПУТАТА В.В. КАПРАНОВА К АНТИКВАРУ ЛОПУШАНСКОМУ

Крым. Симферополь. Наше время

Специалист по антиквариату Константин Иванович Лопушанский принимал на комиссию медный самовар девятнадцатого века, когда в дверях его лавки «Раритет» появился дорогой гость, депутат Крымского парламента Виктор Капранов, коренастый мужчина в черном спортивном костюме, черных кроссовках и низко надвинутой черной бейсболке.

Сопровождавший шефа фурункулезный верзила нес в руках объемистый предмет, завернутый в скатерть.

В маленьком кабинете, расположенном в задней части магазина, гость рухнул в кресло, а помощник поставил сверток на стол и вышел.

– Посмотри, – депутат кивнул на сверток.

Антиквар развернул скатерть.

Открылся окаменевшей кокон, покрытый свежими бурыми пятнами. Когда-то это был стальной чемодан. На замках читались орлы Третьего рейха, держащие в когтях медальоны со свастикой.

Лопушанский поддел ножом и отломил от крышки кору окаменевшей земли. Открылась привинченная к стали латунная табличка. Протерев ее спиртовым тампоном, антиквар перевел надпись готическим шрифтом:

«Абсолютно секретно. Чрезвычайно опасно. Запрещается нарушать целостность под страхом расстрела на месте. Запрещается нахождение посторонних, не имеющих допуска “А”, вблизи предмета. Любому лицу, случайно оказавшемуся вблизи предмета, немедленно явиться в ближайшее отделение контрразведки и объявить пароль “тайны Востока” дежурному офицеру».

– Открой, – сказал Капранов.

– Так запрещено же... – пошутил Лопушанский, но депутат сердито нахмурился.

Внутри чемоданчик был выстлан истлевшим бордовым бархатом. В зажимах на верхней крышке крепились два коротких, круглых бруса. Крепления внизу пустовали.

Лопушанский возбужденно потянул себя за хрящеватый нос.

– Судя по всему, это фельдъегерский чемоданчик для секретных документов. Вот цепочка и браслет, его пристегивали к руке курьера.

Антиквар вынул из креплений на верхней крышке две стальные палки, обнаружил штырек с резьбой и отверстие в торцах, скрутил обе половинки.

– Кий для бильярда? – спросил он, примериваясь для удара по воображаемому шару.

– Не похоже... Скорее держатель для штандарта. Такие вручались дивизиям СС. Где вы это нашли?

– Его нашли черные археологи... – депутат тяжело ворочал языком. – В заповеднике. Лесники засекали дым. Димка с друзьями выдвинулся на Голый шпиль. Он там временно кантовался на заставе, знаешь ведь эту историю с байкершей...

Капранов захлопнул лицо ладонями и лающе зарыдал.

– Что с вами, Виктор Викторович? – переполошился Лопушанский, быстро наливая в стакан минеральной воды.

– Сам ведь, сам сына туда послал, – сквозь трясущиеся пальцы простонал Капранов, – от греха подальше, думал, пока следствие идет, чтоб шум поутих. Господи! Все пацаны погибли. Димку лицом в костер бросили. Оглушили лопатой по голове и спалили лицо до костей. Твари! Отморозки! Сынок... за что? Господи, за что тебе такие муки?

– Выпейте, выпейте вот воды...

Капранов взял стакан, отпил, цокая зубами.

– Где сынок ваш сейчас? – сочувственно спросил Лопушанский.

– В ожоговом... мучается, бедный, ужасно...

– Какой кошмар! Бедный Димка, красавец парень. Кто на такое оказался способен? Их хоть поймали?

Капранов скрипнул зубами.

– Далеко не уйдут. Облаву на них устроили. Сейчас сам туда вылетаю.

БОЙ С ОВЧАРКОЙ

Крым. Гольй шпиль. Наши дни

Головокружительные красоты горного Крыма поражают, особенно если приходится преодолевать их в пешем порядке, слыша за спиной лай немецких овчарок.

Скворцов бред, как пьяный, у него было сотрясение мозга, нос сломан, в ноздрях запеклась кровь, дышать приходилось пересохшим ртом.

В курчавой зелени на боку ближней горы чернело пятно пожарища, – голые, прямые, лишенные крон и боковых ветвей стволы стояли четким частоколом.

– Пойдем через пал, – показал рукой Сергей. – Там собака след не возьмет.

– Смотри, как сосны стоят, – сказала Даша. – Ровненько, как штрих-код.

Уцелевшие после пожара деревья обычно обретают серебристо-серый цвет – ветра и дожди сдирают горелую кору и полируют древесину до блеска. Здесь не пели птицы, не жужжали мухи, при каждом шаге от подстилки поднималась черная пудра и оседала на одежде, на потных руках и лицах. Голые деревья не давали тени, солнце палило нещадно. Дашино лицо пылало, плечи пекло. Сергею приходилось совсем худо – пот разъедал ссадины, ныли ребра, на лице все сильнее пульсировала гематомная маска, казалось, что под кожей сдвигаются лицевые кости, формируя какое-то новое лицо.

– Ты как шахтер, – сказала Даша на привале, – одни зубы остались белыми. Ужас, у тебя глаза реально вампирские – кровь запеклась на белках. Тебе, наверно, очень больно, Сереж, бедненький...

Горелый лог заgrimировал ее, ветер буйно причесал, лес модно изорвал одежду. На посмуглевшем лице белели вертикальные полоски, оставленные в саже каплями сбегавшего пота, ярче засияли серо-голубые сердоликовые глаза.

Даша не узнавала лоховатого симферопольца. Скворцов на поверку оказался настоящим мужиком, один сражался против банды подонков, нашел клад, своей рукой убил врага. Ее потянуло к Сергею, она уткнулась ему лбом в грудь. Эльфийское ушко торчало из марганцовых прядей. Он приобнял ее, уголком губ выдул из раковинки уха черную пудру.

– Ну, ты как?

Девушка поежилась от щекотного дуновения.

– Да я-то ничего, это тебе досталось... Ты сам-то как?

– Нормально...

– Неправда. Я же вижу – тебе плохо...

Скворцов сплюнул поскрипывающую на зубах угольную крошку.

– Не вру, – сказал он, – мне уже лучше.

– Скворцов... – Даша поправилась. – Сережа...

– У?

Она потеряла чешущиеся от сажи и соленого пота веки.

– Извини, что втравила тебя в такие траблы... Спасибо, что спас... Я тебе заплачу, когда выберемся отсюда.

Он оттолкнул глупую девчонку.

– С ума сошла? Я копаю – за деньги, а спасаю – бесплатно...

Даша глянула благодарно своими «сердоликами».

– Ну, тогда прости, дуру! Ты классный, Скворцов! Ты меня спас, реально!

– Ты меня тоже спасла, не забывай...

– Если честно, плохо помню... В голове что-то взорвалось. Очнулась – лечу с лопатой в руках, и этот мажор валит куда-то в дым. (Даша изобразила пьяную походку оглушенного

Капранова). Я даже не сразу поняла, что это я его шваркнула... Но в костер я его не бросала, он сам как-то упал... Вот ему не повезло, правда?

Немного передохнув, они возобновили путь, и вскоре углубились в прохладную зелень. Крымский лес – сплошная пересеченка, подъемы сменяются спусками, почва поросла корневищами, ногу ставить неудобно, приходится выбирать уступы, хвататься за ветки и карабкаться.

Даша шла первой, на одном из поворотов не успела придержать ветку, – распрямившийся орешник хлестнул Скворцова по плечу.

– Извини! Сережечка, ради бога, прости! Тебе и так досталось, а тут еще я, дура...

Кусты вздрогнули – мелькнула в прыжке волчья тень – руку обожгло, бешено рвануло, Скворцов полетел кубарем – черная овчарка оседлала его мохнатой тушей – в падении он успел вцепиться ей в шерсть за ушам, дико заорал – «фу-у-у!!!» – в зубастую пасть, брызжущую в судорогах лязгания слюной со змеящегося между клыков языка.

Пес рычал-хрипел-брызгал слюной. Сергей чудом удерживал ощеренные до десен бело-костные ножовки челюстей, обведенных вдоль пасти негроидно черной каймой.

«Копье...» – прохрипел Скворцов, свернув глаза на растерянно стоящую за спиной Дашу. Очнувшись от шока, она бросилась к ножам, выхватила копьё, всунула рукоять в оттопырку между его отжатым большим пальцем и остальными, вцепившимися в шерсть. Он откинул руку на замах и резко вонзил клинок в живот с двумя рядами черновислых сосцов. Сука... кормящая...

Утробно завизжав, овчарка задержалась на вертеле. Клинок вползал в живот, прободая скользкое сопротивление перепонок, кишок, желудочков. По руке вибрацией хлынули волны собачьего визга, по мохнатому телу прошли волны судорог, пышные лапы сгребли палые листья и замерли...

В этот момент из тела умирающего животного по копьё в душу человека хлынул тот же электрический озноб, что и при пронзании корейца. И в ту же секунду душа леса четко проступила сквозь маскнакидку листвы: стало слышно пение птиц, копошение в почве и в кронах мелкой живности – землероек, полевок, желтогорлых мышей и белок. Как на приборе ночного видения проступили животные в округе: винторогий муфлон в кустах, самка кабана с выводком на полянке, сонный уж под листьями в лощине, донесся кисло-табачный запах вспотевшего егеря, при визге любимой собаки встревожено снявшего с плеча ружье, из распадка приближался хруст хвороста под горными ботинками.

Нельзя было терять ни секунды. Сергей вытянул копьё из собачьего живота, и в тот же миг с вершин обугленных сосен Горелого лога другая сущность – мрачная и зловещая, имеющая вид траурной ленты дыма, – со свистом выюшки втянулась в полую рукоять и через нее стремительно всосалась в душу.

ЛАГЕРЬ ГПФ (АББЕРОВСКАЯ КОНТРАЗВЕДКА)

Крым. Тавель. 1942 г.

С парадного портрета на задубевшую от мороза голову комиссара партизанского отряда Николая Тимофеевича Лобова, надменно подбоченившись, смотрел – косая черная челка, задранный нос, квадрат черных усов, – фюрер немецкого народа Адольф Гитлер.

Покрытая свалявшейся заиндевелою шевелюрой, бородастая голова оттаивала на мельхиоровом подносе. Поднос стоял на столе начальника немецкого лагеря по подготовке диверсантов в Тавеле (село Краснолесье).

Корветтен-капитан Рикгоф, прозванный курсантами на русский манер «Рыковым», через переводчика вел допрос рыжебородого, обмороженного, источающего смрад перебежчика.

– Имя.

– Комиссар Лобов.

– Да не его, твое, дурак!

– Гуськов Григорий.

– Почему перешел на сторону Великой Германии?

– Вот он расстрелять грозился... – грязная рука указала на комиссарскую голову. – И еще особист, капитан Чистяков. Я вам и его голову принесу, матерью клянусь, герр начальник.

– За что он хотел тебя расстрелять?

Пленный виновато утер нос кулаком.

– Скушал я товарища одного... мертвого.

– Так ты каннибал? – Холеное лицо немца брезгливо искривилось.

Пленный не понял слова «каннибал», переводчик уточнил.

– Ты людоед?

Гуськов оправдательно забормотал.

– Сил не было терпеть, герр начальник...погибаем мы от голода, да он уже запеченный был, этот, которого мы подъели, ваши его и сожгли, из огнемета...

– Отвечать на вопрос! Ты кушаешь людей?

– Яволь! – испуганно вытянулся Гуськов.

– И ты думаешь, мы принимаем к себе кан-ни-ба-лов? (Глазки на чумазом лице перебежчика панически забегали). Ты угадал, – деревянно хохотнул Рикгоф. – Мы берем к себе каннибалов! Вот, Жирар, – обратился он к вошедшему в кабинет высокому офицеру с извилистым лиловым шрамом на правой щеке, – этот унтерменш спрашивает, не нужны ли нам в отряде людоеды, а-ха-ха...

Поморщившись от смрада, источаемого славянским недочеловеком, Жирар де Су-кантон прошел к столу, где отрубленной головой богатыря на распутье возлежал страшный охотничий трофей.

Рикгоф представил.

– Treffen seine Exzellenz Kommissar Lobov (Познакомься, его превосходительство комиссар Лобов).

О чем так глубоко задумался, смежив коричневые веки, бородастый русский комиссар?

Так рассматривают охотники голову матерого кабана.

– Es braucht, Desinfektion zu erledigen, bei er Lause (надо сделать дезинфекцию, у него вши). Sind Sie sicher, Henryh? Das ist es genau, das mystische Kommissar Lobov? (Ты уверен, Генрих? Это точно он, мистический комиссар Лобов?)

– Это точно комиссар Лобов? – перевел переводчик.

Гуськов ступил вперед, часто крестясь и кланяясь.

– Он это, герр начальник, матерью клянусь...

С мерзлых его сапог натекли лужицы. Переводчик пролаял.

– Стоять на месте! Отвечать на вопросы! Говорить правду!

Гуськов испуганно попятился, втянув голову в плечи.

Начальник разведшколы брезгливо оглядел будущий экспонат для задуманной им «Славянской кунсткамеры». Так и будет написано над витриной – «Партизан-людоед».

– Знаешь ли ты, Григорий Гуськов, что за голову «комиссар Лобофф» тебе полагается две тысячи дойчмарок? Ты хочешь получить две тысячи дойчмарок?

– Конечно, хоч! Кто ж не хочет. А это сколько в рублях?

– Какой сейчас курс, Клаус?

– Две тысячи дойчмарок равно двадцать тысяч советских рублей, – сказал переводчик.

Видя, что партизан ошарашен суммой, Рикгоф «добил» его новым вопросом.

– А 50 тысяч дойчмарок ты хотел бы получить, каннибал? Ты можешь получить не только деньги, но и вид на жительство в Германии, купить себе ферму в Альпах, зажить припеваючи.

Гуськов даже рот приоткрыл от перспективы, но, поразмыслив, сожалеюще цокнул зубом.

– Не, герр начальник, там не осталось стоящих голов. Есть еще капитан Чистяков, только он и на тыщу марок не потянет, мусорный человек.

– Нам не нужны более головы ваших вшивых командиров, их время кончилось, они обречены. Что ты слышал о нападении на конвой немецкого полковника на шоссе Бахчисарай-Симферополь 3 марта?

– Когда? Третьего? На конвой?... – забормотал Гуськов, и, видимо, счел за лучшее чистосердечно сознаться. – Да я в нем сам участвовал, герр начальник. По приказу комиссара Лобова. Только я никого не убивал!

– Кто стрелял в герра оберста?! – гневно прокричал Сукантон, нависая над пленным. – Кто отрубил ему руку? Ты?

Гуськов съежился, втянул голову в плечи.

– Никак нет, Васька Жуков. Он руку отрезал, чтоб оберста от чемодана отцепить...

– Где чемодан герра оберста?! Где этот Жуков?!

– Бросили мы чемодан, тяжелый он был... не я, Васька Жуков бросил, где – я не видел. Я отход прикрывал... Он пришел в лагерь уже без чемодана.

– Ты знаешь, где он его бросил?

– На «петле», говорил.

– Какой петле?

– Ну, там... ежели из Краснолесья по ущелью идти, то выйдешь аккурат к реке Мавле. И по балочке если, до «Оленьих троп», там развилка на две дороги, одна идет себе дальше по правому берегу, а вторая делает петлю и они как бы снова соединяются. Вот, в этой «петле» он его, говорит, в снег и закопал.

Немцы возбужденно переговаривались, их не отвращал более запах горелой урны, исходящий от перебежчика.

– Ты, Григорий, ты! – возбужденно сказал Рикгоф. – Сможешь ты найти чемодан, похищенный у герра оберста? Если принесешь чемодан целым, со всем его содержимым, получишь 50 тысяч дойчмарок.

– Найду я ваш чемодан, герр начальник, о чем речь! Я горы, как свой карман знаю. Мне б поспать чуток, да подхарчиться, а то, видит бог, с ног валюсь от усталости да бескормицы...

– Ступай, – кивнул Рикгоф, – тебе выдадут все необходимое.

БОЙ С ЛЕСНИКОМ

Крым. Голый шпиль. Наши дни

С вершин обугленных сосен Горелого лога, мрачная и зловещая, энергетическая сущность, имеющая вид дымной траурной ленты, на огромной скорости втянулась в полуую рукоять копья и через нее проникла в душу Скворцова.

В ту же секунду Сергей ощутил приступ волчьего голода и первобытную ненависть, замешанную на хитрости и коварстве. По какому-то наитию он поймал орешину, которая недавно хлестнула его по плечу, обломал растущий сбоку сук и насадил на него рукоять древнего накопника. Теперь копье острием смотрело в сторону погони.

Сергей подтянул за лапу труп овчарки, расположив его под копьём, и оттянул гибкую орешину за ствол векового кедра.

– Отойди!

Даша посторонилась, он отпустил – ветвь хлестнула, копье рассекло воздух и задрожало, покачиваясь над трупом собаки.

– Все поняла? – спросил он, внюхиваясь в сторону приближающегося егеря, кисло пахнущего застарелым потом, табаком, дымом костра, порохом стреляных гильз, салом, хлебом, луком, куриным пометом... – Сюда идет... один... до него сорок метров... Ты станешь за ствол и будешь держать ветку. Когда я скамандую, ты ее отпустишь. Поняла? Попробуй!

Даша пробралась через валежник за кедровый ствол, взялась обеими руками за отогнутую орешину, – «тетива» потащила так сильно, что ей пришлось упереться в землю пятками. Взведенный «арбалет» дрожал. Скворцов в сомнении покачал головой – тряска могла выдать засаду. Впрочем, времени на другие придумки не было – погоня приближалась, треск сучьев под подошвами егеря отдавался в обострившемся слухе.

– Отпустишь ветку, только когда я крикну «давай!». Поняла? Иначе копье угодит мне в спину. Только когда крикну «давай!», слышишь?

Даша смотрела во все глаза на нового – решительного и властного – Скворцова.

– Серез, я все поняла. Я все сделаю, не бойся...

Но не прошло и двух минут, как тонкие пальчики ее вспотели, тугая орешина по миллиметру выползала, Даша вцепилась в древесину зубами, – изо рта, горькая от кожуры, потекла слюна, изогнутая спина превратилась в огромный спусковой крючок арбалета.

Егерь Скороходченко выбрался из кустов и при виде чумазого бомжа вскинул к плечу двустволку.

– А ну стоять! Руки!

Щелкнули курки. Сергей поднял руки.

Егерь шагнул к овчарке.

– Шалава, Шалавочка... Ты что с собакой сделал, разбойник? А ну назад! Отойди! Повернись! На колени! Кому сказал!

Сергей повернулся. Как только под лопатку ему уперся ствол ружья, он локтем резко подбил оружие кверху и, падая, крикнул.

– Давай!

Ф-фыр! – хлестнула ветвь.

!!!Кага-харч!!! – душетом отхаркалась двустволка.

ВАСИЛИЙ ЖУКОВ

Прямая речь

Крым. 1942 г.

«Вася, вставай!»

Открыл я глаза. Лучше б не открывал.

Из темноты склонился военный... Рыжая щетина, никотиновые глаза.

Гуськов!

Он курил немецкую сигарету, одет был в форму немецкого диверсанта!

Окоченевший, сел я с трудом.

Светало. Возле потухшего костра вповалку лежали мои ребята, все ножами снятые, без единого звука. Абверовские диверсанты расхаживали по нашему лагерю и обрезали моим побратимам уши.

Я хватился своего СВТ, но Гуськов подгрёб полуавтомат под себя, а на меня направил парабеллум.

– Не дергайся, Вася. Курнуть не желаешь? Дас ист гут сигаретен, не мох лесной.

Он протянул мне пачку немецких сигарет, как сейчас их вижу – серо-желтая коробка «St. Felix BURGER».

– Гришка... ты... ты че натворил? Ты зачем ребят убил?

Он приложил к губам тонкое дуло парабеллума.

– Т-с-с-с, нету больше Гришки Гуськова. Я теперя Леня Миттлер, так меня и называй.

Так вот кто оказался легендарным «Каннибалом» Миттлером! Вот откуда он знал наши тропы и точки сброса! Я рванулся, чтобы голыми руками задушить гада: «Предатель! Иуда!» Ногою в немецком горном ботинке придавил он меня к снегу, склонился, смеясь издевательским смехом, скинул рюкзак, запустил в него руку.

– На-ка, Вася, подхарчись, – и прямо на рот мне налепил нарезку немецкого шпика в вощеной бумаге. Прижал я обеими руками сало, и, стыдно признаться, начал его жрать. Каюсь, ел с руки предателя, все в голове помутилось от голода...

Ну, что тут поделаешь? Слаб человек... Мы же в лагере шишки жрали да кору, одежду кожаную кушали как деликатес, по праздникам, на 7 ноября. На Новый год ремни командирские порезали на полоски, обжарили и жевали, как свиные шкварочки. Оленя ранили... он уходил, кровь с него капала, а мы шли по следу и кровь эту подъедали вместе со снегом, оленя не догнали, ушел... Вечно Гуськов меня жратвой соблазняет.

– Куфай, куфай, не обляпайся, – посмеивался он. – Ты меня предателем считаешь, а ведь лично тебя я никогда не предавал, наоборот, сколько раз выручал, кормил-поил, из боя вытаскивал. Я и сегодня твою душу спас, на твои уши много охотников было. Пара копченых партизанских ушей нынче на тыщу марок тянет! А ты вместо «спасибо» обидеть меня норовишь, нехорошо... На, хлебани шнапсику. Пошли со мной, Васька, сыт, пьян будешь, Чистякова твоего порежем на куски, а? Вот скажи, кто он такой? Да никто он, гнида от воши, а мы? Мы – заслуженные бойцы, мы в таких передрыгах выжили, что ему и не снилось. А он прилетел на готовенькое и начал тут права качать. Я ведь не Лобова тогда – Чистякова поджидал, да жаль, Лобов попался...

– погоди, – я поперхнулся шнапсом. – Так это ты... Лобова?..

– Знаешь, сколько мне за его голову дали?

– Ты Лобова... ты?!...

Я опять хотел кинуться и растерзать его, но он снова придавил меня ногой к земле, слабый я тогда был от бескормицы, вот как сейчас, на старости лет, когда еле встаю с постели.

– Не пыхайся, Вася. Я ж и тебя тогда спасал, дурака. Лобов бы нас расстрелял как людоедов, а так я его – чик по горлу, и даже не обляпался, а-ха-ха... ухмылка Гуськова сменилась на мину презрения. – Дурная голова была у Лобова, вот он ее и лишился. Ему наплевать было, что люди с голодудохнут, ему мораль коммунистическую надо было соблюсти. Зубров нам запрещал стрелять, мы с голоду пухли, а их потом татары пожрали. За Лобова мне «Серебряную медаль за храбрость 2 класса с мечами» дали. Во как! А комуняки – они нас хоть чем наградили?

Я возился под его пятой в бессильной злобе, никого в жизни я так не ненавидел, как Гришку Гуськова, подлого предателя, фашистского наймита.

– Ты Лобова убил... – скрежетал я зубами, – Николая Тимофеевича... Он же с нами с первого дня воевал, последним делился, он же мировой был мужик...

Гуськов только смеялся, глядя на мое унижение.

– Две тыщи марок, – сказал он, когда я затих. – По курсу – двадцать тысяч рублей. Я за такие деньги сто Лобовых завалю. Все, Вася, теперь я богатый.

– Лобова за деньги продал, ребят порезал, как дальше жить будешь? Иуда! Будь ты проклят!

Гуськов до войны работал электромонтером, он и в лесу не расставался с «когтями» для лазания по столбам, носил их принайтовленными к рюкзаку. В народе частушка была про таких горе-монтеров: «С когтями, а не птица, летит и матерится». Так вот, он этим своим когтем вдруг как зацепит меня за горло, а вторым – за рот и щеку.

– Вот так дерну и порву ты на хрен, понял!

От мороза стальной коготь примерз к моему языку. Я не испугался, вырвал его из своего рта.

– Не взнуздал! – и харкнул в него кровью.

Я тогда Гришку настоящего увидел, раньше-то он скрывал свою подлую натуру, а тут, не знаю, как описать, взгляд у него стал, как у пса на цепи, вот который хрипит от ярости, а укусить не может, зрачки стали алыми на всю их огромную глубину, будто горел там огонь геенны. Понял я, что жизнь моя повисла на волоске. Но я не боялся тогда смерти, смерть в лесу – это избавление от мук. Пускай, думаю, убьет он меня, хоть отдохну на том свете.

Но Гришка превозмог свою злобу. Жадность, видно, взяла в нем верх.

– Знаешь, – говорит, – сколько за твою башку немцы награды дают?

– Я кто такой, чтоб за меня награду давали?

– Ты оберста завалил, чемодан Гитлера спер, ты теперь для них преступник номер один в Крыму. Личный враг хфюрера! Гордись, Вася, ты важишь почище Лобова, пять тысяч марок!

– Так ты за моей головой пришел?

Он присел и зашептал, чтобы не слышали его напарники по лютым делам.

– Я корешей не продаю. Лобов никакой мне не друг был. А с тобой мы воевали, делились последним... Нет, Вася, не за твоей головой я пришел.

– А за чем?

Гуськов так и впился мне в лицо.

– За чемоданом оберста. – И вкрадчиво. – Скажи, куда ты его дел?

– Что ты как Чистяков, заладил: «Куда дел, куда дел...» Я же говорил – выбросил.

– Где?

– Не помню... Просто бросил в снегу.

– Просто – срать с моста, товарищ Жуков. Зная тебя, ты б никогда не выбросил бы трофей. Ты же охотник заядлый. А ну, говори, где спрятал чемодан!

Я отвернулся, подставив шею. Пусть, думаю, перервет мне жилы своими когтями. Он звякнул ими, пристегивая обратно к рюкзаку.

– Награда за чемодан объявлена – поболее, чем за твою голову. Пятьдесят тысяч марок, во как! – и замер, ожидая моей реакции.

Сумма была непомерной по тем временам. Что ж там лежит такое исключительное в том проклятом чемодане? Золото? Или что-то поважнее? Эта тайна меня съедала всю жизнь, я бы многое отдал, чтоб ее узнать, а Гуськов и говорит.

– Пойдем со мной, Вася. Наплюй ты на Сталина с его комиссарами. Родина – там, где тепло и сыто. Покажешь, где чемодан, возьму тебя в долю, матерью клянусь! Немцы нам по «Железному кресту» дадут, денег мешок, вид на жительство в Германии, купим там дома, фермы, заживем по-человечески...

– Они мне оберста не простят...

Гуськов обрадовался, что я вроде как иду с ним на сотрудничество.

– А мы тебя другим именем назовем, – зашептал он. – Я тебе паспорт деверя отдам, он тоже Василием был, только Лукьянов, твоего примерно возраста, помер от тифа на масленицу. Награду пополам поделим...

– А если я не соглашусь?

– Соглашайся, Вася, лучше соглашайся.

Я задумался. Гуськов не человек – зверь. Ради денег замучает, под пытками все равно выведает, где спрятан немецкий чемодан.

БОЙ С ЛЕСНИКОМ

Крым. Голый шпиль. Наши дни

Сбитые дробью, сыпались на Дашу сучки и ошметки коры. Зажав ладонями уши, она присела на корточки, сердце колотилось.

«Кто победил? Куда попало копьё?»

Ей хватило мужества выглянуть.

Скворцов лежал в позе намаза, егерь держался за вонзившееся в грудь копьё. Обрамленный седоватой бородкой рот его с мучительной дрожью зевал, очки в черной оправе съехали с носа, выпавшее из рук ружье дымящимся дулом уткнулось в собачий бок.

Даша кралась, не чуя под собой ног.

– Сереж, ты не ранен?

Ее губы шевелились беззвучно.

Оглушенный, он читал – сквозь набат в голове – по ее беззвучно шевелящимся губам. Замедленно встал, левой рукой поднял егерское ружье, отщелкнул скобу, переломил ствол через колено, выбросил стреляные гильзы, из патронташа на поясе егеря вынул два алых патрона с золотистыми капсюлями, пятясь, перезарядил.

Спешка была излишней, егерь умирал – копьё пробило ему легкое. Колени в камуфлированных штанах подогнулись, выпученные глаза помутнели, изо рта красным собачьим языком излилась пузырящаяся кровь.

Даша слабо водила руками, сиюсь закрыться от зрелища смерти, ведь это она отпустила ветку, она уб-уби... у би...

Скворцов сказал – чересчур громко из-за временной глухоты.

– Не смотри! Отвернись! *Я сам...*

Она отвернулась.

Он потрогал себя за темя, крови не было, дробь прошла по волосам. Звон в голове стихал, слух восстанавливался, а обострившее чутье уловило зубодробительный аромат съестного. Сергей обыскал пожилого мужчину, уже ставшего на колени и не падающего на спину только потому, что его удерживало вонзившееся в грудь копьё, обнюхал, рванул клапан на кармане брезентового рюкзака. Есть! Бутерброды с черным хлебом и салом! Крупные крупички соли блеснули на желтоватой шкурке, которую так приятно жевать... о-о-о... вот оно, счастье! Жрать, жрать, – до заворота кишок – жрать!

Даша услышала ворчаще-чавкающие звуки, какие мог бы издавать вурдалак, только что разрывший свежую могилу, – это Скворцов обеими руками запикивал себе хлеб и сало между жадно жующих челюстей.

«Как он может кушать рядом с трупами, неужели он так проголодался?»

Сергей протянул ей трофейный бутерброд.

– Куфай, – сказал он с полным ртом. – Куфай-куфай... Нам силы нужны...

Она не могла «куфать»...

Зато Скворцов ненасытно счавкал три «бутэра», а два заботливо завернул и оставил про запас. Утолив голод, он уперся левой рукой в плечо егеря, а правой взялся за копьё – пальцы сомкнулись вокруг рукояти и... будто молния ударила по клинку, сотрясла-пробила, растекаясь по телу волной электрически знобящей ломоты.

Наконечник выполз из раневого канала, егерь повалился на спину, голубое истечение прекратилось, мерцающее копьё вновь обрело свой прежний пошарпанный вид.

Сергей снял с трупа патронташ, флягу, компас и часы, великоватую в плечах и животе куртку надел на себя, засаленное кепи с трезубой кокардой во лбу натянул на голову. Чужим потом и табачищем воняет, зато голову не будет печь и козырек защищает глаза от солнца.

В рюкзаке егеря запищала рация. Сергей вынул тяжеленький «Kenwood», включил кнопку приема. В динамике зашипело, пробился искаженный горными перепадами мужской голос. «Матвейч, вертолет уже вылетел, там бригада врачей и люди Викторыча. Обеспечь посадку, прием».

«Понял, – сказал Сергей, – сделаю, отбой».

Он поймал себя на том, что отвечал прокуреным хрипловатым тенорком, каким говорил егерь. Раньше способностей к голосовой имитации за ним не замечалось.

«ТЫ МОЯ БУДУЩАЯ ЖЕНА»

Вместе с одеждой егеря Скворцов, казалось, натянул на себя и его личину. Он откуда-то знал дорогу на заставу, знал тропинки в лесу, названия гор и высоток, знал по именам егерей и главного лесничего заповедника Толстунова Леонида Станиславовича. Он знал также, что для спасения обожженного Капранова вызван вертолет МЧС и что на нем уже летят вооруженные люди с собаками для организации облавы на «черных археологов».

Вышли на межгорное плато, покрытое сероватой шерсткой выгоревшего на солнце разнотравья, сбрызнутого мелкими красными маками. Юркнула в земляную трещину ящерица, ф-р-р – взлетела яркая птица, грудь – синий металик, подкрылья – розовые.

В рюкзаке подала сигнал рация. Сергей нажал на кнопку.

– Прием.

– Матвейч, я сейчас дам рацию отцу пострадавшего, поговори с ним.

В «Кенвуде» раздался резкий мужской голос.

– Где черные археологи?

– Иду по их следу, Виктор Викторович. От меня не уйдут.

Взвинченный тон Капранова изменился на благожелательный.

– Это ты молодец. Я учредил награду в 5 тысяч долларов. Не упусти их! Доставь мне живыми этих отморозков, слышишь!

– Слышу. Сделаю.

– Я их... (мат) на ремни порежу! Лично вылетаю, деньги со мной... Не дай им уйти!

Головой отвечаешь!

– От собачки не уйдут. Отбой.

Сергей отключил рацию.

Верхорез (маревое, скрывающее вершины гор) загустел, слился с темным небом, горы потеряли объемность и превратились в силуэты. Нужно было устраиваться на ночлег. В ложбинку натаскали валежника и палых листьев, улеглись на импровизированную кровать.

– Сереж, – шепнула Даша, – обними меня, мне холодно.

Он обнял ее со спины. Прижавшись друг к другу «стульчиком», они обоюдно согрелись.

– Сереж...

– А?

– Ты так изменился...

– Еще бы, столько фингалов...

– Нет, не потому... Ты стал сильным, уверенным в себе.

– Я должен тебе признаться – зашептал Сергей ей в затылок. – Когда меня повели на заставу, я... я струсил. Думал: ну, что я могу сделать один против банды. И, в конце концов, кто ты мне такая?

Даша хотела что-то сказать, но он осторожно приложил ей пальцы к губам.

– Дослушай, я сам еще не понимаю, что происходит. Когда я убегал с Голого шпиля... мне показалось... какой-то голос, словно с небес... вдруг так на меня наорал! Я его явственно слышал. «Вернись! Вернись и дерись за нее, трус! Ты должен ее спасти!» Мне будто надавали пощечин, у меня горело лицо. Я спросил Его: «Господи, ну, почему я должен ее спасти? Кто она мне такая?» Знаешь, что мне Он ответил?

– Что?

– Что ты – моя будущая жена и мать моего ребенка.

БИТВА В ГОРАХ

Крым. Наши дни

Едва рассвело, Скворцов встал и сделал разминку. Затем разобрал патронташ. В лунке вмятого рюкзака образовалась зернистая кучка дробы, высыпанная из развальцованных гильз. Ножом он нарезал из егерской майки десять квадратных кусков ткани, в каждый квадратик насыпал ползаряда дробы, концы тряпиц связал суровой ниткой. Получились десять полновесных шариков. Обкусав торчащие нитки, хвостиками вниз он засунул заряды в опустевшие гильзы, а пластмассовые края снова завальцевал ножом. Теперь у него были патроны с разрывными пулями.

Когда небо над темными контурами гор посветлело, он разбудил Дашу.

– Что-то нехорошо мне... – пробормотала она, садясь и зябко обнимая себя за плечи. И тут же охнула. – Прикоснуться больно...

Красный загар лежал на ее лице и руках четко, как отпечатки горчичников.

Пока Даша отходила в кусты по утренним делам, Сергей приложил холодное копьё к опухшей глазнице, и – о чудо – глаз приоткрылся и стал видеть лучше.

Даша сорвала сосновые иглы и пожевала вместо зубной пасты.

– Куда пойдём? – спросила она.

Скворцов глянул на компас.

– На квартальный столб 19-19-20-44.

Выпили воды, надели рюкзаки и зашагали. Он «видел» ушами, как локаторами, чувял на расстоянии до километра шорохи лесных животных и птиц, остро обонял запахи леса, и поэтому мгновенно засек на северо-востоке, примерно в полутора километрах, мужскую поступь и хриплое дыхание большой собаки. Кобель. Матерый. Учюял. Тянет хозяина в нашу сторону.

Что делать, копьё?

Жесткий, как верблюжья шерсть, голос с гуттуральным кхэканием произнес заклинание «Истечение адской бездны»: «Wagrom – StBeTTChePhMeShihSS», погрузивший Сергея в омут беспамятства, вынырнув из которого – обновленный и злой, – он теперь точно знал, что ему надо делать...

Дождавшись, когда преследователь выйдет из перелеска на плато между отрогами Узан-Крана и хребтом Абдуга, Скворцов под конвоем вывел Дашу ему навстречу.

В рослом охотнике с зеленой банданой на голове он узнал Рустема Валиева, активиста татарского Меджлиса, приятеля Капранова по совместным охотам. От мужчины пахло кожей автомобильных сидений, смазкой вчерашней проститутки, коньячным перегаром, бараными шашлыками, тандырными лепешками и кальяном.

На металлической цепи Валиев вел белого в рыжих пятнах «азиата». Неведомым способом Сергей знал не только имя этого человека, но даже кличку его собаки, хотя в реальной жизни никогда Валиева не встречал и ничего не читал о нем в прессе.

При виде вышедшей из перелеска пары Валиев сбросил с плеча винчестер. Волкодав встал на цепи в дыбки, высотой превысив хозяина, и зашелся в гулком лае.

– Эй, там, стоять! – крикнул охотник.

– И вам не хворать, – отозвался Сергей с «пожилым» егерским кашлем.

– Бросай ружье!

– Это еще почему?

– Бросай, говорю! Мы ищем бежавших преступников. Бросай или собаку спущу!

Кобель рвался с цепи, винчестер в руке Валиева ходил из стороны в сторону.

Скворцов прислонил ружье к чахлому кусту, обиженно закричал.

– Какой я тебе преступник! Ты на мою форму глянь, удостоверение посмотри! Я егерь, а ты кто таков?

– Если егерь, покажи документы.

– На, вот, смотри, – Скворцов вынул из нагрудного кармана удостоверение и кинул перед собой. Валиев взял рычащего пса за ошейник, поднял удостоверение.

– «Скороходченко Михаил Матвеевич, егерь», – прочитал он. – Что-то ты не очень похож на свою фотографию...

«Егерь» потрогал набрякшее гематомами лицо.

– Я теперь на черта похож... Вы черных археологов ищите, я сам за ними сутки уже гоняюсь. Вот эту мадаму задержал, а подельник ее сбежал. Это он меня так отделал. Ушел, паршивец, будь он неладен!

Валиев недоверчиво перевел взгляд с «егеря» на девушку.

– А ну, погоди... – поднес он рацию ко рту. – Леня, прием.

– Прием, – прошипела рация.

– Я тут егеря вашего встретил, фамилия Скороходченко... да... сейчас дам...

Валиев протянул рацию.

– Матвейч, ты? – раздался в трубке голос главного лесничего.

– Так точно, Леонид Станиславович! – отрапортовал Скворцов.

– Почему на связь не выходил?

– Батарейка села...

– Нарушители где?

– Я за ними до сумерек шел, пришлось в лесу заночевать. С утра девицу удалось задержать, веду ее на заставу...

– Взял деваху-то? Молодцом. А у нас тут такой кипиш! Милиции понаехало, на Голом шпиле куча трупов, вывозить нечем...

– Понял. Мои действия?

– Веди задержанную на заставу, там штаб организовали...

– Слушаюсь.

– Отбой.

Сергей вернул Валиеву рацию.

– Убедились теперь, Рустем Мустафаевич?

– Ты меня откуда знаешь?

– А вы у меня на заставе с Виктор Викторовичем бывали, да, видать, меня не помните, сильно были подшофе.

– Тебя сейчас мать родная не узнает, – усмехнулся Валиев, возвращая «егерю» удостоверение. – Как считаешь, куда он пошел?

– На Абдугу, тут другой дороги нет. – Скворцов за ремень поднял с земли «Зауэр». – Поймайте этого паршивца. Удачи вам.

– Не уйдет, бывай.

Валиев набросил винчестер на плечо, потащил прочь пса. Волкодав веретенообразно встряхнулся, разметав ошметки пенной слюны, взбитой во рту артиллерийским лаем, и потрусил на цепи за хозяином.

Еле слышно – щелк... щелк... – это Скворцов взвел курки и вскинул ружье к плечу, целясь уходящему охотнику в спину. Шутник!

...гром выстрела перевернул долину – охотник рухнул, пес шарахнулся, обнюхал неподвижного хозяина, взорвался лаем навстречу подходящему чужаку...

Скворцов на вытянутой руке вставил дуло в бешено грызанувшую пасть.

!!!Бханг-чхуанг!!! – громогласно чихнуло ружье.

Даша хватала ртом воздух, она никак не могла продохнуть пробку в бронхах.

– Я за тебя... – тряскими губами выговорила она, – конечно, я за тебя! Ты только не... не волнуйся... я просто не ожидала, что ты в такой драйв войдешь... и я... испугалась... собака так визжала... жесть просто...

Заполучив покорность женщины, «Скворцов» смягчился.

– Запомни, кругом враги и наши дело правое. Ты их разговоры по рации слышала?

Они по нашу душу прилетели, едрен-корень. Тут и так слишком до хера любителей нас убивать, а мы их, значит, отпускай? Нам его винтарь и патроны ох, как сгодятся. На, хлебани, – зверочеловек свинтил колпачок с плоской фляжки и силой заставил девушку сделать пару глотков коньяку. Сам отпил, причмокнул – «хорош шнапсик» – зарутил крышечку, спрятал фляжку и подал Даше воняющий порохом «Зауэр» со следами зубов на дуле. – Во, грызнул, зверюга! Валиевского винтаря я себе заберу, его передергивать надо, тебе трудно будет. Смотри, защелка, видишь? Как отстреляешь два патрона, нажимаешь ее, переламываешь ствол, вынаешь отстрелянные гильцы, вставляешь новые, и снова готова к стрельбе. Ау, очнись! Куда смотришь?

– На тебя...

– И шо? Страшный?

– Жесть... – проскрипела Даша. – «Джиппер-скриппер»...

Ей вспомнился американский сериал «Охотники за монстрами» с девушкой Кадене в главной роли. Кадене умела превращаться в монстра. «Вот бы стать таким получеловеком, полумонстром, мечтала когда-то Даша». А Скворцов, видать, умел...

Кряхтя, нагнулся он к лежащему ничком Валиеву, взялся за трекинговые ботинки для горных восхождений «Scarpa Kailash».

– Бери собаку, войлоком потащим, схоронить их надо во-он в той посадке, чтоб с вертолета не увидали...

Даша делала, что он говорил. Она была немного не в себе. Ружье стучало ее по затылку, когда она тащила за лапы собаку – кровь из пасти азиата прокропила тропинку в сером порохе пересохшей земли. Мертвец, которого волок Скворцов, вытянутыми руками затирал следы, с лица его свалились солнцезащитные очки и остались лежать в борозде. Аккуратно, чтобы не перемазаться, Скворцов стащил с мертвого азиата строгий ошейник, смотал цепь и спрятал в рюкзак. Но то, что он сделал потом, потрясло Дашу.

Дул легкий ветерок. Стоящее в зените солнце припекало сквозь дубки и покрывало сидящего на корточках Скворцова камуфляжной светотенью. Меж вырезом в кепи и хлястиком на липучках торчали потемневшие от пота косицы волос. Это Даша четко видела. Так же четко она видела, как шевелятся лопатки под темно-зеленой курткой, когда егерским ножом Скворцов отрезал мертвецу сначала одно ухо, потом, за волосы повернув голову, отрезал и второе.

– Да не смотри ты, – чуть ли не оплеухой отвернул он обомлевшее девичье лицо. – Щас опять харч метнешь...

Пятясь, она спросила.

– Тт-ытты... з-з-за-ачем... это с-с-с-делал?..

Он спустил с плеч рюкзак и спрятал «трофей» в боковой кармашек.

– Ты в доле, не бойсь. Одно ухо твое.

– Мое? – сыпучей землей прошуршал вопрос.

– Они денюх стоят. Знаешь, сколько?

– Ско...?

– По тыще дойчмарок пара.

У Даши случился парез лицевых мышц.

– Каких д-д-дойчмарок? Дойчмарок давно уже нет.

– Как нет? А куда ж они делись?

– Ну, ты прикалываешься. Теперь евро вместо дойчмарок.
– Какая еще «евра»?
– Валюта европейская.
– Ты смотри, едрен-корень, уже деньги в честь евреев назвали. И как немцы на такое согласились?

«... у него сотрясение мозга, надо ему подыграть... скажу че-нить не то, он же и меня пристрелит, как собаку... как того несчастного мужика, еще и уши на память отреж-ж...»

В куртке убитого Валиева пиццала рация.

– Прием, – сказал Скворцов.

Послышался голос главного лесничего.

– Что там за стрельба?

– Ерунда, косулю подстрелили.

– Какая нах... косуля?! Ты всех переполошил! Вся цепь на тебя повернула! Это ты, Рустем?

– Я это, Леонид Станиславович, – голосом егеря отозвался «Гуськов».

Пауза.

– Кто «я»?

– Да я это, я, Скороходченко!

Вновь долгая пауза.

На том конце слышались переговоры. Ворвался новый голос, Борунова Ильи, соседа по охотоведческому участку.

– Алло, кто это? – спросил Борунов.

– Я это, Илья, кто ж еще, – «прокуранным» голосом сказал лже-егерь.

Снова суматошные переговоры на том конце.

«Голос его...», «Перекрестись!», «Он что, с того света разговаривает?» «Мистика какая-то!» «Такое бывает, я читал, мертвые по телефону могут на связь выходить».

Вновь Борунов, испуганный:

– Алло, Миша, ты это... ты с того света разговариваешь?

Вмешался Толстунов.

– Михаил Матвеич, ты откуда разговариваешь?

– Я на квартальном столбе 19-19-20-43.

– Ты послушай, Михаил э-э... Матвеевич, это ни в какие ворота не лезет... Мы ведь тело твое только что нашли...

«Гуськов» подмигнул слушающей переговоры Даше.

– Станиславович, вы че такое говорите? Тело мое на мне.

– Ты откуда знаешь, как меня зовут? – закричал Толстунов. – Ты кто такой? Я понял! Это ты убил Скороходченко и завладел его рацией!

В разговор вмешался третий голос, грубый, властный.

– Слышь, ты! Не знаю, как тебя зовут, беги, беги, и как можно быстрее! Потому что если я тебя поймаю, – а я тебя поймаю, урод! – я сожгу тебя на медленном огне.

«Егерь Скороходченко» укоризненно сказал.

– В лесу стоит высокая пожароопасность, Виктор Викторович, костры жечь нельзя.

Капранов-старший запнулся.

– Не понял... Матвеич, это все-таки ты? Алло, Толстунов, ты кого нашел возле Горелого лога?

– Скороходченко... – прохрипела рация.

– А я с кем сейчас говорю?

– А черт его знает. По голосу – Скороходченко, но только тело его передо мной сейчас лежит, я на него смотрю. Мертвый Матвеич, рана в груди ножевая. И собака его ножом убита...

– Алло, ты, псевдо-Матвеич! – заревел Капранов. – Ты голоса подделывать можешь? Галкин хренов! Жди меня, я к тебе лечу. Я тебя, урод, как ты сына моего, мордой в костер засуну!

– Никто вашего сынка в костер не засовывал. Сам пошел, сам лег.

– Что-о?! Что ты сказал? Тебя как зовут? Имя свое назови! – хрипела рация. – Обзовись, урод, тварь, мразь! Как мог сын мой в костер упасть, да еще лицом? Кто его по голове ударил, говори!

– А он девушку насиловал, вот и пришлось вашего отпрыска образумить, тюкнули его по темечку, он пошел и случайно упал личиком своим драгоценным в костерок, незаконно разведенный в заповеднике...

– Случайно?! – заревел Капранов. – Какой на хрен случайно! Был я на той поляне, видел тот мангал. Там узко, лица не просунуть. Это ты его туда засунул!

Лже-егерь сменил тон на гуськовский – наглый, хрипатый.

– Твоего чмыренка давно пора было к ногтю прижать. Девчонок ему не впервой портить. Это ты, папаша хренов, виноват, запустил пацана, вот и расхлебывай...

– Ну, все, жди меня, скотское отродье! Недолго тебе осталось по горам бегать! Пеленгуете его? Семенов! Фролов! Запеленговали? Где?

Новый голос:

– Квартальный столб 19-19-20-44...

– Это где?

Слабо донесся голос пилота.

– На Узун-Кран летим, Виктор Викторович. Да вот он, мигает...

Голос Капранова:

– Всем, всем, всем! Разыскиваемый находится в районе квартального столба 19-19-20-44, направлением на Узун-Кран. Высаживайтесь и оцепляйте весь район от Узун-Крана до хребта Абдуга. Черного археолога брать только живьем, он не должен умереть легко и быстро, он должен мучиться, как мучается сейчас по его вине мой сын!

Спрятав рацию в нагрудный карман и подхватив валиевский винчестер, скользящим шагом диверсанта Скворцов скрылся в кустах. Бредя за ним, как в тумане, Даша думала, как сбежать от этого сошедшего с ума маньяка.

В одном из перелесков она присела в кустиках, чтобы пописать, а сама на карачках прокралась за деревья и бросилась прочь. Рюкзак с ножнами прыгал за спиной и больно бил по пояснице.

– Куда!

Из-за каменного дуба вышел «Гуськов» с винчестером наперевес. Испещренная синяками рожа его щерилась сукровичными, как у вампира, зубами.

Даша вскрикнула от ужаса, попятилась и шлепнулась на землю.

– Бросить меня вздумала? Золотишко хотела заныкать?

Буравя девчонку воспаленными зрачками, «партизан» вынул из рюкзака собачью цепь, продел в ошейник конец, накиннул на Дашу петлей и затянул на талии, себе на запястье надел кожаный ремешок.

– Теперь не отстанешь.

С девушкой на аркане, как какой-нибудь кочевник после набега, он быстро зашагал по плато. Заросшая травой грунтовка извилисто тянулась к темнеющему вдаль лесу. «Гуськов» пер, как танк. Даша бежала, падала и волоклась на цепи, поднимая пыль.

– Ты нас демаскируешь! – орал он. – Пылищу подняла! А если вертолет?

– Не могу-у-у... – стонала Даша. – Оставь меня. Я тебя только торможу.

– Вставай.

– Нет! Можешь убить меня, сил моих больше нет.

«Гуськов» снял кепи, утер вареное в соленом поту лицо.

– А куда ж твои силы подевались? Молодая, здоровая. Дед твой знаешь, каким был! Годами тут от немцев бегал, без харчей, без питья...

Даша оглядела горные громады. Как он тут выживал, ее восемнадцатилетний дед, без еды, без патронов, в стужу и жару? Собравшись с силами, она встала. Гуськов размеренно зашагал, она за ним. Вдруг он дернул ее за цепь – «ложись!».

Над лесом блеснуло лобовое стекло вертолета.

Крымские горы пронизаны карстовыми полостями. На многих участках можно увидеть чашеобразные углубления, изобилующие бороздами, гребешками, щелями и трещинами, поглощающими талые и дождевые воды. Такая чашеобразная воронка называется каром. В одном из таких каров, как в окопе, залегли беглецы. Но если в окопе можно стать невидимым для наземного противника, то от воздушного врага не скрыться.

Вертолет приближался.

«Гуськов» дернул за цепь – бежим!

Они помчались к лесу.

Сзади нагонял вертолет – бело-синий, изящный, с черными цифрами на борту «37». Стрелок открыл огонь из окна – по дерну вспархивали фонтанчики пыли...

Мужчина и девушка вылетели через перелесок на край плато и ахнули, оказавшись внезапно на краю обрыва. У Даши закружилась голова, она взмахнула руками, оступилась и... полетела вниз – сердце прыгнуло и закупорило горло, – а-а-а-аааа! – Гуськова дернуло цепью, и он сорвался вслед за девушкой в пропасть Большого Крымского каньона.

ВАСИЛИЙ ЖУКОВ

Горный Крым. 1942 г.

Привал ягд-группа абверовской контрразведки сделала в предгорьях Голого шпиля. Диверсанты разлеглись на снегу на короткий отдых.

В туманном небе послышался гул самолета. Судя по звуку, приближался наш У-2. Мы наших летунов и немцев на слух отличали. Гул прошел над головами в сторону Голого шпиля. В прорехе облаков мелькнул самолет с краснозвездными крыльями, из люка вывалилась гондола, донесся хлопок раскрывшегося парашюта. Звуки в горах сверху вниз далеко распространяются, воздух-то разряженный, а снизу вверх за километр даже выстрела не слышать.

– Вот везуха, так везуха! – Гуськов даже затрясся от жадности. – Заберем сброс zarazом с портфелем оберста. Ну, и подарочки нам сыпят с неба, ай-люли-малина. Че заскучал, Вася? Ослаб поди? Погоди! На, выпей-ка, силы поддержит.

Он дал мне таблетку.

– Первитин. Вместо кофию. Задору прибавляется. Я уже сутки не сплю и ничего.

Я выпил таблетку. Сил, действительно, прибавилось. Целый час мы пробирались сквозь буреломы и снежные заносы к «сбросу». Парашют зацепился за сосну, растущую на самом краю обрыва, и парусил на ветру, распухал и сдувался. «Гондола» раскачивалась прямехонько над пропастью.

– Вот, блин, сел как неудачно, – крикнул Гуськов и тут же раздал команды. – Вы двое, принимаете груз. Ты страхуешь. Я сброс обвяжу веревками, вы его подтянете, я обрежу, да смотрите, яйца оторву, если груз в пропасть уйдет.

Он надел монтажные когти на свои «Эдельвейсы», вскарабкался на дерево, привязал к сбросу конец стропы, диверсанты подтянули гондолу так, что она повисла над скальным выступом и больше не рисковала упасть в пропасть. Я отошел за ближайший валун.

– Куда пошел? – покосился на меня мрачный верзила в красных фурункулах.

– Поссать...

– Держи крепче! – Гуськов резанул ножом по стропам.

Оглушительный взрыв сотряс горы.

БОЙ С ВЕРТОЛЕТОМ

Четыре ноги болтаются над пустотой, натянутая цепь трется по стволу, на головы сыплется крошево коры. На глубине тридцати метров от верхнего обреза каньона Скворцов с Дашей чудом зацепились цепью за растущую из стены искривленную ветрами крымскую сосну. «Гуськов» на посиневшей руке, вдетой в ремешок металлического поводка, завис ближе к стволу сосны. После Дашиной попытки бегства он забрал у нее винчестер Валиева и теперь, отягощенный двумя ружьями, не мог подтянуться. Винтарь пришлось сбросить в пропасть.

Вдевая пальцы в стальные кольца, на пределе неизвестно откуда взявшихся сил он вскарабкался по цепи, ухватился за корявый корень, раскачался и забросил ногу на комель. Даша скользнула вниз на другом конце цепи, взвизгнула. Забравшись на узкий выступ перед расщелиной, из которой выросла спасительница-сосна, «Гуськов», как ведро из колодца, воротом вращая цепь вокруг ствола, выволок девушку из пропасти.

Стали в обнимку, задыхаясь и дрожа.

«Ой, я высоты боюсь!»

«Вверх смотри!»

Вверху – небо и облачко – маленькое, как перышко. Облачку хорошо, оно невесомое..

«Где, где они, черт возьми! Неуж сорвались?»

«Робинсон» сделал вираж над обрывом и, сердито рокоча, влетел в теснину каньона.

– Да вон же они! – указал пилот рукой.

В карликовой сосне, растущей из вертикальной стены каньона, копошились маленькие человечки. «Бонсай, на радостях подумал Капранов, настоящий японский банзай!»

Рокотанье винта множилось каньонным эхом, резонировало, оглушало.

Дашу трясло, она мешала прицелиться.

– Я высоты боюсь! Я прошу тебя, ну, пожалуйста, помаши им белым флагом, давай я майку сниму, пусть они нас вытаща-а-а-ат... Я не хочу тут умира-а-а-ать... а-а-а-а... ы-ы-ы-ы...

– Боец Жукова!

– Что?

– Я не могу прицелиться, мне что-то попало в глаз. Посмотри!

Пальцами раздвинув заплывшие веки, Даша увидела соринку на выпуклости залитого кровоизлиянием белка.

– Иди сюда... – она приникла губами к распухшей глазнице и осторожно вылизала слезу слез.

«Гуськов» проморгался, сказал, слегка прибалдев от нежности «лечения».

– Теперь вижу хорошо. Выношу благодарность перед строем.

Даша через силу улыбнулась.

Он закрыл ее собой, спиной вжал в скалу, вскинул ружье, взвел курок.

«Замри!»

«Меня дрожь бьет, не могу...»

«Замри, я сказал!»

Изо всех сил напрягла она мышцы рук, шеи, затылка и даже ануса, но нервическая дрожь продолжала сотрясать и ее, и стрелка.

Тогда «Гуськов» охлопал ее по карманам, вытащил плеер, размотал комок наушников, вставил их Даше в уши, утрамбовал до упора и на полную громкость врубил музыку.

Барабанные перепонки пронзили клики фанфар, – грянул фашистский марш, который она когда-то записала, чтобы разыграть спящего деда!

Wenn die Soldaten
Dutch die Stadt marschieren...

Трубили трубы, били барабаны, шибались золотые литавры, свистали флейты, печатали шаг колонны вермахта, дыбом встала шерсть на холках гор, безжалостный марш немецко-фашистских захватчиков сотрясал душу, вертолет налетал, выставив лыжи, как коршун, когтящий перепелку, – заштормило, заметались ветки сосны, иглами захлестали по щекам. «Калашников» бил очередями, пороховой дым черными струями вылетал из пламегасителя и улетал по ветру, пули секли сосну, с визгом рикошетили от скал, осколки брызгали в лица.

Даша дергалась, приседала, закрывалась руками – ой! – ой!!!

Виктор Капранов ожидал, что беглецы сдадутся, поднимут руки, но черный археолог нагло целился из охотничьей двустволки. Попадание дроби по винтам нежелательно, но Виктор Викторович уже вошел в штопор пьяного азарта...

«Смелчак долбанный! С пукалкой дробовой против автомата! Ай, молодца!»

С маршевой музыкой в голове, из-за спины мужчины, который целился в налетающего с неба врага, – вдоль солнечной дорожки на вороненом стволе ружья, – в лупоглазой морде вертолета Даша разглядела лицо своего дедушки, Василия Акимовича. Строго глянув с небес через лупы очков, Жуков-старший покачал головой и сказал, как говорил когда-то маленькой внучке, обмершей перед вылетевшим из подворотни дворовым полканом: «Ай-яй-яй, рёвушка-коровушка, испугалась? А ну, иди сюда! – Дед подхватил Дашутку подмышки и поднял к солнцу. – Не бздо, внуча, прорвемся! Мы с тобой Жуковы, а Жуковы не сдаются!»

«Боже, и этот грохочущий марш я поставила спящему старику! Он здесь сражался, и для чего? Чтобы внучка-дебилка вот так над ним прикололась? Да если бы он погиб, тебя бы просто не было, Дашка, ты бы не родилась! И если ты сейчас не справишься с облавами и погонями, если тебя убьют, у тебя никто не родится, и род Жуковых прервется навсегда!»

Свидание с дедом соединило Дашу Жукову с Родом. Все Жуковы, сколько их жило на русской земле, – мужчины, женщины, старики и дети – нескончаемой шеренгой стояли за ее дедом и передавали внучке и наследнице свои умения и силы.

Лицо Дашки отчаянно обтянулось, вихрь от винта осушил слезы, красным дымом сигнальной ракеты вздыбил волосы.

«Деда, я больше не боюсь! Я не сдамся и не попрошу пощады! Прости, что поставила тебе тогда этот проклятый марш. Как же ты выстоял здесь против целой армии? Я буду тебя достойна, клянусь, умру красиво – под музыку!»

А-а-ай-ли, ай-лё – айля!

А-а-ай-ли, ай-лё, – айля!

Айли! Ай лё! Айля – ха-ха-ха-ха-ха!

В наушники по внутренней связи голос пилота встревожено предложил уйти из зоны поражения. Капранов огрызнулся и взял противника на мушку – «игры закончились, не сдаешься – сдохни!» Длинная очередь белыми расщепами вспорола ствол сосны, срубила ветку, полетевшую в пропасть, – клац! – автомат заклинило.

«Магазин!» – крикнул депутат, отстегивая рожок и швыряя его под ноги. Помощник его, майор СБУ в отставке, в ответ прокричал, что патроны остались только россыпью, надо набивать магазины.

«Так набивай, черт!»

Хмельной от горя отцовского, от жажды мести, от выпитого коньяка и азарта охоты, Виктор Викторович сорвал с носа стрелковые очки и, сверкнув на солнце золотыми часами, погрозил кулаком черному археологу, припавшему щекой к своему ружьишку.

«Стреляй, ну! – наушники не пускали, Капранов содрал их с потной головы вместе с бейсболкой, высунулся в окно по пояс. – Стреляй, трус! Ну, стреляй! – Рывком уселся обратно, рыгнув коньячным перегаром в лицо встревоженного пилота. – Из дробовика он меня напугать вздумал!»

Никто в вертолете не знал, что в стволе егерского «Зауэра» находился разрывной заряд 12 калибра.

Пилот накренил и увел вертолет чуть левее, сбивая противнику прицел.

«Кончай его, Викторыч, – опасно прокричал он, – некогда патроны набивать, горючка на нуле!»

«Они мне живьем нужны, – скрежетнул зубами Капранов. – Эх, ладно... Гр-р-ра-нату!»

Тынянов вынул из армейского ящика гранату «Ф-1», вложил ее в руку шефа. Тот сорвал с лимонки чеку.

Солнце слепило – мерцающий винт казал то блестящее перекрестие, то букву «V», то сияющий веер лопастей.

«Ну, братья-партизаны, помогайте!»

Промазать было нельзя. Промах означал смерть.

В голове не к месту раздался голос егеря Скороходченко:

«Ты погоди, Григорий Пантелеич, тут стрелять нужно с поправкой под углом к горизонту».

«Какой еще поправкой, ты шо мелешь?»

«Дай-ка я попробую...»

«Ну, смотри, лесная душа, промажешь – уши отрежу!»

Призрачная рука егеря взялась за цевье, призрачный палец лег на курок, родной пристрелянный «Зауэр» прикладом лег в фантомное плечо, в глазнице загустело чужое стекло-видное тело, потемнел, материализуясь, зрачок – егерь Скороходченко выглянул в мир живых через опухшие от гематом Скворцовские очи – вокруг симферопольца аурой проступила грузная, сутулая фигура Михаила Матвеевича, припавшего щекой к своему верному «Зауэру Три кольца», в прицеле сфокусировалась поясная мишень мужчины с занесенной для броска рукой...

А в ушах Даши гремел немецкий марш.

Ei warum? Ei darum!
Ei warum? Ei darum!
Ei bloss wegen dem
Schingderassa,
Bumderassasa!
Ei bloss wegen dem
Schingderassa,
Bumderassasa!

«Стреляй, старый хрыч! – завопил Гуськов. – Он щас гранату кинет...»

«Не спеши, Григорьпантелейч, я свое ружьишко знаю...»

«Получай, фашист, гранату!» – Капранов замахнулся на вывих лопатки...

Ствол «Зауэра» взял поправку к углу горизонта, два слитных пальца – живой, из мяса и костей, в папиллярной обтяжке грязной кожи, и – призрачный, дымкой окаймивший Скворцовские фаланги – плавно, поймав на мушку отблеск золотых наручных часов... нажали на курок...

Сквозь грохот марша Даша не расслышала выстрела – Сережкино плечо дернулось, толкнув ее в грудь.

По занесенной руке Капранова – горячо хлестнуло – будто саблей наотмашь...

Виктор Викторович глянул и не поверил своим глазам, – запястье родной руки под швейцарскими часами «Константин Вашерон» из красного золота с темнобордовым кожаным ремешком – было перебито, сухожилия и лучезапястные кости рассечены – из раны вбок по ветру струей хлестала кровь...

Айварум-айдарум,
айварум-айдарум
Айблёсвенден
чин-да-ра-са,
бум-да-ра-са-са!

Заревев от шока и гнева, Капранов швырнул гранату, но только ударил культей по ребру окна – кисть его надрубленная под тяжестью «лимонки» отломилась и по плечу хозяина скатилась на дно кабины... отлученные от туловища пальцы бессильно разжались... дуга УЗРГМ (универсальный запал ручных гранат модернизированный) отошла с неслышным в виброгрохоте щелчком...

Бело-синий красавец «Robinson R44» подпрыгнул в воздухе и сотрясся, стрекозиные «глаза» его заляпало изнутри ошметками тел пилота и пассажиров, затем кабина с глухим треском лопнула, разбрызнув склень стекла и лохмотья углекарбонатной обшивки.

Рокот мотора смолк, марш стих...

В мерцающем круге над вертолетом, пикирующим на скалу с беглецами, проступил восьмерящийся во вращении винт...

«Гуськов» повалил Дашу на каменную приступку.

Она видела поверх его плеча кренящийся корпус вертолета под замедленно вращающейся «свастикой» лопастей.

По скале, по сосне заколошматило.

«Гуськов» вздрогнул, напрягся и тяжело обмяк.

Миг – и вертолет исчез – осталось лишь голубое небо в кипени белых облаков.

Даша выдернула из ушей наушники, подняла голову мужчины обеими руками, глазами обшарила безжизненное лицо. Испятнанное пожелтевшими синяками, исцарапанное, заросшее темно-русой бородкой, лицо Сережи Скворцова утратило зверскую бугристость и выглядело не устрашающим, а по-детски беспомощным...

«Сережа... ну, Сереж... ну, Сережечка... – голова Скворцова болталась (Даша его трясла), – что с тобой? Ты ранен? Очнись! Сережа, открой глаза, пожалуйста! Дед, что мне делать?»

Даше подумалось, что Скворцов сейчас не Сережа, а тот страшный партизан из сорок второго года, она закричала – и эхо усилило голос ее в оцепеневшем каньоне. «Кто бы ты ни был, Скворцов, Гуськов, мне все равно, ты защищал меня, ты хороший, очнись!.. – И, видя, что глаза его не открываются, а дыхания нет, губастым, распяленным в рыдании ртом простонала. – Не умирай, Скворцо-о-о-ов! ЭТО ПРИКА-А-А-А-А-АЗ!!!»

Эхо вечного женского зова – «не умирай, вернись, останься!»

Но мужчинам приходится уходить, они воины, им положено умирать.

В рыдающем поцелуе Даша припала к губам, покрытым коростой засохших «вавок».

Со дна каньона вспух столб черного дыма, в извилах которого проступила, бугрясь клубами, жуткая харя потустороннего существа. С ухмылкой оглядел Черный Дым слившуюся в отчаянном поцелуе человеческую пару – такую хрупкую и беззащитную в окружении пропастей и гор... – и рассеялся в бездонном небе...

ВАСИЛИЙ ЖУКОВ

Крым. 1942 г.

Эхо взрыва прокатилось по горам зимним громом.

Когда взметенный снег развеялся, над обрывом торчал лишь обрубок тлеющей сосны. От Гуськова-Миттлера не осталось и следа, если не считать едкого черного дыма, медленно рассеивающегося над пропастью. Григорий Гуськов, как и подобает предателям, пал смертью подлых. Погибли и все принимавшие гондолу абверовские курсанты.

Это я изготовил макет гондолы, только не амуницией ее начинил, а взрывчаткой.

«У-2» прилетел вовремя. Настоящий сброс упал дальше, на Розовом фонтане, а на сосне возле Горелого лога уже неделю как висела моя «приманка». Косада не зря учил нас минно-взрывному делу.

Но и мне досталось от взрыва. Пролежал я там, контуженный, трое суток, сознание работало, а руки-ноги не двигались. Меня искали. Нашли побитых товарищей, пошли по следу Гуськова и его ягд-группы, и вышли на меня. Смотрю, фигуры темные на фоне белого леса, много, целый батальон, а это трое было охотников из отряда Митрофана Очигова, у меня в глазах троилось, а может и десятилось. Они мне дали молока попить, вынесли к своим, двое суток по горам волокли, поднимали меня по кручам на веревках, как тюк.

В лагере положили меня возле костра, чтоб я оттаял и согрелся. И заснули все, а я чуть не сгорел, отползти не могу, а дров навалили гору целую, вот она и запылала. Бок у меня обсмалился. Спас меня немецкий «Физелер-Шторх», он навел бомбардировщиков на костер, и меня взрывом от костра отбросило. Не поверите, вокруг все взрывается, деревья с корнями выкорчевывает, а я лежу и радуюсь. Спросите, чему радовался? А тому, что я снова в бою. Я не сдался! Они меня бомбят, воюют со мной, тратят на меня бомбы...

СХОЖДЕНИЕ

Солнце космато, как голова комиссара Лобова.

Дашины волосы пламенем бьются на ветру, уши гложут от гула ветра.

На отвесной стене Большого Крымского каньона висят два человечка.

Замерзли пропотевшие поясницы, носки кроссовок втиснуты в расщелины, подушечки пальцев капиллярными линиями выщепливают трещинки в горной породе, кровь сочится из-под ногтей...

Мужчина и девушка на ледяном ветру, на узком скалистом карнизе, в связке на собачьей цепи, приставными шажками помалу...

«Даша, спокойнее, щупай ногой, куда становишься, но сама вниз не смотри! Вот так... молодец... Вон выступ, хватайся!»

«Сереж, это ты? Не Гуськов?»

«Я».

«Я тебя поцеловала, и ты снова стал собой, да?»

Пропасти тянут за волосы, отцепляют судорожно впившиеся пальцы от скал, высасывают вскипающую от страха неминуемого падения и долгого – уже с разорванным сердцем – полета вдоль отвесного обрыва – спинномозговую жидкость...

«Сереж...»

«Что?»

«Мне надо передохнуть... у меня пальцы не держат...»

«Даша, нельзя останавливаться! Это как на велосипеде... уже близко»

«Ты видишь конец?»

«Да, осталось десять, от силы двенадцать шагов...» – рюкзаки тяжелеют с каждым шагом, тянут назад в пропасть.

«Можно я рюкзак сброшу?»

«Бросай!..»

«Жалко, там припасы... Сколько еще?»

«Чуть-чуть...»

«Все, не-е могу-у-у, падаю, Сереж...»

«Даша... Даша! Даша!!! А ну, быстро дала мне свой мобильный!»

«Зачем?»

«Я деду твоему позвоню! Все ему про тебя расскажу! Какая ты трусиха...»

«Я не трусиха... я высоты боюсь...»

Ты туго натягиваешь цепь и держишь слабую девчонку, хотя тебе самому не за что цепляться, но ты держишь, даешь ей возможность чуть расслабить окаменевшие мышцы, дать им роздых, возможность вновь собраться с силами...

«На зубах», силой одной воли выволок Скворцов обессилившую Дашку на площадку за карнизом, упали рядом... искололи лица о сухую траву...

ВАСИЛИЙ ЖУКОВ

Крым. 1942 г.

С группой раненых партизан меня эвакуировали на Большую землю. Когда в самолет на носилках заносили, увидел я там надпись «Смерть немецким оккупантам!», и...

(всхлип). Я так никогда в жизни не плакал! В госпитале меня раздели, в душ повели, а там зеркало. Лешего видели? Вот такой я был, весь косматый, борода, волосы, а лица вовсе не было видно, один нос торчит, а про тело лучше не вспоминать, скелет, я был худее, чем сейчас, когда мне 90 лет.

После излечения я сманеврировал в ряды регулярной армии, уж очень не хотелось возвращаться обратно в партизаны к Чистякову, воевал на Втором Украинском, на Балатоне, закончил войну под Ференцварошем.

А после войны арестовали меня по навету Чистякова. Дали десять лет лагерей за то, что я будто бы сотрудничал с абверовским предателем Миттлером.

Короче, в Крым я больше не возвращался. И странное дело – будто бы напрочь я забыл эту историю про чемоданчик оберста. Будто его и не было никогда в моей жизни. Будто взрывом тем мне всю память отшибло.

А на старости лет вспомнил.

Спросите, зачем я Дашку послал в крымские леса на поиски фашистского чемодана? Да потому что погибала она в Москве! Стала пить и курить, наколки делать, как зечка малолетняя. С матерью ругалась, никого не слушалась. В готы подалась или в нацики, я точно не разбираюсь, только Светлана подозревала, что она стала принимать наркотики. Каково мне такое на старости лет услышать? Для чего я тогда муки в горах принимал? Нет уж, пусть, думаю, съездит по местам боевой славы, узнает, почем фунт лиха. Если клад ей в руки дастся, то, значит, достойна она нашего рода. Ну, а не дастся, значит, не судьба... Жалеть молодых – только портить.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА ГИТЛЕРА И ШТАУФЕНБЕРГА

Госпиталь в Вевельсберге (земля Северный Рейн-Вестфалия) 13 марта 1942 г.

Раненый полковник фон Штауфенберг был обнаружен в Крымском лесу солдатами отряда «Бергман», перевезен в Симферополь, где ему была оказана первая медицинская помощь. Спецрейсом люфтваффе он был переправлен в госпиталь для офицеров СС, размещенный в старинном замке Вевельсберг. Здесь находилась штаб-квартира Аненербе, Высшего суда СС и личный штаб рейхсфюрера. Гиммлер считал Вевельсберг Центром Мира. В документах СС он проходил под тайным именем «Замок СС Вальхалла»

Перенеся две операции, полковник пошел на поправку.

Он был еще слаб, когда в полдень 13 марта 1942 г. в госпитале наступил переполох. По коридорам пробежали шеренги солдат СС с автоматами наизготовку, раненых заперли по палатам.

В палату к Штауфенбергу торопливо вошел взволнованный главврач в сопровождении двух медсестер. Одна из них протерла бледное, забинтованное по правому глазу лицо графа влажными салфетками и причесала, вторая сделала укол стимулирующего препарата. Главврач шепнул, удаляясь.

– К вам высочайший гость...

Наступила долгая пауза. Наконец в коридоре послышались шаги, но вошел не фюрер, как ожидал Штауфенберг, а кинолог с любимой овчаркой Гитлера Блонди.

Обнюхав палату и не выявив следов взрывчатки, собака завиляла хвостом. Кинолог вывел ее.

Вновь наступила долгая пауза, затем по коридору прокатился шум, – в палату быстро вошел Гитлер, замер в дверях, встретился взглядом с единственным уцелевшим глазом Штауфенберга, гневно встопорщил квадрат усов под носом, с протянутой рукой шагнул навстречу.

– Друг мой!

В годы войны немецкая медицина достигла больших успехов в разработке стимулирующих и наркотических веществ. Граф почувствовал, что под действием ли препарата, под влиянием ли встречи с великим человеком, но силы его прибывают, а сознание проясняется.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Гитлер, пожимая своему верному копыеносцу бесильно лежащую на простыне левую кисть.

Полковник шевельнул сухими губами.

– Хорошо, мой фюрер.

– Крепитесь. Своими муками и доблестной борьбой вы заслужили величайших почестей. Я награждаю вас Звездой Большого рыцарского Железного креста с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами. Ни один человек на земле еще не получал этой награды. Примите ее первым из моих рук. (Гитлер открыл коробочку и показал орден на черно-белокрасной пряжке). Сейчас я открою вам тайну, которой не делился ни с одним человеком на земле. Своей жертвой вы заслужили право узнать ее. Ровно пять лет назад, 13 марта 1938 года, после аншлюса Австрии я проследовал в Хофбургский замок. Вы были там и видели мой приезд. Но вы не видели и не могли видеть то, что произошло в зале сокровищ Габсбургов, когда все оставили меня наедине со Священным Копьем. Случилось чудо, великое, величайшее откровение!

Скрывавшая Копье витрина была открыта. Первым из людей XX века я взял Копье в свои руки. Я не выдержал эмоционального напряжения и упал на колени. Я стоял перед Копьем на коленях и благоговейно целовал его. Я молил Духа Копья явиться мне.

Принятие Копья есть тяжелейшая из миссий.

И Дух явился! Воздух стал настолько удушливым, что я едва был в силах дышать. Я стоял, весь дрожа, перед колеблющейся фигурой сверхчеловека – опасный и возвышенный разум, бесстрашное и жестокое лицо.

Он был одет во всем белом, на голове его был плат с четырьмя пентаклями, укрепленный вокруг головы золотым обручем. Он походил на библейского пророка, угольносмуглый, с горящими черными глазами, с черной до пояса бородой, в которой по центру белел клин седины. Голос его прокатился по безмолвию Хофбургского замка, как горный обвал. «Ты осмелился предъявить права на Копье, преступил Заповедь, принес жертву, как и подобает Жрецу и Первосвященнику. Итак, свершилось. Ты избран. Миссия твоя страшна. Приготовься!»

Я понял, что сейчас мне откроется смысл моей жизни, цель ее, предуготовленная мне Богом. Штауфенберг, то, что сказал мне Дух Копья, поразило меня, как молния! Мне казалось, что меня запекают в духовке, я истекал потом, глаза мои застилал туман, я едва сохранял сознание – так изнуряет общение с высшими сферами! Человеку не дано выдерживать токи такой мощи, энергии неба содрогали мое тело, в голове будто бил молот, череп мой разрывался. Ударов раздалось ровно тринадцать. Дух сказал.

«Адольф Гитлер, слушай то, что говорит моими устами Судьба и написавший ее Предвечный Бог! Увлеченный земной иллюзией, ты думал, что твоя миссия состоит в спасении германской нации, униженной Версальским миром, в ее возвеличении. Это ошибка. Твоя миссия также заключается не том, чтобы завоевать жизненное пространство для народа, в недрах которого ты родился. Твоя миссия состоит даже не том, чтобы подчинить себе весь мир. Твоя миссия гораздо страшнее и выше!»

Я был поражен. Что может быть выше? Какие более грандиозные цели может поставить перед человеком Всевышний?

– Снизойди и ответь мне, – воззвал я, – в чем состоит истинный смысл моей миссии?

Дух воспрянул и стал огромен. Голова его дотягивалась до туч. Громоподобным голосом он произнес слова, которые и поныне повергают меня в ужасное смятение.

– Встань и иди судить человечество, ибо ты есть Судья Страшного суда, а Копье Судьбы – твой судейский молоток!

Что угодно был готов я услышать, но только не это! Вихри качали меня, словно я попал в адский оркестр, исполняющий «Полет валькирий».

– Разве пришел час Страшного суда? – прокричал я сквозь бурю.

– Час пришел и уже настал, – прогремел Всемогущий. – Сонмы грешников покинули ад, родились и населяют поверхность земли. Они изнывают в ожидании возмездия. Этим завершатся их страдания. Вот же они, смотри!

Я огляделся, но ничего не увидел, кроме музея Хофбурга.

– Проведи Копьем по кругу, – приказал Дух.

Я очертил круг и вдруг увидел себя на вершине высочайшей горной вершины. Окрест зияли пропасти и возвышались покрытые вечными льдами горы. Над головой ярились вьюги, водоворотами вращались тучи, раздираемые сполохами молний. В руке моей сияло Копье. Молнии, бьющие со всех сторон, стекались в его наконечник. Пространство было озарено трепещущим заревом, в его свете я разглядел, что склоны гор и долины покрыты людскими стадами. Ужас поднимался от них, как испарения. Они тряслись от страха, теряли разум, седели, вопили, рвали на себе волосы, раздирали одежды и саму плоть свою. Копье испускало мириады молний. Каждый человек, проносящийся передо мной в чудовищном Мальстреме, получал разряд, означавший окончательный Приговор. И был то Приговор всему его существованию на протяжении многих жизней. Каждого человека я прозревал насквозь, я видел, как осужденные грешники с воем и стенаниями всасывались в ад. Они уносились в концентрационные лагеря, сгорали в печах, гибли на фронтах под пулями, сходили с ума под бомбежками, принимали пытки в подвалах и расстрельных камерах, в застенках и на эшафотах. На операционных сто-

лах им отнимали руки и ноги, вырезали кишки и желудки, они уползали на своих обрубкаx – безногие, безрукие, слепые, глухие, и все их страдания были строго отмерены приговором Высшего Судии.

Сердце мое обливалось кровью, но разум леденел в осознании космической истины.

Миссия моя – страшнейшая из миссий, когда-либо выпадавших на долю смертных.

Я обратился к Духу Копья, спрашивая, почему именно мне была доверена эта роль? Ответ его поверг меня в еще больший трепет и смятение.

ДАША ЖУКОВА

Прямая речь Крым.

Наши дни

Я думала, мы спустимся на ровную поверхность, и дальше будет легче.

Фигушки! Дальше лежала «чертова тропа» по хребту Аб-дуга. Это окаменевшая Годзилла! И мы должны были пройти по ее спинному гребню. Справа и слева – пропасти и оползни!

Мы шли в связке. Сергей шел первым, а я скреблась сзади. Ветрила такой поднялся, что если бы Скворцов меня к себе не привязал, я бы улетела, как дельтапланеристка. Он ружьем балансировал и шел по хребту, как по канату, а я сзади на четвереньках – чап-чап-чап-чап... Два раза срывалась. Сергей меня вытаскивал. А ошейник ведь с шипами, они врезались ему в плечо, но он виду не подавал, тянул меня, как бурлак. Господи, какие мы маленькие по сравнению с горами, просто микроскопические.

Наконец прошли чертову тропинку и упали на узкой площадке. Над нами, под нами, во все стороны синели и зеленели бескрайние горные хребты.

Придерживая козырек бейсболки, чтобы не сорвало ветром, он приблизился к краю обрыва и вдруг резко упал на землю. Я подползла сзади.

Внизу была видна поляна, на которой только что приземлился вертолет с надписью на борту «МНС Украины». «Спасатели, сказал Скворцов. Еще бы, депутат погиб! Вот тех видишь? Ружья, собаки, это люди Капранова. Каньон узкий, они его перекроют, прочешут и зажмут нас. Уходить от облавы дальше в горы – самоубийство, мы быстро потеряем силы, идти вниз навстречу облаве – тоже гибель, сквозь оцепление хрен проскочишь... Что делать? Принять бой? С одним ружьем против бойцов с натасканными собаками?»

Я сняла рюкзак, вынула и включила мобилу. Ура! Здесь работала мобильная связь. На экранчике засветилась фотка моего деда.

– Алло, – донесся его шамкающий голос, – Алло!

– Дед, привет, это я, Даша!

– Дашка! – закричал мой старикан. – Нашлась! Наконец-то! А то я звоню, звоню, а ты не отвечаешь. Ты как там, живая?

– Живая. Привет. Тут связи не было.

– А что это у вас гудит?

– Ветер.

– Ветер? А вы где?

– В Большом каньоне.

– Я думал вы на Голом шпиле. Вы косточки Ниныны нашли?

– Дед, – закричала я, – там лежала граната!

Он запнулся в радостном бляении.

– Какая граната?

– Я откуда знаю. Это же ты у нас вечный партизан с гранатой за пазухой. Ты зачем послал меня на верную смерть?

На другом конце повисло молчание. Я испугалась, что старика хватит удар.

– Алло, дед, ты меня слышишь?

– Слышу... – донесся слабый голос. – Вспомнил... Проклятый я идиот! Я и вправду про гранату забыл. Чеку сорвал, когда немцы подошли, а потом обмотал проволокой и это... под чемоданчик подсунул... Забыл вас предупредить. Вот дуралей старый! Прости, прости меня, Дашутка!

– Я-то прощу, а вот Нина – нет. Ее кости разметало взрывом.

– Так граната чего... взорвалась? – ахнул старик.

Чтоб он там дубу не дал, я поторопилась его успокоить.

– Нас не задело, а лесников местных поубивало! За нами гонятся. Нас обвинили, что это мы их убили, понимаешь?

Я сбивчиво начала рассказывать про взрыв и погоню, стала деда обвинять, что послал меня в горы, Акимович аж заклекотал на том конце.

– А ну, цыц мне! Докладывай толком, где находитесь, кто преследует, какими силами? Сколько их?

– Кого?

– Карателей.

– Не знаю. Человек десять...

В трубке раздался каркающий смех.

– Твоего деда целая румынская дивизия взять не могла, а тут десять человек. Боец Жукова, слушай мою команду!

Я посмотрела на трубку, потом снова приложила ее к уху.

– Ну, слушаю...

– Приказываю! Определите направление ветра и поджигайте лес! Дым отрезет вас от погони, отобьет у собак нюх. Сделайте факелы и ими создавайте очаги возгорания, чтоб фронт мне был! Уходите против ветра, иначе сами попадете под огонь.

– Тут засуха, дед, сгорит весь заповедник.

– Да и хер с ним, заповедником! Жгите все подчистую!

Я отняла от уха мокрый от пота телефон и сказала Скворцову.

– Дед приказал жечь лес. Только чтоб ветер был нам в лицо.

Сергей облизнул палец и поднял его над головой, но и без пальца было ясно, что ветер дует нам в спину.

– Нужно пройти сквозь облаву и только потом поджигать лес.

И мы пошли «сквозь облаву».

Внизу в распадке послышался шум воды.

Базальтовое ложе реки Аузунь-Узень было высохшим, по центру струился тонкий ручей. Мы напились ледяной воды, умылись и наполнили фляги. Некоторое время шли вдоль русла, по скользким уступам. Тут сам черт ногу сломит, поэтому пришлось подняться выше и пойти по лесной тропе. В какой-то момент показалось, что облаву удалось пройти. Рано радовались.

– Стоять! – раздался сбоку грубый бас. – Руки вверх! Оружие на землю!

Из кустов торчали три дула.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА ГИТЛЕРА И ШТАУФЕНБЕРГА

Госпиталь в Вевельсберге. 13 марта 1942 г. (продолжение)

Фюрер склонился над кроватью графа фон Штауфенберга.

Нервные губы под черным квадратом усов прошептали.

Я обратился к Духу Копья, спрашивая, почему именно мне была доверена миссия Судии Страшного суда? Ответ его поверг меня в еще больший трепет и недоумение.

«Ты есть Иисус Христос, возлюбленный Сын Божий! Вторая мировая война есть твое Второе пришествие, как и было предсказано Писаниями и пророками. Но никто не узнает в величайшем из преступников величайшего из Сынов Человеческих. Ибо не такого ждут Христа, а Того, доброго и милосердного, пожертвовавшего Собою ради людей. Но Тот больше не придет, потому что достаточно. Он уже приходил добрым пастырем, а теперь пристало Ему явиться Страшным Судией. И каков же должен быть Страшный Судия по делам своим? Кроткому ли Агнцу пристало судить грешников? Нет, все осуществится по законам земной реальности. И не будет духовных мук и мытарств, а будет сожигание в печах из чугуна и бетона. И возжигать в них огни будут не черти с хвостами и вилами, а солдаты в мундирах, И в атаку будут ходить люди с автоматами и гранатами, а не дьяволы с серным огнем в руках. Не щади никого, ибо миссия твоя – отворять духовные очи страждущим и продвигать их по духовному пути. Пощадив здесь, ты погубишь их души там, и они вновь вынуждены будут пройти через муки земных воплощений. Итак, суди честно и беспощадно!»

Гитлер вскричал страдальчески, сжимая кулаки у горла.

– Штауфенберг! Я взял на себя грехи человечества и вверг себя в вечное проклятие. Я емь Судия, Жертва и Палач! И потому Великий Искупитель! В этом высшая истина, недосягаемая филистерам, святошам и тупоголовым ученым мужам! – Преодолев момент слабости, Гитлер зашептал, глядя перед собой расширенным трансовым взглядом, будто воочию видел то, о чем говорил. – Миллионы людей принимают сейчас страдания. Никакой ад не сравнится с нынешним положением вещей в концентрационных лагерях и блокадных городах. Я знаю, выжившие и их потомки возложат вину на меня. Во всем виноват Адольф Гитлер, скажут они и успокоятся. Они будут принимать почести, как ветераны героического сопротивления, они будут гордиться своими подвигами. И никто, никто из них не допустит даже мысли, что они сами, своими умами создали пылающий ад мировой бойни. Народы Советского Союза мечтали о мировом господстве, о том, чтобы железной рукой привести человечество к счастью. Они получили войну, о которой мечтали. Я знаю истинную причину их жажды страданий. Они стремились очиститься от грехов Гражданской войны. Ведь эти русские совсем недавно убивали своих братьев и сестер, отцов и матерей! Очнувшись на небе от морока земной жизни, они ужаснулись и запросились назад, чтобы претерпеть те же муки, те же страдания, что причинили сами. В мире горнем души все ясно понимают и видят, но в плену плоти он теряют память и видение истинных причин происходящих с ними событий. Сколько еще мук предстоит перенести человечеству, прежде чем люди прозреют и увидят Истину! Мировая война прорвалась огромным гнойником, созревшим на теле человечества. Скальпелем истории в моих руках явилось Копье Судьбы. Я вскрыл и выпустил гной. Скоро Европа, и весь остальной мир очнутя от жара и бреда. Земля выздоровеет и расцвете. Жаль только, что слепые люди будут проклинать Хирурга, вылечившего их. Но такова наша судьба, друг мой, и мы, в своем вечном служении человечеству, не станем на это роптать.

Гипнотизирующая сила речи, магнетические глаза, весь потрясающе странный, некрасиво-прекрасный облик фюрера, придвинутый так близко, на расстояние вытянутой руки, – все это повергало графа в трепет. Он верил каждому услышанному слову, но не мог охватить

их мыслью. Он просто понимал, что иначе быть не может, что дело обстоит именно так. Только ЭТОТ ЧЕЛОВЕК в мировой истории мог сказать подобные слова.

Гитлер устало опустился на стул рядом с кроватью. Резкий, гортанный, переходящий в пронзительный фальцет голос, бешеное вращение глаз, карикатурно театральные жесты, помпезные позы – все это осталось за дверьми палаты. Возле больничной кровати сидел раздавленный непосильной ношей человек.

«Есть ли у вас вопросы, друг мой? – тихо спросил фюрер».

«Я хочу знать, почему судьба так наказала меня, отняв глаз и руку».

– По той же причине, по которой Лонгин прозрел...

Граф был не в силах проследить логику Сверхчеловека.

– Помогите мне, мой фюрер... – прошептал он. – Я не способен сейчас делать умозаключения.

– Судьба отняла у вас глаз, показав, что вы видели мир однобоко. Вы видели вокруг себя врагов, вы приносили их в жертву по имя рейха, вы считали правым себя и арийскую расу, а остальных презирали как недочеловеков. Примерно так же мыслил и Лонгин. Долгие годы он страдал от катаракты на глазу. Катаракта возникла потому, что ум его был однобок. Но когда кровь Спасителя брызнула на катаракту, он обрел целостное видение, ибо через Копье в него вошла наивысшая из душ, когда-либо посещавших землю. Как только он прозрел духовно, тут же излечилась и его физическая болезнь, ибо физическая плоть есть огрубелый остов души. Как только духовная кровь поступает к изъязвленным членам, они начинают исцеляться.

– Но руку? Почему я должен был потерять руку?

Штауфенбергу показалось, что фюрер смутился.

– Друг мой, простите меня, это я подверг вас опасности. Копье слушается только своего Владыку, и наказывает самозванцев. Святотатственная рука, посмевавшая потрясать Копьем, была отрублена. Выкалывание правого глаза и отсечение правой руки есть древнейший ритуал умерщвления правителей. Так был убит фараон Сети 1, ибо главным атрибутом власти царя всегда был скипетр, который вручался в момент передачи власти. У Христа тоже был выколот правый глаз и отрублена кисть правой руки, что ясно видно на Туринской Плащанице. Вы претерпели муки вместо меня.

Осторожно, как младенца, фюрер взял забинтованную руку копыеносца.

– Что вы сейчас видите? – спросил он.

– Повязку... – ответил граф.

– Кранце, свет!

В палату ступил адъютант, выключил свет и скрылся.

В полумраке палаты горным снегом забелели бинты.

Единственным своим глазом граф фон Штауфенберг разглядел голубоватое свечение вокруг своей обезглавленной руки и принял это сияние за преломление света в набежавшей слезе.

Гитлер привлек его внимание к лазоревому ореолу, и Штауфенберг... увидел! Над забинтованной культей сияло бледно-голубое пламя аристократической, с длинными музыкальными пальцами кисти, принадлежащей вечному, неуничтожимому телу графа Клауса Шенка Мария Филиппа фон Штауфенберга.

Мягко и невесомо тронули прозрачные пальцы живую, из плоти и крови, кисть фюрера. Две руки – призрачная и телесная – слились. Рука Гитлера пылала, словно облитая спиртом и подожженная.

Силы вливались в раненого с каждой секундой длящегося рукопожатия простого смертного и Демиурга Метаистории. Уцелевший глаз раненого залился слезами возвышенной скорби и всечеловеческого сострадания. Обретя ту же «медузную» консистенцию, что и горящая вечным огнем кисть правой руки, фантомный глаз графа обрел способность видеть истинную

реальность. Сквозь заскорузлые от крови бинты, закрывающие простреленную глазницу, Штауфенберг пронзительно ясно увидел то, что повергло его в мистический экстаз.

Вскрылись облачные поля над ночным глобусом, далеко внизу показались океаны и континенты. Ужас и мрак распростерли крыла над землей. Рвались снаряды, стонали на полях сражений миллионы раненых, выли по мертвым собаки на пепелищах городов и сел, душераздирающе визжали пикирующие бомбардировщики, ревели стада эвакуированного скота, артиллерийская канонада прокатывалась по горизонтам. Над миром гремела Великая симфония Страшного суда.

Маршевые роты, батальоны, полки, дивизии, армии и фронты пешком, на автомобилях, мотоциклах, танках, самолетах и поездах с ожесточенными боями продвигались в одном направлении. Штауфенберг глянул туда и похолодел.

Облитый фиолетовой мантией, с Копьем в руке гигантский Судия возвышался на черном престоле, утвержденном на ледниках высочайших горных вершин. Копье Судьбы в его руке было увеличено до планетарных масштабов. Колоссальные, ветвящиеся разряды молний с грохотом били с наконечника и освещали сполохами серебряное лицо под черной косой челкой. Штауфенбергу показалось, что на лице фюрера нет глаз и усов, а есть черные дыры, сквозь которые сквозит космос.

Над престолом с гулом вращалось дымно-косматое торнадо вовлеченного в страшный судебный процесс человечества. Осью его вращения было Копье Судьбы. Бьющие с наконечника молнии являлись мерцающими «спицами» Колеса Сансары.

– Друг мой, – циклопический Фюрер постарался смягчить громоподобие голоса, – вы тоже подсудимый, раз родились в эпоху Страшного суда. Вы готовы принять свой приговор?

– Да! – прокричал отважный копыеносец.

В ту же секунду граф Штауфенберг увидел с высоты летящего «Физелер-Шторха» белые горы зимнего Крыма.

Огнемётные струи бьют по партизанскому лагерю.

Бежит по снегу горящий человек.

В каменном гробу под скалой молодой партизан душил свою невесту.

Этот же партизан поедает обугленный труп товарища.

Его напарник отрезает голову комиссару партизанского отряда, сдаётся немцам и взрывается на заминированной гондоле.

Ситуации прегрешений и наказаний создавались молниями, бьющими из раскаленного наконечника, воздетого над Землей исполинским Судией. Приговоры представляли собой мириады искрящихся молний, источаемых Копьем. Каждая молния достигала именно «своего» приговоренного и осуществляла его судьбу.

Одна из молний ударила в застывшего от ужаса немецкого полковника.

Взрыв личной судьбы графа фон Штауфенберга произошел по земному времени 3 марта 1942 г. в 13 часов 04 минуты в районе Голого шпиля.

Он увидел себя в заснеженном лесу.

Его, немецкого аристократа, одетого в шинель с меховым воротником, тащили вглубь чащобы заросшие бородами люди в драных одеждах, страшные и вонючие, как бесы преисподней.

ПРОРЫВ ОБЛАВЫ

Крым. Наши дни (продолжение)

Сергей спустил с плеча двустволку, поднял руки. Даша последовала его примеру.

Из зарослей с ружьями наизготовку вышли трое: фурункулезный амбал с переразвитой нижней челюстью Вакула, двухметровый верзила «Сергач», работающий вышибалой в баре «Спорт» на стадионе «Авангард», и Леонид Каретников, морпех и ветеран горячих точек.

– Мордой в землю, – скомандовал Сергач.

Черный копатель и девушка легли на траву.

Сергея прощупали по карманам, сняли рюкзак, сорвали с пояса охотничий нож.

Главарь накинул на плечо ремень винчестера, по рации доложил о поимке беглецов, вышел на поляну, чтобы просигнализировать вертолету дымовой пашкой. За ним увязался Каретников, выспрашивая, сколько им отвалят за «этих хорьков».

Сергей сказал углом рта.

– Слышь, Вакула, мы в раскопе нашли золото. Я его спрятал в дупле. Тут недалеко. Если отпустишь, золото твое.

– Че-че? – поморщился фурункулезный увалень.

– Соображай быстрее. Сможешь купить себе квартиру, завести ребенка, вы же с Галкой об этом мечтаете.

Было слышно, как Вакула сглотнул.

– Золото откуда?

– Немецкое, времен войны.

– Врешь...

– Правду говорю.

– Ладно, пошли, покажешь свое дупло.

Сергей встал.

– Какие мои гарантии?

Вместо ответа амбал ударил его прикладом в пах.

Скворцов скрючился, пошел гусиным шагом.

– Идем, – сказал Вакула, беря его за плечо, – покажешь, какое вы там золотишко надывали.

– Не покажу, – проскрипел Скворцов.

– Че так?

– Смысл? – выдохнул Сергей, потихоньку распрямляясь. – Все равно убьете.

– Убьем, а как же, только быстро и не больно. Ты нам золото, а мы тебя братве не сдадим. Они тебя до-о-олго мучить будут, а мы быстро кончим, обещаю. При попытке к бегству. Устраивает тебя такая пропозиция?

– Не-а, – сказал Скворцов, – не устраивает.

Приступ ярости после удара в самое болезненное для мужчины место изменил «кислотно-щелочной баланс» в организме – черный копатель распрямился уже другим человеком. В мышцы хлынул адреналин, тело налилось силой и обрело горделивую осанку, глаза, сплюснутые гематомами, сузились в корейские шелки.

– Лады, братан, – прогнусавил он, – потопали к братве, посмотрим, кого они дольше мучить будет, тебя или меня. Я все им расскажу! И как вы крысятничали на белогорских заправках, и про торговые точки в Малореченске.

Интонации погибшего на Голом шпиле Андрюхи Чана послышались Вакуле в голосе черного археолога. Бандит даже огляделся по сторонам, будто Чан мог незаметно подкрасться и заговорить из кустов. А копатель продолжал все тем же до странности знакомым голосом.

– Я вижу, ты обрадовался, брателла, что «Чайника» завалили. Думаешь, в одиночку «белогорских» доить? Чан перед смертью велел тебе передать, «ты – шкуроход, сдернул с махалова, бросил дружбана умирать...» – и тут тертый жизнью Рома Вакуленко в натуре покрылся мурашками, ибо мертвый друг – прищуром и оскалом – проступил сквозь побитый облик лесного бродяги и в ощеренные зубы прошипел: «Долю мою засылай маме моей, Элеоноре Леонидовне, до скончания ее дней, понял меня? Если нет, я с того свету приду, за зябок тебе кадык вырву и схавать заставлю!»

Фурункулезное лицо вытянулось. Знать о левых точках и крысятничестве мог только Чан, но Чана увезла труповозка, Чандохлый, нет больше Чана!

– Ты че несешь, психарь обдолбанный? – Вакула сделал шаг назад и передернул затвор карабина. – Беги, сука, Чану привет на тот свет передашь.

– Э, нет, стой! За меня награда объявлена, пять косарей...

– Насрать мне на косари!

– А на золото тебе тоже насрать? Посмотреть не хочешь?

Черный археолог присел возле рюкзака, расшнуровал горловину, запустил руку, укололся о шипы строгого ошейника, вдел кисть в кожаную петлю на конце цепи.

– Отойди, – мотнул Вакула карабином.

Это был бросок ниндзя – резкий, кистевой, – цепь выскользнула из рюкзака и шипастой булавой ударила бандита в глаз. Отшатнувшись, Вакула инстинктивно нажал на курок, грохнул выстрел, но черного копателя на месте уже не было, в кувырке он сократил дистанцию, подхватил снизу ствол винтовки, локтем врезался в пах Вакулы.

В тело Сергея Скворцова впрягся Андрей Пакович Чан, 31 год, «черный пояс» карате.

Сергач с Каретниковым оглянулись на выстрел.

Черный археолог добивал Вакулу ударами колена в голову.

Сергач начал снимать с плеча винчестер.

Черный археолог в два прыжка сократил расстояние, взмахнул цепью, как хлыстом, – стальная «змея» блеснула на солнце и со свистом рубанула Сергача гроздью железных шипов по обритой башке, – кожа на темени лопнула, ноги подкосились, – оглушенный здоровяк пошел боком, но все же смог вскинуть винчестер и нажать на курок. Сила отдачи свалила его с ног.

Леня Каретников успел снять с плеча карабин «Сайга 12С», успел выстрелить.

Скворцова поразила странная тишина замершего пейзажа. Деревья не качались, облака застыли, голоса замерли. Стрелок стал плоской размытой фотографией – встречный залп повис в воздухе размазанным пучком картечин, Сергей же легко уклонился с траектории выстрела, прыгнул ногами вперед в длинном подкате.

И вдруг статичность обстановки оборвалась, обрушилась шумом листвы и ветра, запахами пороха и пота. Сергей подхватил и вскинул кверху дуло карабина, ударом уракан (кулак-молот) через камуфлированные штаны расплющил пещеристое тело вражеского члена (при этом сотня-другая «пещер» были потеряны безвозвратно) и в прыжке коленом в челюсть завершил бой нокаутом.

Наступила звенящая тишина.

«Локаторы» улавливали лишь шелест листьев, да далекий стрекот вертолета.

Трое боевиков камуфлированными холмиками лежали на поляне.

В небе кучились облака – сверху белые, в подбрюшьи свинцовые, в лицо дышал холодный ветер...

Мелко дрожали ноги, ныли растянутые связки в паху, горела ладонь, обожженная о горячее дуло карабина...

Скворцов приходил в себя после острейшего стресса огнестрельной схватки.

Кто-то тренированный и сильный вделся в его тело, провел стремительный бой, и отхлынул, вернув Сергея самому себе.

Схватка произошла так быстро, что Даша не успела поднять головы – слышала только выстрелы и глухие удары.

ДАША ЖУКОВА

Прямая речь

Облаву мы прорвали, самое время было поджигать лес. И тут выяснилось, что у нас нет спичек. Мы вывернули рюкзаки. Ни спичек, ни зажигалок.

– Давай деда спросим, – предложил Скворцов, – как они без спичек обходились?

Я вытащила мобильный, позвонила в Москву.

– Дед, у нас нет спичек!

– Ищи кресало. У меня напильник был и кремень.

– У нас нет напильника...

– Любую железяку! Альпеншток, молоток, что есть. И кремень нужен...

– Тут гранита навалом...

– Пойдет и гранит. Бей железом по граниту, подложи мох сухой, траву, веточки. Сначала маленькие, чтоб занялись, помнишь, как я тебя в парке учил?

Мы нашли несколько подходящих камней, но сколько Скворцов ни чиркал, мох не загорался, хотя паленым и пахивало. Его вдруг осенило, он достал из рюкзака копьё, шваркнул по камню, брызнули искры. Мы обрадовались, да только рано. Искры не хотели заниматься на мху.

Я снова набрала деда. Старик рассердился.

– Руки у вас из жопы растут! Ладно, есть старый партизанский способ. Кому-то из вас перднуть надо.

Мне показалось, что я ослышалась.

– Чего надо?

– Перднуть кто-то должен на мох, а другой пусть искру высекает. Наш способ, партизанский. Газ воспламенится, вот вам и огонь.

– Чего он говорит? – спросил Скворцов, зализывая содранную на пальце кожу.

– Говорит, надо пукнуть на искру, газ вспыхнет и трава загорится. Сереж, ты чего так смотришь? Нет! Я сказала нет, даже не думай!

ПАРТИЗАНСКИЙ СПОСОБ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ

Мы нашли затишек в расселине между каменными валунами, я легла, стянула джинсы. Сергей подгрел мне под зад колючий ворох сухой травы и мха. Я стащила на щиколотки джинсы с трусиками, подтянула колени к груди и принялась тужиться. Скворцов с невменяемым лицом водил глазами по сторонам.

– Не смотри, – гыркнула я.

– А как я пойму, что пора?

– Я скажу, когда подкатит...

Он ждал, занеся над куском гранита древнее копьё.

– А я не обожгу себе? – спросила я.

– Чего?

– Попу – чего.

– Я затушу, если ты займешься...

Меня начал трясти нервический смех. Я была вся красная от стыда, натуги и смеха.

– Пожалуйста, Даша, – взмолился он, – мы не в Камеди-клубе. Все серьезно.

– Не могу поверить, – стонала я, едва удерживая сцепленными руками колени.

– Во что ты не можешь поверить?

– ... что это происходит со мной, ой, не могу... сними меня на мобильный, я размещу на ютубе... ой, ха-ха...

Донесся лай собак.

– На нас облава повернула, – рассердился Скворцов. – Тужься, ну!

– Да тужусь я. Так еще и рожать научусь. Не смотри!

– Я не смотрю.

– Смотришь!

– Не смотрю, говорю...

– Я же вижу, что смотришь...

– Быстрее!

– Я тебе не дымомашина с дискотеки... Мне надо сосредоточиться. Не смотри!

Сергей честно старался не смотреть, но...

Округло белел девичий зад, темнел волосами в промежности выпуклый «пирожок» больших половых губ. Это было так трогательно, так потрясающе женственно!

Ты сорвался и летишь вверх тормашками в Большой каньон воздетых к небу девичьих ног, и нет на пути твоём сосны, чтобы зацепиться и повиснуть, ты летишь в погибельную пропасть, чтобы насмерть разбиться о заволосатевшее русло горной реки Аузунь-Узень...

– Давай, – кричит Даша, испуская газы.

Старинный наконечник ударил по граниту – сверкнула искра, пыхнул кишечный газ...

Белый дымок изошел из пучка мха. Сергей подул, красный жар поплыл по сохлым ворсинкам и схватился язычком живого пламени.

* * *

Известный экстрасенс Глеб Ямпольский во время массового сеанса внезапно впал в глубокий транс. Пораженные зрители слышали странные слова.

«Великая Матерь Мира в гневе сошла на землю. Дыхание ее испепеляет.

От дуновения ее горят леса и гибнут нечестивцы».

ДОБЫВАНИЕ ОГНЯ. ДАША ЖУКОВА

Прямая речь

– Получилось? – спросила я, натягивая джинсы.

Скворцов, стоя на коленях, раздувал дымок и стонал.

– Ты чего? – испугалась я. – Обжегся?

– Внуча, а ты... во-ню-ю-ю-ча...

Его узенькие кровожадные щелочки дьявольски сверкали. Он ржал!

– Вот ты гад, Скворцов! Ты же обещал!

– Шучу... Ты пахнешь розами...

– Не нюхай, если не нравится. И прекрати ржать!

Тут я сама не выдержала и затряслась в приступе нервического смеха. Вот мы дурачки, нашли, когда смеяться, за нами идет погоня, а мы ржем, как подорванные, и между нами разгорается костерок, в который Сергей не забывает подкладывать сухие веточки. Глаза его слезятся от смеха и дыма.

– Можно, я буду теперь от тебя прикуривать? Будем экономить на спичках.

Я поднесла ему под нос кулак.

– Скворцов, убью.

– Не смейся, мне больно, – он пальцами прижал свои разбитые губы, и вдруг обнял меня, как сестру. Мы постояли так, затихая, возвращаясь в суровую реальность. Он сжал меня крепче, и сказал как-то очень тяжело и спокойно.

– Больше ничего не бойся, слышишь. Я за тебя всех урою. Весь мир! Теперь я смогу.

Что-то в эту минуту случилось между нами, словами не описать, будто молния пробила, будто соединило нас каким-то разрядом, и мы стали одним целым...

«Ну, с богом, – сказал он».

Мы разожгли охапку сосновых веток и побежали – он направо, я налево, – припаливая пожелтевшую траву и кусты.

Вернулась я уже в густом дыму, ориентируясь на кашель Сергея. Он рубанул ладонью в направлении движения, и мы побежали лицом на ветер.

НАВСТРЕЧУ ВЕТРУ

Сосновый, смолистый, иссохший за месяцы летней жары лес запылал. Объятые косматым пламенем сосны одна за другой взмывали факелами в небо, стреляя в соседние кроны огненными искрами. Чащоба заполнялась едким маревом, превращаясь для преследователей сначала в газовую камеру, а затем – в крематорий.

Как мы ни убегали от пожара, но ветер все равно нагонял в нашу сторону дым, мы надышались угарным газом, головы разболелись, перед глазами поплыли круги, мы кашляли, как туберкулезный диспансер. Я вспомнила, дедовы рассказы, что немцы тоже травили их дымом, и вновь ужаснулась тем испытаниям, через которые он прошел.

Уже стемнело, когда мы вышли на край яйлы.

Отсюда открылся вид на густейший дымовал, размазанный по небу и сливающийся с громоздящимися кучевыми облаками. Доносился вертолетный стрекот, но самих вертолетов в дыму видно не было.

Я набрала деда. Он сразу снял трубку.

– Чего не звонишь? – спросила я.

– Я откуда знаю, может, вы прячетесь, чего вас демаскировать. Докладывай!

Я набрала дымного воздуха в легкие.

– Лес подожгли. Пошли, как ты и сказал, на ветер. От погони оторвались. Пока все...

– Это вы молодцы, – в трубке послышалось поскуливание.

– Ты чего, дед?

– Плачу! – закричал он тоненьким голоском. – Я ж тут переволновался. Послал внученьку любимую в пекло, вот я старый дуралей!

Горло мое сжалось, в носу защипало.

– Да все нормально, дед. Спасибо тебе. Мы спаслись...

– За геройские подвиги объявляю вам благодарность!

Он сказал это вроде бы в шутку, а я ответила непонятной мне присказкой, какую часто слышала от него в детстве.

– Служу Советскому Союзу! – и разревелась.

Мы ревели за тысячи километров друг от друга, он – в Москве, я – на безымянной вершине затянутых дымом гор, на которые опускалась ночь.

ФЕСТИВАЛЬ МОЛНИЙ

На черной шкуре гор багровело лишайное пятно пожара. Слышалось рокотание вертолетов. Ночлег устроили на куче листьев. В сон провалились как убитые, и проспали до утра, несмотря на холод.

Встали окоченевшие. За ночь погода поменялась, неба не было видно из-за огромной белой тучи, висящей над пожарищем, но в девятом часу первые капли застучали по листьям, а затем широко и привольно зашумели по кронам. Сделалось темно, как ночью. Молнии не могли пробить дымный мрак, слышался оглушительный треск разрядов и долгий грохот катящихся по отрогам раскатов.

– Телефон зальет! – спохватилась Даша. Они сидели под «шалашом» густого кедра, дававшего хоть какое-то укрытие. Айфон она упаковала в пакет из-под бутербродов, вывернув жирной стороной наружу.

– Я совсем окоченела.

– Иди сюда, – Сергей поднял руку, открывая бок.

Она прижалась, обняла и сцепила руки за его спиной. В объятии мокрым спином было холодно, а груди и животам тепло. Бурлящие ручьи сдвигали со склонов пласты соснового дерна.

– Представляешь, каково было партизанам в лесу? – сказал Сергей.

Даша разгребла налипшие на глаза волосы.

– Приеду домой, возложу к дедовой кровати цветы.

Во тьме проступил зигзаг молний, высветил летящую массу ливня, и через томительно долгий промежуток времени оглушительно – прямо над ухом – чудовищной пушкой – ударил гром!

– Зачет! – прокричала Даша. – У природы тоже приступ паранойи!

– А у кого еще паранойя? – спросил Сергей.

– Да разве это не паранойя, то, что с нами происходит?

Сергея, видимо, принял ее слова на свой счет.

– Послушай, – заговорил он, перекрикивая шум ливня, – я понимаю, тебе странно и страшно то, что со мной происходит. Но это не паранойя. Это вселение демонов. Они вселяются в меня через копьё. Помнишь, ты подала мне древко, я надел на него наконечник, и Чан со всего размаху на него напоролся?

– Да, – кивнула Даша, глядя на освещаемого молниями бледного парня. Лицо его, испянанное синяками, выглядело потусторонним.

– Так вот, – продолжал он. – В момент пронзания мне вдруг открылась картина. Я увидел себя в этих местах, зимой. Мы, раненые партизаны, лежим в лазарете. Нас окружили немецкие каратели. В руках у одного огнемет с горящим запальником, за спиной ранец с горючей смесью. Я вышел им навстречу, крикнул: «Не стреляйте, здесь раненые!» Но он все равно нажал на курок. В лицо мне понеслась волна пламени. Я сгорел, Даша. Было больно. Горела кожа, волосы, даже глаза. Но я все равно успел разглядеть лицо огнеметчика. Знаешь, кто это был?

– Кто? – прошептала Даша, подвергаемая приступам нервной дрожи.

– Дима Капранов. В прошлой жизни он был немецким огнеметчиком. Вот почему он вернулся сюда, пошел и упал лицом в костер! Будучи немецким карателем он помочился на голову сожженному партизану. Я тоже вылил ему на голову мочу, которую мы собирали, чтобы тушить костер. Наказание совершается в точности до деталей. Как ты убил, такой смертью сам помрешь. Кореец тоже был карателем, он добил меня штыком, поэтому и напоролся в этой жизни на копьё. Сам ведь прыгнул, я просто держал древко...

В широко распахнутых глазах Даши блеснуло отражение молнии.

– Я тебе не рассказывала, что случилось здесь, когда копьё захватил мой дед. Так вот послушай!

Она рассказала историю удушения партизанки Нины.

– Это какое-то Копье Смерти, – закончила она, еще крепче прижимаясь к Сергею. – Я его боюсь.

Ливень выдыхался, шум струй стихал, мгла рассеялась, в разрывах туч показались солнечные лучи.

– Какая ты стала чистая! – сказал Сергей просветлевшей Даше.

– Ты тоже, – сказала она. – Только синяки не смыло.

– Нужно срочно выжаться и просушить одежду, иначе задубеем.

– Я в кустиках...

– Я тебя всякую видал, – с напускной суровостью сказал Скворцов.

Даша покраснела и с неловкой грацией принялась раздеваться.

Выжали одежду спиной друг к другу, развесили волглое тряпье на ветках.

На две вещи можно смотреть бесконечно. Сергей и смотрел.

– Чего уставился, – Даша прикрыла груди ладонками. – Не смотри, я стесняюсь.

Он все-таки не мог удержаться, поглядывал искоса.

В Даше поражал контраст тонкой талии и полных грудей – ширины ее ладошек хватало чтобы прикрыть соски, с боков округло выпирало. От холода она тряслась, зубы стучали, губы посинели. Сергей сказал, что сейчас не до стеснений, можно и заболеть, сильно растер ее жесткими ладонями – сначала спину, лопатки, потом шершавый от мурашек зад, крепкие ноги с нежными подколенными «горлышками».

Когда он перешел к растирке ее плеч и рук, пальцы его – кончиками – задевали боковины тугих грудей. Эй! – предупреждающе вскрикнула Даша, почувствовав его руки у себя на животе, но он не слушал, круговыми движениям размассировал ей пресс с нежной прослоечкой жира, внутренние стороны бедер и твердые ляжки, задев пару раз волосистость паха.

– Грудь сама разотри, – сказал Сергей. – Я тебя стесняюсь...

– Ой, можно подумать... – томительно усмехнулась раскрасневшаяся Даша. – Кожу мне содрал, медведь. Горит все...

Ей припомнился, каким был ее девичий идеал – мускулистый мачо с голубыми, как лед, глазами. Смешно. Мачо при боестолкновении в лесу тут же бы обосрался. Чтобы выживать в горах, требовалось стать Гуськовым с его звериным норовом. «Вот я была дурой, весело подумала Даша, вот же он, мой реальный мужчина!»

У Сергея зуб на зуб не попадал от холода, он стал к Даше спиной, стянул с себя и выкрутил трусы. Замер от прикосновения к спине ее холодных ладошек.

– Не оборачивайся, стой так, – сказала Даша, растирая его – неумело, но заботливо. На правой его ягодице лиловело родимое пятно. На локтях, бедрах и сзади на шее шелушились папулы серебристого цвета.

– Сереж, что это у тебя?

– Где? – оглянулся он. – А, это... бляшки псориазные, не бойся, они не заразные... Они у меня с детства... я читал, что псориаз – кармическое заболевание, передающееся из прошлой жизни, если человек сгорел в пожаре. Пока все совпадает.

Даша прижалась к нему, расплющив упругость грудей о его лопатки. Всей спиной почувствовал он, как прильнула к нему горячая женщина, и стоял так, сконфуженный, умиленный... и... возбужденный... лучше бы она спереди его не видела!

И вдруг услышал всхлипы.

– Ты чего, Даш?

– У тебя родимое пятно оттого, что тебя здесь резали... – она плакала ему между лопаток. – Не поворачивайся, пожалуйста, иначе я не смогу рассказать. Это такой ужас! Короче, дед

рассказывал, что они с одним товарищем во время войны... съели сожженного немцами партизана. Вырезали мясо у него с... ну, вот отсюда, – Даша провела пальцем по контуру родимого пятна на ягодице. – Вот, значит, почему мы встретились! Вот зачем поехали на этот проклятый Голый шпиль. Вот почему он Голый. Все мы тут голые перед Богом!

Он обернулся. Мужские и женские глаза – болотно-карие и сердоликовые – смотрели друг в друга, наливаясь соленой резью. Веяние иных миров слилось с чувством, которому нет названия, которое влечет и кидает в объятия, заставляет обнимать, согревать, растирать, выносить из пожара, вытягивать из пропастей.

Трясущиеся губы вылепили вибро-поцелуй.

– Мой дед тебя съел, – шепнула Даша, – теперь ты дд-до-должен съесть его, да? Чтобы-бы-было поровну?

– Он очень старый?

– Кто?

– Твой дед.

– Дед? Да, он сильно просроченный, ха-ха...

Третий поцелуй вызвал горный обвал! Над головами чудовищно затрещало – нависшие корни в черных комлях грязи зашевелились и поползли живыми щупальцами.

Даша пронзительно завизжала. Сергей выпихнул ее наружу и вовремя: кедр с треском накренился и рухнул.

Скворцов сграбастал одежду, засунул в рюкзак, вынул цепь, надел Даше на талию, соединяясь, чтобы потоп не разлучил их.

Потоки с гор нарастали скачкообразно, приливами превращаясь в водопады. Дашу понесло. Сергей бросился вплавь по грязевой реке, догнал ее, схватил за скользкие руки, цепью втащил на каменный дуб. Их омывало, срывало, норовило поволочь. Он взобрался повыше в развилку, подтянул Дашу на скользкий «насед».

Под ногами бурлило горное наводнение. Изломанной аркой промелькнула молния, за ней наискосок еще одна, потом кустом ударило, фонтаном, фейерверком... спустя долгие секунды над горами сотрясся удар грома и покотился по небу, тяжелый и гулкий, как гантеля по потолку у соседей сверху.

Во время небывалой грозы в Крыму молнией были убиты три человека на автобусной остановке в селе Красногвардейское. В Евпатории ночная гроза над морем устроила двухчасовую феерию, которую горожане назвали потом «Фестивалем молний». Но застигнутым бурей в горах путникам было не до любования красотами бушующей стихии, они боролись за выживание.

«НЕ ПОЛОЖЕННОГО ТЕБЕ НЕ НОСИ И НЕ ПРИМЕРЯЙ ДАЖЕ!»

Крым, Симферополь

Владелец антикварного магазина «Раритет» Константин Иванович Лопушанский, высокий, костлявый мужчина, на вытянутой руке рассматривал серебряный перстень «Мертвая голова». Такие перстни носили офицеры элитных частей СС, но этот был украшен черепом, в глазницах которого поблескивали бриллианты!

На вопрос, «откуда оно у вас», «красна девица» с кислотно алыми волосами, одетая в изорванную одежду и заметно обгоревшая на солнце, пробормотала что-то про дедушкино наследство.

– Угу... – сказал Лопушанский, – дедушка у вас был генералом СС...

– Что?

– Ничего, это я так. Подождите минуту, – Константин Иванович направился в подсобное помещение.

– Куда вы? – девушка кинулась следом.

– Да что вы так испугались? Отмою я ваше колечко, и оценим.

– Я должна присутствовать.

– Ради бога. Проходите, вот сюда...

Узкий коридорчик вел в маленький кабинет. Антиквар опустил перстень в стакан со спиртом, взболтал, затем вынул кольцо пинцетом, выложил на салфетку, надвинул лупу на штативе и включил настольную лампу.

Через увеличительное стекло оскалился серебряный череп. В глазницах блестели бриллианты чистой воды, по ободу изгибалась руна HAGAL, символизирующая Рыбу и являющаяся греческой монограммой Христа – IESOUS XRISTOS. Рыба, по-гречески *ixtios*, «I» при пересечении с «X» образует священную руну, означающую соединенных мужчину и женщину, два первоначала Вселенной.

Клиентке не терпелось получить деньги и уйти.

– Сколько оно может стоить? – спросила она, ерзая в кресле.

Лопушанский оторвался от изучения раритета.

– Это от вас пахнет дымом? – спросил он, принюхиваясь.

– Была на шашлыках, и что?

– И там нашли эсэсовское кольцо?

– Вы покупаете его или нет?

– Скажите честно, вы занимаетесь черным копательством?

– Нет! – резко отозвалась девушка. – Я не копала!

– Откуда же у вас земля под ногтями? – нумизмат доверительно понизил голос. – Не надо меня бояться, я давно работаю с вашим братом-копателем. Если мы сойдемся в цене, обещаю никому не рассказывать о вашей незаконной деятельности. Я дам вам хорошую цену.

– Сколько?

– Сто долларов США.

Девушка неприятно удивилась.

– Кольцо должно стоить гораздо дороже. Разве это не бриллианты?

– Да, это бриллианты, но ограненные розой, а «розетки» нынче составляют всего 20 % от стоимости правильно обработанных камней. Ну, а про серебро я вообще молчу, куплю как лом.

– Нет, – сказала она, вставая. – Сто долларов нас не устраивают. Верните мне кольцо.

Лицо антиквара заостенело.

– Сейчас я позвоню кое-куда, – пообещал он многозначительно, – и за вами приедут мужчины в форменных фуражках. Выбирайте, сто долларов или уголовное дело?

Девушка попыталась выхватить у него кольцо, но Константин Иванович прихлопнул ее руку к столу и взял хрупкую кисть на изворот.

– Тих-тих-тихо...

Черная копательница шипела от боли.

– Вы что творите! Как вы смеете! Я гражданка России!

Затрещал скотч, обматывая сведенные за спиной руки по запястьям.

Связав пленницу, Константин Иванович заклеил ей скотчем рот, чтобы не выслушивать угроз и оскорблений.

Ну-с, и что с ней теперь делать? Сдать в милицию? Но тогда перстенок уплывет в руки государства. Кому бы предложить находку? Вывозом в Германию праха немецких солдат занимались на Украине несколько организаций – «Объединенные Саксонские мемориалы», «Служба розыска Генерального секретариата Немецкого Красного креста» и «Общество лютеран».

Лопушанский сфотографировал кольцо цифровым фотоаппаратом, подключенным к ноутбуку, и отправил снимки по электронной почте старинному приятелю Клаусу Куне в киевское «Общество Лютеран». Через пастора он обычно переправлял в Германию «гешефты» – найденные черными археологами медальоны и кости. В советское время стоимость «гешефта» колебалась от 2 до 3 тысяч дойчмарок, а сейчас сильно подорожала в связи с ужесточением таможенных правил и введением в Евросоюзе евро.

Закончив отправку документации, Константин Иванович решил примерить перстенок на себя. Но не успел он нанизать раритет на вторую фалангу безымянного пальца, как дверь в кабинет открылась, и в проеме показался «бомж» в красных очках на опухшей физиономии. При виде связанной девушки он снял очки и глянул на Лопушанского узкими щелками не глаз даже, а каких-то кровавых разрезов на изжелта-фиолетовых гематомах.

– Так и знал, что ты не удержишься, – до странности знакомым голос сказал он, пряча очки в нагрудный карман куртки. – Быстро, Лопух, развяжал девушку, отдал «гайку»!

Подобная манера разговаривать была типична для бандитов, но перед Лопушанским стоял не браток, а битый ханыга с мусорной свалки. Ба, да это же напарник девицы, они оба в розыске!

Несмотря на нумизматическую работу, Константин Иванович был не робкого десятка, в молодости играл за сборную Таврического университета по баскетболу и при внешней сухощавости отличался ловкостью и силой.

– Чем обязан? – спросил он, пряча перстень в ящик стола и выходя из-за стола. Не говоря более ни слова, он схватил бомжа за предплечье, попытался заломить ему руку и вдруг ощутил острый приступ желудочной колики, глянул вниз и обмер: в живот ему воткнулся потемневший от времени клинок, перехваченный по центру золотой заплатой.

Какой-то частью сознания Константин Иванович определил – по спекшимся виткам проволоки, обвивающей вмонтированный в кровосток кованый гвоздь, по золотому бинту, обжигающему клинок посередине, – что закололо его не что иное, как знаменитое копьё Лонгина, точнее, его качественная копия, потому что оригинал хранился в Хофбурге и не мог попасть в руки этого оборванца.

Но профессиональные мысли были сметены ураганом боли и утробного мычания. Из пронзенной печени, являющейся, по верованиям древних народов, обиталищем души, по копьё заструилась смутно видимая голубоватая субстанция и начала стремительно перетекать в тело убийцы.

Перед меркнувшими глазами вспыхнули слова готическим шрифтом:

«Абсолютно секретно. Чрезвычайно опасно. Запрещается нарушать целостность под страхом расстрела на месте. Запрещается нахождение посторонних, не имеющих допуска “А”, вблизи предмета».

Напрасно открыли вы чемоданчик, Константин Иванович, напрасно надели перстень СС! Не зря же говорится: «не положенного тебе не носи и не примеряй даже!»

Погибли все, кто охотился за копьем, даже всеильный депутат Капранов с двадцатью своими бандитами, сгоревшими в лесном пожаре, вызванном, смешно сказать, девичьим пукон вкуне с искрой от «кресала», которое сейчас выкачивало из умирающего Антиквара остатки его бессмертной души.

«КОПЬЕ – МОЕ!»

Поезд «Симферополь – Москва»

На границу с Россией поезд прибыл во втором часу ночи.

Сонные пассажиры заполняли декларации.

В купе постучали.

Вошел офицер с бейджиком на груди «Ст. лейтенант Довгий Олесь Витальевич».

– Доброго вечера. Документы, будь ласка.

Девушка и мужчина протянула паспорта. Рука девушки чуть заметно дрогнула.

– Цэ ваше мисто? – спросил ее таможенник.

– Мое.

– Пиднимыть.

Девушка подняла полку.

– Видкрывайте, – офицер указал на рюкзак в нише.

Пассажирка вынула рюкзак, расшнуровала горловину.

Офицер запустил руку внутрь, пошарил и вытащил массивный предмет, завернутый в свитер. В свете потолочной лампы заискрилась драгоценными камнями золотая шкатулка с торчащей из торца железной ручкой. Оцэ так контрабанда!

Таможенник вынул из ножен древний клинок.

– Чий цэ спыс? – спросил он, рассматривая находку.

– Я вас не понимаю, – сказала пассажирка. Она была испугана, глаза ее бегали.

Офицер вложил наконечник обратно в ножны и взвесил их в руках.

– Я вас запытую, чие... это... копьё? – перешел он на русский язык.

Повисла гнетущая пауза.

Скворцов почувствовал себя подвешенным на цепи над Большим каньоном.

Земля ушла из-под ног, голова закружилась.

– Копье – мое! – косноязычно из-за разбитых губ, но ужасно твердо сказал он.

И встал.

С грохотанием соударились буфера вагонов, состав дернуло и протянуло.

Окно осветилось смертельно бледным перронным лампионом.

Покачнувшись, Сергей схватился за ручку копьё. С лижущим лязгом оно вышло из ножен и осталось торчать в его кулаке.

В то же мгновение поезд с чудовищным грохотом дернулся в обратную сторону, да с такой силой, что свет погас, а с полок посыпались чемоданы.

Таможенника швырнуло на Скворцова, ножнами он ударил его в лоб и оглушил.

УБИЙСТВО В ШАТРЕ

Времена Исхода. Пустыня Синая

Древние маги заклинали мечи и ножи, амулеты и обереги, но никто еще не брал на себя смелость выковать Копье, на котором, как на мировой оси, вращался бы глобус земного шара. И только праведный Финеес, внук Аарона, сын Елеазара, мог решиться на такое. И причина тому была веская, ибо губили Израиль черные колдуны, строили козни по указанию Валаама и Валака, и самая опасная была среди них принцесса Хазва, дочь Цура, начальника племени Мадрианского, возглавлявшая блудниц Моавы, ходившая нагой по стану ради прельщения воинов Израильских. Соблазнила красавица Хазва Зимри, сына Салу, воина сильного, военачальника колена Симеонова, и упростила привести ее в стан, обещая, что излечит моровую язву, поражающую в ту пору сынов Израильских.

Ввел Зимри ее в свой шатер и возлег с нею.

Наутро, встав, Зимри собрал воинов и поставил перед ними женщину.

Она сказала: «Умираете вы тысячами от моровой язвы, ибо Бог ваш слабее наших богов. Разружьте жертвенники Бога вашего и постройте алтари Ваалу Фегоре, потому что он истинный Бог».

И разрушил Израиль жертвенники Бога своего и построил высоты Ваалу Фегоре. Поклонились воины новому богу и жрице его Хазве. И пошла она к Скинии Собрания, чтобы опрокинуть ковчег Завета, обиталище Иеговы. Израиль в страхе бежал следом и запекал губы о раскаленный песок, целуя следы от стоп ее. Никто не осмелился заступить дорогу жрице Ваала Фегоры, потому что сопровождали ее бесноватые воины Зимри, страшные в бою и ненавидевшие левитов, забравших себе лучшее от приношений.

Из среды народа восстал один Финеес. Он стал у входа в Скинию, чернобородый и черноликий, облаченный в белоснежный виссон, как ходили жрецы-аарониды. И настал момент в истории людства, когда один-единственный человек на всей земле стоял и защищал Бога, и за спиной его не было никого, кроме Бога. И в руке его было копьё с наконечником, на котором сияло солнце.

Хазва, увидев Финееса, засмеялась. Уйди с дороги, сказала она, либо убью тебя, как пса. Поклонись лучше истинному богу, которому мы воздвигли алтари сегодня по всему вашему стану.

Но Финеес поставил Копье поперек входа.

Трижды пыталась она войти, и трижды отбрасывало ее Копье.

Ударь его, сказала Хазва, и Зимри ударил Финееса, но не сдвинул с места, ибо Финеес не отступал. Так они боролись, держась за древко, и никто не мог победить. И воины стали роптать, говоря: негоже нам поклоняться чужим богам. Финеес не убоился, почему же мы трепещем чужеродной блудницы?

Видя, что воины колеблются, Хазва, смеясь, увлекла Зимри в шатер, чтобы предаться блудодействию и укрепить в нем новую веру.

И сотряс черноликий Финеес Копьем и издал вопль, и страх прошел по толпам, словно волны по водам. И снова сотряс Финеес Копьем, и полегли воины от крика его, как колосья под серпом жнеца. И в третий раз сотряс яростный в брани Финеес Копьем и побежали воины от лица его, как отара овец от волка рыщущего.

Пропустила стража черноликого между рядов своих до самого шатра начальника их.

Войдя, Финеес вонзил копьё в Зимри, нагим возлежащего на Хазве, покарвав отступника и дочь лжи, и убил их обоих в чрево, так что копьё вошло даже в ложе.

И опрокинул Финеес шатер, и увидел Израиль совокупившихся Хазву и Зимри и копьё, пригвоздившее их к ложу, и вид их так устрасил воинов, что бежали они в панике, плача

и стена, ибо это было дело неслыханное и небывалое, чтобы ааронид убил военачальника поколения.

Так впервые обагрилось человеческой кровью Копье и первой жертвой его стали совокупившиеся мужчина и женщина, дух и душа, слившиеся воедино

Стал с той поры Финеес прообразом Мессии как Первосвященника воинствующего, поражающего силы зла: облечен он в белую одежду, обагренную кровью. Имя ему: «Слово Божие». Из уст его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя. (Откр. 19, 13–15)

«Я – МЕССИЯ ВОИНСТВУЮЩИЙ...»

Поезд «Симферополь – Москва». Наше время

Замигали потолочные лампы, зароптали возмущенные пассажиры, заплакал ребенок.

Даша пришла в себя и поднялась, извиняясь.

Но офицер не собирался менять позу, лежал на Скворцове неподвижно.

Глаза Сергея были закрыты, на лбу кровило свежее рассечение.

Даша похлопала его по щекам. Он очнулся.

Голова нещадно трещала. Только что в облике Первосвященника он вонзил копьё в совокупившихся Зимри и Хазву, еще в ушах звенел неистовый вопль их боли, еще корчился и сучил четырьмя руками и ногами «наколотый на булавку» «паук», и вся эта сотканная из раскаленного воздуха пустыни фата-моргана казалась реальной и страшной.

И вот ее нет...

А что есть? Купе, Даша, навалившийся сверху офицер таможни. В сжатой своей руке Сергей ощутил рукоять, через которую из чужого тела в него всасывалась знобящая энергия истекающей с кровью души.

Сергей разжал онемевшие пальцы.

Таможенник сполз на пол, откинулся. Из живота его торчало копьё.

По коридору прошли люди. Даша захлопнула дверь.

– Я же просила! – шепотом закричала она. – По-нормальному же просила тебя! Ну, зачем, зачем ты оставил это проклятое копьё? Надо было его выкинуть!

Перебарывая тошноту (следствие сотрясения мозга), Сергей взял ее за плечи, хотел что-то сказать, но замер: из дверного зеркала лыбился... узкоглазый кореец Чан! Он тоже держал девушку за плечи, тоже ширил опухшие глазки «Я типа никого не мочил!», но на лице его было написано злорадное выражение.

– Ты же сама все видела! Поезд дернулся, он случайно упал на копьё!

– Ну да, как же, случайно! – расплылся в ухмылке кореец. – Поезд, да, дернулся случайно, но пику-то я подставил.

– Ты? – дернулся к зеркалу Сергей. – Зачем?!

– А ты че, хотел, чтоб он упек нас в зону? Не, братан, все вышло в елочку, мент и хохол в одном флаконе, ха-ха-ха...

Даша ладонями повернула к себе лунатическое лицо Сергея.

– С кем ты разговариваешь?

– С Чаном. Я его первым убил в лесу.

– Сережа, в зеркале – это ты! У тебя просто лицо распухло, и глаза стали щелочками.

– Это Чан, ты что, не видишь его корейскую рожу? – Скворцов ляпнул пятерней по стеклу, оставив кровавой отпечаток.

Чан потер щеку.

– Ты че, фуфел, у меня ж фейс болит...

Даша топнула ногой.

– Немедленно очнись, Скворцов! Никакого Чана там нет! В зеркале – ты, ты сам!

В дверь постучали. Мужской голос сказал: «Откройте!»

«Что делать? Что делать, господи...»

Даша заметалась по купе.

Настойчивый стук повторился.

«Откройте, таможенный досмотр».

Из «подземелий» подсознания, взламывая кору кармических запретов, наложенных на реликтовую память, вздымался в гневе и ярости первосвященник Финеес!

Скворцов поднял и переложил мертвого таможенника на полку. Недрогнувшей рукой выдернул из него Копье. Даша не узнала голоса, гортанно произнесшего: «Открой!»

В летней духоте у нее замерзло лицо. Не чуя рук, она повернула металлическую головку запора на замке.

Дверь откатилась вместе с зеркальным отражением внутреннего пространства.

В коридоре стоял напарник убитого – толстый парень в голубой форменке. Увидев лежащего на полке сослуживца, он сказал удивленно.

– Оцэ так дило! Олесь, ты шо, спышь?

– Как убитый, – сказал пассажир, держащий руку за спиной.

Таможенник шагнул в купе, чтобы потрясти друга за плечо.

Дверь закатилась.

Зажав ладонями рот, Даша забилась в угол, чтобы ее не коснулся корчащийся от боли таможенник, но он дотянулся, скребанул скрюченными пальцами по ее ногам.

«Помогите...»

– Что ты делаешь, Сережа, – простонала Даша, – это люди, им больно!

Медленно повернулись бездонные глаза глубокого транса. Гортанный голос проклекотал.

– Я не Сережа...

– А кто... ты... теперь?..

Ответ пришел с горловым рычанием, парализующим волю.

– Я – Мессия воинствующий, поражающий силы зла!

БОЙНЯ В ПОЕЗДЕ

Надев рюкзак на плечи безвольной Даши, Сергей вывел ее в коридор.

Один из пограничников окликнул их.

– Молодые люди, вы куда?

– Начальник, – ответил мужчина, не оглядываясь, – мы покурить выйдем...

– Здесь граница, выход на перрон запрещен. Молодые люди, вернитесь!

В тихом вагоне раздался женский крик. Визжала проводница, заглянувшее в восьмое купе.

– Вбылы! Мытныкив вбылы! Трымайте их! Воны вбылы мытныкив! (Держите их! Они убили таможенников!)

Молоденький пограничник пробежал по коридору и схватил Скворцова за плечо.

Из рукава куртки скользнуло в ладонь копьё.

«Имя мое – Слово Божие».

Из крайнего купе выглянул пузатенький лысый еврей с седой бородкой.

– Шо за геволт? – спросил он добродушно и вдруг побледнел и попятился: «турист» с рюкзаком за плечами выдернул окровавленный «кинжал» из оседающего по стенке пограничника и, походя, пырнул еврея в выпирающее под белой майкой пузо.

Грохнула дверь в тамбур, крики сзади отрезало.

«Ты что творишь? – выдохнула Даша. – Дай сюда копьё!»

Она сбросила рюкзак и растянула горловину.

Как-то автоматически Сергей спрятал копьё.

«Она права, подумал он, нельзя демаскироваться».

Они прошли в следующий вагон. Даша зашла в купе проводницы и закатила за собой дверь. Щелкнула дверная задвижка.

Сергей подождал немного. Постучал.

«Уходим, Даша!» – Подергал ручку. – «Открой!»

Прижался ухом к двери. Послышался Дашин голос. «Не открывайте, он нас убьет».

Сука! Бросила! Подставила!

Скворцов в ярости ударил ногой в филенку.

– Открой! Открой немедленно!

– Я не открою! – донеслось из купе. – Опомнись, Сережа, ты сошел с ума!

Сзади распахнулась тамбурная дверь, забурлила мундирами, на Скворцова набросились.

– Трымай його!

– Руку, руку йому!

– Вин наших вбыл...

Сергея скрутили.

В голове ударил молот, вспышка горна ослепила: Даша – это же Хазва!

Ее озлобленное лицо у Скинии Собраниа: «Уйди, или убью тебя, как пса!»

Оглушенный предательством, Сергей бессильно уронил плечи и отпустил бразды правления своим телом, передавая их Андрею Чану.

«Вау, классно-то как!» – вздохнул тот спертый воздух вагона. Сквозь узкие бойницы в мир глянули раскосые глаза.

Надпочечники впрыснули в мышцы адреналин, личность Сергея Скворцова съежилась и уместилась в височной доле.

Ударом каблуком по плюснам Чан ослабил хватку держащего его сзади представителя закона, а затем, оттолкнувшись ногами от двери купе, впечатал его позвоночником в металлический поручень, идущий вдоль вагона на уровне окон. Офицер вскрикнул и разжал руки.

Пограничник, спешивший ему на помощь, получил удар локтем в челюсть и серию ударов коленом в пах.

Миг – и «Чан» свободен. У ног его корчатся враги.

С двух сторон по узкому коридору пробираются крепкие парни в голубых форменках. Первого Чан тормознул ударом стопы в надкостницу и локтем в глазницу. Наступив на упавшего, он оттолкнулся от пружинящего тела и в прыжке тоже локтем врезался в грудь следующего офицера – мощного парня, явно качающего «железо». Удар вышиб из того дух. Чан добил его фронт-киком в живот. Офицер завалил на спину.

Из другого конца вагона тоже показались люди в мундирах.

Ладно, твари, хотите войны, будет вам война. Пусть нет Копья, но есть руки. И ноги. И локти. И лоб – с кровоточащей шишкой на месте удара в Аджна-чакру, чакру древних знаний. Сергей Скворцов вспомнил, кем он был на самом деле.

Кулаком – в печень!

Лбом – в подбородок!

Локтем – в висок!

Коленом в пах.

В солнечное сплетение!

Под сердце! В кадык! В ключицу!

Священное безумие Первосвященника, слившись с яростью людоеда Гуськова, придало каратисту Чану убийственную мощь. Рвала зубами врагов Шалава, Егерь впрыскивал анестезию в разможенные костяшки кулаков, в ушибленные локти и ступни, Сергей почти не чувствовал боли. Ярость, древняя библейская ярость обуяла его!

Я – Финеес, длань Господня!

Ки-и-и-йьяа-а-а!!!

Силы противников прибывали, но это только распаяло «божьего воителя». В него брызнули слезоточивым газом. Послышалась команда всем пассажирам закрыться в купе. Появились милиционеры с дубинками. Сергей-Чан-Финеес шагал по телам, ощущая под ногами их жалкие содрогания. Довольно! Хватит! Унижали, преследовали, оплевывали, избивали, делали несправедное! Пришла Судная Ночь! Каждый получит по делам своим.

Кья-а-а-а-а-а-а-а!!!

Перепуганные пассажиры, запершись в купе, слушали звериные вопли. В руках у «бесчинствующего молодчика» оказались милицейские дубинки. С их помощью он проложил себе дорогу через забитый представителями власти вагон. Сзади стонали и ворочались изломанные люди в форме.

«Он пасет их жезлом железным».

На перроне Сергей глубоко вдохнул свежий ночной воздух.

К вагону бежали вызванные по радиации подкрепления. Пропеллерообразно прокручивая в ладонях тяжелые палки, «Чан» пошел навстречу первому наряду.

Если вы видели киношные сражения, забудьте! В реальном бою не было кульбитов, сальто-мортале, обменов ударов. Тычок, блок, удар! Ломались надкостницы, лопались ключицы, трескались челюсти. Единожды ударенные более не вставали, им предстояло лечиться долгие месяцы в гипсе, шинах Илизарова и проволочных намордниках.

«Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя».

Хрипели радиации милиции, таможни и пограничной службы.

Подтягивались подкрепления.

Был шанс ускользнуть в темноте и возникшей неразберихе. Но привокзальная площадь осветилась фарами. На перрон въехали два милицейских бобика.

Сергей на бегу через ворот куртки засунул себе за спину ментовские палки, зацепил их выступающими ручками за воротник. Из бобиков выскочили милиционеры, фонарями осве-

тили застывших вдоль вагонов редких пассажиров, багажную телегу, перепуганного носильщика.

– Белгород-один! Я Припять. Прием. Приметы? В чем? В белом? Видим! Стоять! Руки вверх!

Слепя фонарями, подошли «мусора».

Сергей сощурился, бледный, в мазках изжелта-зеленых синяков.

– Я не при делах, начальник, покурить вышел...

– Документы.

– В купе мои документы...

– Откуда кровь на одежде? Стоять! Лицом к вагону! Белгород-один, мы у третьего вагона задержали пассажира согласно ориентировке. Прием.

Мент говорил в рацию, укрепленную на португее на правом плече. В одной руке у него был фонарик, в другой табельный «Макаров».

Захрипела рация.

– Разыскивается молодой мужчина, одетый в белые брюки, белую майку и камуфляжную куртку. Особые приметы – синяки на лице...

Из-за шиворота вылетели черные палки, одна ударила по голове, вторая по руке с пистолетом. Слетела сбитая фуражка, милиционер упал.

Дуплет палок молниеносно стегнул по второму менту – в том же порядке – по голове и по руке с пистолетом.

Миг – и стражи порядка полегли, освещая друг друга своими же фонариками.

«Чан» присел, вывернул из ладони милиционера пистолет, отбросил ногой фонари, чтобы не демаскировали. Вытяжной шнур не позволял убежать с оружием. По перрону бежали пляшущие лучи.

«Чан» выпустил по ним всю обойму. В тишине ночного перрона гулко бухали выстрелы.

Включились фары второго милицейского бобика, осветили стреляющего с колена преступника. «Макара» заклинило в заднем положении.

Сергей бросил пистолет, спрыгнул в колею, пролез под вагоном, побежал.

«Врешь, не возьмешь!»

Включились лампы на фермах электропередач, залили перроны белым светом.

Отовсюду бежали с оружием, кричали, требовали остановиться.

Раздались предупредительные выстрелы в воздух.

Понимая безвыходность ситуации, «Чан» отбросил палки и поднял руки.

Его скрутили, защелкнули на запястьях наручники.

Он попал в плен, потому что вырвался на волю.

Книга вторая «Многомер»

Посвящается моему сыну Роману Иванову

КАМЕРА № 547

Киев. Лукьяновское СИЗО

10 часов 22 минуты. Температура воздуха 30 градусов

Киевское СИЗО № 13 «Лукьяновское» берет свое начало от «тюремного замка», построенного в 1862 г. Впоследствии к замку достраивались новые корпуса и здания, пока не образовался целый «город в городе». Наиболее известны корпуса «Столыпин», «Тройник», «Катька», «Второй женский блок» и «Блок для несовершеннолетних».

Ты попадаешь в «Столыпин».

В приемном блоке новичков раздевают догола и заставляют приседать. В следующем помещении сидящий за столом фельдшер торопливо заводит медицинские карты. «Фамилия, имя, отчество, год, место рождения, адрес проживания, вменяемая статья». В третьей комнате принимает очередь голых мужчин врач-венеролог: «Сифилисом, гонореей, желтухой, туберкулезом болел? ВИЧ-инфицирован? Жалобы есть?»

Если есть жалобы, к карточке крепится талончик на повторный осмотр в корпусе.

Затем тебя ведут в душевую, где машинкой стригут наголо, после чего гонят на склад, где выдают казенку – белье, матрас, миску, ложку, полотенце и кружку.

Штольни коридоров выкрашены синей эмалью, сводчатые потолки побелены. Слышен стук кованых каблучков и команды конвоира. «Стой. Направо. Налево. Лицом стене».

Подняв щиток над смотровой щелью и убедившись, что в камере все спокойно, надзиратель открывает двери: «Господа преступники, принимайте нового сидельца».

Нагнув голову под низкой притолокой, тыходишь в бетонный бункер и отшатываешься от ударившего в лицо горячего смрада, испарений толчка, табачного дыма, пота и клопомора.

Дверь захлопывается, задвигается засов, клацают замки.

Все, выхода нет.

СИЗО переполнено, «шестерка» забита двойной нормой заключенных. Трехъярусные шконки полны полуголыми зеками. Кому не досталось места, сидят на полу на корточках. Никто не обращает внимания на новичка, ты стоишь, не зная, к кому обратиться.

Подходит плечистый парень с лицом гопника.

– Как звать?

– Скворцов. Сергей.

– Кто тебе рожу расписал?

Ты независимо усмехаешься.

– Люди хорошие...

Ответ настораживает.

– Люди? За что тебя «люди» били?

Ты не знаешь, что «упорол» свой первый «косяк» в «крытой», «людьми» здесь называются заключенные воровской масти. И если «люди» кого-то бьют, это может означать, что в хату пришел изгой, отщепенец.

– Ты какой масти? – спрашивает абориген.

– Каурой, – с вызовом отвечаешь ты, еще помня свои геройские подвиги в боях с егерями и погранцами.

Абориген дает тебе затрещину. Подавляет волю, понимаешь ты, унижает, проверяет на вшивость. Второй удар ты перехватываешь, примирительно улыбнувшись.

– Ты до меня дотронулся? – не верит своим глазам блатной. – Ты че лыбишься?! Смешно тебе?

Булыжник кулака врезается в живот, ты роняешь матрас, сгибаешься с утробным стоном, не в силах... вз... вз... вздохнуть, огненные круги бегут перед глазами...

Ты ждешь, что адреналин вот-вот хлынет в кровь, ты вскочишь уже каратистом и черным поясом и отбуцкаешь обидчика. Ничего подобного не происходит. В душе – страх, срань и импотенция. С момента утери Копья и поступления в СИЗО ни «Чан», ни «Гуськов», ни другие духи не подают больше признаков жизни. И от этого становится по-настоящему страшно, потому что вокруг не киношная, не придуманная, не приснившаяся, а самая настоящая ТЮРЯГА с ее волчьими законами.

Абориген словно слышит твои мысли.

– Я тебе маньку-то отобью! («Манька» – на фене «мания величия»). Запомни, дядя-сарай, когда люди спрашивают, надо отвечать! Ты какой масти, не петушиной, случаем?

«Хата» молча следит за «пропиской» первохода.

– Нет, – натужно выдавливаешь ты, – я мужик.

ХАТА «ПЯТЬ-ЧЕТЫРЕ-СЕМЬ»

Киев. Лукьяновское СИЗО

11 часов 33 минуты. Температура воздуха 31 градус

Ржавая железная раковина с медным антикварным краном прикреплена к стене слева от входа, за нею помещается толчок, занавешенный тряпкой на высоте чуть выше метра. В центре камеры стоит стол из черного металла с железными, забетонированными в пол лавками. За ним играет в домино блаткомитет хаты.

Сразу видно, кто тут главный. На теле «заиндевелого» (седого) вора нет живого места: жилистые руки, плечи, грудь покрыты татуировками: «ИРА» и «ЗЛО» наколоты на плечах, под ключицами зияют бездонным взглядом два огромных, пристально смотрящих глаза. Лицо пахана выдолблено долотом в морщинистой древесной коре, неандертальские надбровные дуги измазаны рыжеватой шерстью, в глубоких норах прячутся маленькие цепкие глазки, бульба ноздрей отделена от спинки носа шрамом, рондольевые фиксы жуют зажженную сигарету.

– Я смотрящий по хате, – сипит он простуженным голосом. – У меня хата правильная. Прописку ты себе сам нафоршмачил. Качан получил с тебя за борзоту. Ты понял? (Сергей кивает). Пока твое место вон там, возле тряпки. Садись на свой тюфяк и рассказывай, за что тебя закрыли. Имей в виду, фуфлю здесь прогонять бесполезно, мы все про тебя узнаем по тюремной почте, так что давай чисто «сердечное» признание, а дальше будем смотреть, куда тебя определить.

Смотрящий кладет сигарету на «пепельницу» из крышки от «Нескафе», делает два глотка чифира и передает парящий чифирбак соседу справа. Лицо этого циклопа было когда-то разрублено ударом топора, да так и срослось, завернувшись по лбу и переносице вовнутрь. Из уродливой расселины торчат ноздри, да моргает единственный глаз, не понятно – правый или левый. Это рецидивист «Рубленый», правая рука пахана. Он делает два глотка и передает кружку смуглому татарину с татуированным лбом. Это Зира, криминальный мурза. Блаткомитет чифирит не спеша, торопиться некуда, времени в тюрьме много.

«Молчи, – сказал Сергею на сборке пожилой зек, – не давай никаких показаний, пусть сами доказывают, ни в чем не признавайся. Из всех моих знакомых уцелели только те, кто ничего про себя не говорил ни следаку, ни в хате. Все против тебя обернут, от гандона до батона, молчи и все».

Но как тут промолчишь, если на тебя угрожающе смотрят криминальные хари?

Сергей просит воды. Напившись, садится на скатку и кратко отчитывается.

– В Крыму в горах промышлял черной археологией. В заповеднике надыбал немецкое захоронение, медальоны и кости. Их можно хорошо продать бундесам. На беду там оказался заповедник ДУСи, принадлежащий управлению делами Президента. Егеря засекли стоянку с вертолета по дыму костра, погнали по горам, как зверя. От случайной искры загорелась лесная подстилка, жара страшная этим летом, запольхал десяток гектаров. Говорят, кто-то из егерей в дыму задохся. Меня обвинили в поджоге, непреднамеренном убийстве, ну, и загребли...

Качан подозрительно шурится.

– Почему тебя не в Крыму закрыли, а сюда пригнали, в Лукьяновку?

Пахан делает очередные два глотка чифира, акулий плавник кадыка дважды вздымает зернистую кожу на горле.

– Чем ответишь? – глядит он исподлобья медвежьими глазками. Это взгляд хищника, такой порешит, не задумываясь, люди для него овцы.

Сергей потеет от жары и напряжения. Это тебе не экзамен в школе, тут не отделаешься неудом или пересдачей.

– Отвечу, что решил уйти в Россию, – утирает он лоб рукавом. – Поэтому взяли меня не в Крыму, а уже в поезде, при досмотре на границе. Таможня нарыла медальоны вермахта, ну, я и решил «сделать ноги», оказал сопротивление, вот меня менты с погранцами и отделали под орех. Вменяют контрабанду, поджигательство и статью 119 «Убийство по неосторожности».

– Лютует украинская таможня, а, Мытник? – пахан кидает взгляд на черноусого парубка, сидящего на втором этаже нар.

– Так що ж тэпер? – арестованный за получение взятки офицер таможни с погонялом «Мытник» смотрит по-птичьи, круглыми немигающими глазами. Такие глаза бывают у ограниченных людей, зацикленных на какой-нибудь сверхценной идее. – Правильно його пов'язали. Контрабанда. Шо ще з ним робити?

Железные зубы пахана отливают тусклым никелем.

– Да ты у нас тяжелостатейник, Скворец, – усмехается он. – Спать будешь в очередь с Менялой (кивок на зека, цитировавшего УК). А теперь запомни первую заповедь. Порядочный зек должен уделить внимание в общак. Что у тебя в сидоре?

Сергей расшнуровывает рюкзак. Дистрофичный пацан спрыгивает с решки и запускает в рюкзак руки, густо исколотые по «дорожкам» (по венам). «Че смотришь, говорит он Скворцову, мне руки птицы поклевали». И лыбится презрительно, копаясь в чужом добре. Вытаскивает свитер.

– Свитер это хорошо, – говорит пахан, – Кухарь, распустишь его на нитки. Новую «дорогу» будем строить заместь старой. Пошамать, небось, хочешь? (Сергей сглатывает слюну) Меняла, выдай Скворцу из общака жратвы.

Так Сергей получил погоняло и плацкартное место в Столыпинском вагоне, едущем в никуда.

НОЧНОЕ БДЕНИЕ

Киев. Лукьяновское СИЗО

22 часа 13 минут. Температура воздуха 30 градусов

Камера, в которую попал Скворцов, оказалась котловой, в ней собирался корпусной общак, находящийся под присмотром «положенца» Гуся. Кроме хавчика новичку выдали из общака зубную щетку и пасту в целлофановом пакете. Оказывается, передавать пасту в тюбиках в тюрьму почему-то нельзя.

– Ложись, поспи, устал, наверно, с дороги, – предложил Меняла свое место.

Скворцов прилег и провалился в сон. Он был вымотан до предела. Даже где-то в глубине души порадовался, засыпая, что его арестовали и теперь он сможет выспаться вволю. Как бы не так, выспаться не получилось, через несколько часов его растолкали.

– Вставай, вторая смена.

Комкастая подушка промокла от пота, в камере стоит удушающая духота. Стены СИЗО вобрала за день весь жар, так щедро источаемый августовским солнцем, и теперь отдают тепло вовнутрь. Ни сквозняка, ни ветерка. Зеки истекают потом. Воду на ночь отключили. Воду вообще включают в тюрьме по часам, а то и по личному усмотрению ДПНК.

Сергей сворачивает тюфяк, сползает на продол.

– С тебя полпачки чая, – шепотом говорит Меняла, разворачивая свою скатку на освободившейся шконке.

– За что?

– Я же тебе очередь спать уступил? Уступил. А ты как думал? Тут все свою цену имеет.

– Нет у меня чая.

– Отдашь, когда будет. Ты вот что... Завтра Качан начнет тебя разводить, типа «не обижайся, братан», «ты че, в натуре, обиделся?» Так ты не ведись. Я его прихваты знаю. Обиженниками здесь «петухов» зовут, понял?

Меняла укладывается на нару, с кряхтением вытягивает длинные ноги.

– За совет с тебя еще две замутки чая. Итого, с тебя пачка черного, байхового краснодарского.

– Да где я тебе возьму? – Сергей ошарашен деловой хваткой своего сменщика.

– Отдашь, когда будет, я же не наезжаю, – зевает Меняла. – В тюрьме долг – дело святое, учти. И еще. Погоняло тебе надо сменить.

– Почему?

– Стремное.

– Да почему?

– Отвечу за пачку сигарет.

– Да иди ты! Не хата, а страна советов.

– Ты че, обиделся?

– Сам говорил – обижаться нельзя.

– А ты умный. Короче. Если бабок нету, кроме чая и сигарет, есть и другая валюта.

– Какая?

Меняла приподнимается на локте.

– Ответ на твой вопрос тоже является консалтинговой услугой, которая стоит пачку сигарет с фильтром.

Да-а, недаром парня Менялой прозвали.

Сергей не знает, куда приткнуться, садится на скатку в продоле, между свисающих для просушки трусов и маек.

– Эй, Скворец, давай к нам, чифирнем, – зовет дистрофический пацан, который забрал у него свитер. Это «Кухарь», наркоман со стажем – «централки» у него на руках все в «дорожках» (вены проколоты на всю длину).

За столом потеснились, дали место.

По маленькому телевизору идет на ток-шоу Савика Шустера с криками и руганью.

С верхних нар слышится хриплый кашель. Так звучит даже не застарелый бронхит, а кое-что похуже. У Мишани, молодого понурого парня, совершившего убийство жены в состоянии аффекта (застукал с любовником и зарубил топором), в тюрьме открылось кровохаркание.

«Он же нас всех тут заразит, думает Скворцов. Почему его не кладут в больницу, почему не посадят в отдельную палату?»

Когда он осторожно высказывает эти мысли, сидящий справа от него пожилой еврей с седым пухом вокруг лысины экспансивно восклицает: «Кто ж его отсюда переселит, шо вы такое говорите! Вы знаете, сколько тут стоит хорошая камерка? Она Мишане не по карману. У него из родственников только отец-инвалид. Вы лучше взгляните на эти стены! Ви знаете, шо это за грибок? Это “Аспериллиус черный”, самый опасный преступник, сидящий в Лукьяновском СИЗО. Серийный убийца. С таким грибком скоро нам всем тут слабают Шопена. Даже после короткой отсидки можно выйти отсюда импотентом-туберкулезником, с астмой, раком легких, менингитом и энцефалитом. Как вас по имени-отчеству?»

– Сергей Геннадьевич. Можно просто Сергей.

– Иловайский Юрий Соломонович, будьте ви мне здоровы, – сокамерник протягивает через стол руку, Сергей ее пожимает. – Тюрьма – хороший гешефт, вы знаете? Тут все зарабатывают на заключенных. Начальник тюрьмы распоряжается номерным фондом, надзиратели устраивают заключенным свидания, проносят запрещенные вещи, водку и даже наркотики, женщин проводят, передают с воли мобильные телефоны, перед шмоном забирают телефоны себе, потом возвращают – все за деньги. И я их понимаю. Скажите мне, кто будет за копеечную зарплату работать в нечеловеческих условиях с опасным контингентом?

В хате есть своя «кухонька», на выступе стены рядом с оплавленной розеткой. Вместо плитки используется изогнутая пружина, к которой присоединен шнур от кипятильника. Благодаря высокому сопротивлению пружина нагревается до багрового свечения. Кухарь варит на ней овощной супчик, а до ареста он варил ханку из маковой соломки, на чем и погорел.

Аромат мивины расползается по прокуренной хате. У Сергея сосет в желудке. Ему вспоминается лес и то, как они с Дашей запаривали мивину на костре. Горечь ее предательства отравляет душу.

Кухарь будит Качана, Рубленного, Зиру и Гуся.

Все встают, когда за «общаком» едят четверо «хлебников». Кухарь при блатных работает шнырем, готовит для них еду и обслуживает за столом. Он также отвечает за варку тюремного самогона – зимбуры, которую разливает по кружкам из стеклянного трехлитрового бутыля. Жидкость имеет мутный, красноватый цвет и пахнет денатуратом.

Зеки чокаются, выпивают и приступают к трапезе.

Как впоследствии узнал Скворец, рецепт зимбуры прост: в миску натирают яблоки, образовавшееся пюре вместе с кожурой вываливают в кастрюлю, где плавает бутылка с кипятком, она греет брагу, чтобы та забродила, там изюм, хлебные дрожжи и сахар, чем больше яблок, тем выше градус. Перебродившую брагу процеживают и перегоняют, водка получается красного цвета и достигает 70 градусов крепости.

– Че ты тут задвигал насчет грибка, Соломон, – Качан шумно сербает горячий суп, – все знают, что туберкулез любой нации – это евреи.

– Шо ви такое говогите, уважаемый Качан! – гримасничает и нарочито грассирует Юрий Соломонович. – Чуть шо, так во всем сгазу виноваты бедные евгеи.

– Новый анекдот – бедный еврей. Тебе «кабан» вчера пришел, ты даже не поделился.

А ну, тащи сюда свою дачку!

У Соломоновича черный пух на лысине завивается в самумы. Он лезет под нары, вытаскивает картонный ящичек, ставит его перед блатными, которых он боится, как огня. «Это маца, уважаемые, это горькие травы марор, это крутое яйцо – бейца. Попробуйте зроа, обжаренный кусочек мяса на косточке. Закусите сладким харосет, смесью перетертых фруктов и орехов. Они долго не пропадают, могут простоять в тепле хоть целый год».

Гусь, Зира и Рубленый выбирают деликатесы, доедают и уходят спать. Качан же, насытившись, любит поразглагольствовать.

– Соломон, вот вы же сало не жрете, почему ты сало – мои?

– Я Соло-мон.

– А, ты соло выступаешь, в одиночку дровичь? Херовая у вас, жидов, хавка. То ли дело наш русский супчик. Знаешь, Мытник, как москали называют борщ? (Качан блеет) Пе-е-е-рвое! Или – жи-и-идкое. У вас вся еда ЖИДкая, а, Соломон?

Видя, что еврей не ведется на его приколы, Качан начинает задирать Мытника. Спор у них застарелый – можно ли считать таможенника мусором?

– Я нэ мусор, – твердит Мытник. – Я охвицер мытныци.

– Что мусарня, что таможня, все одно! Псы вы сторожевые сучьего государства. Скажешь, взятки не брал на своей таможе?

– Хабарив не брав! Я виконував закон, стежив, щоб заповнявся бюджет держави.

– Ну, и дурак! Иди, в тряпки ложись, не корчи из себя умного. Или может ты тоже обрезанец? Вумный? Как вутка?

– Краще нэ замай мэнэ!

– А то что будет, хохляцкая рожа? Кончился ваш Майдан, Донбасс рулит на Украине!

– Даунбас... – под нос бурчит Мытник. Коренастый и крепкий, он не боится наглого блатаря.

– Ты че там вякнул, сволота? – Качан привстает. – А ну, повтори, что ты про Донбасс сказал! Че молчишь? Ненавижу хохлов! Нэнька ваша Западная Украина – блядь ссученная, любому пиндосу жопу лижет, на братство славянское положила с прибором!

– Яке братство? – взрывается Мытник. – З кым? С кацапами? От вам! – он бьет себя в сгиб руки, показывая поднятый кверху кулак. – Слава Украине! Слава героям!

Качан хватает со стола миску.

– Ну все, ты доп...зделся! Ща сделаем хохлу обрезание. Будет у нас жид и хохол в одном флаконе.

Мытник принимает боевую стойку. Качан кружит вокруг него.

В критический момент в ссору вмешивается Юрий Соломонович.

– Ой, вы таки правы насчет обрезания, уважаемый Качан, и сейчас я вам расскажу за случай, шо заставил меня сильно усомниться в правильности этой древней процедуры. Ви послушайте старого еврея. Была у в Одессе девушка. Ну, как, девушка? Путана. Вера Ротенберг. Клиенты звали ее «Вротенберг», учитывая специфику ее профессии. (упоминание о путане заинтересовало Качана, дальнейшее повествование он слушал с полуоткрытым ртом). Ее еще звали «Итальянка», потому что начинала она переводчицей в «Интуристе», спуталась там с каким-то макаронником и даже сходила за него замуж, но шой-то у них не сложилось на Аппенинах, и она повернулась к своей маме Софье Францевне в Одессу. Так вот, менты замели Веру при облаве в притоне Кепельмана на Большом Фонтане и привезли на Еврейскую, 6, в кабинет № 35 к Семену Лифшицу, оперуполномоченному по проституткам. Этот Сема был такая сволочь, шо терпеть его могла только родная мама Изя Яковлевна, царство ей небесное. А жена Семена не любила и поэтому часто уезжала к маме в Винницу. Оголодавший Семен как раз искал, кого бы потрахать, кроме своей постоянной любовницы Дуньки Кулаковой. И тут к нему в кабинет заводят Верку Итальянку. Во такие груди, во такие бедра. И это чудо красоты

сидит в дешевом кабинете с пластилиновой печатью на хлипких дверях, где из мебели есть только стол, шкаф, сейф и дуболом Лифшиц. И разит от «Итальянки» духами «Мадам Роша» по триста баксов за флакон, а «сумашечную» прическу ей сделал прилетевший по случаю в Одессу московский стилист Лисовец. Прикинута дама в бутиках Гуччи, Пуччи и Сваровски, маникюр и макияж у ей по высшему пилотажу, бо она регулярно посещает всякие там финтесы и спа-салоны. Словом, менту было не по карману трахать такую роскошную женщину, один час которой обходился особо похотливым поцам в 500 долларов США. Но в тот день Семену таки подфартило, Вере корячилось СИЗО и штраф на сумму стоимости ее услуг, и Сеня решил использовать закон в своих корыстных интересах. И как часто бывает, в его сейфе в нужную минуту не нашлось презерватива, а нашлась только полупустая бутылка молдавского коньяка «Черный аист». «Вера, у вас есть презерватив?» – спросил Сеня. У Веры в тот вечер не нашлось в сумочке презерватива, Сеню ждал совсем иной гармидер, бо Сеня был шлимазл. Вы спросите мне, кто такой шлимазл, так я вам отвечу словами Ибн-Эзры: «Если шлимазл начнет заниматься изготовлением гробов, то люди перестанут умирать ныне, и присно, и во веки веков». Но похотливый Сеня придумал-таки выход. Он решил обезопасить себя от трихомонад и бледных трепонем особым способом любви. Он сказал: «Вера, я имею трахнуть вас в “терку”, шоб я так жил, и тогда вам выйдет от меня послабление». Вера покашляла для приличия и без лишних слов сняла со своего бюста лифчик фирмы «Милавица». В конце концов, от ее сисек не сильно убудет, если между ними поерзает «колбаска по-ментовски». Описать Вериних грудей не хватает слов даже у меня, профессионального чтеца-декламатора... короче! Оперуполномоченный Сеня Лифшиц достает своего обрезанца, вставляет его даме в «терку» и начинает делать бедрами возвратно-поступательные движения. Но не прошло и полминуты, как этот поц выдергивает свое «хозяйство» из Вериних персей и начинает орать, как мартовский кот. Он не узнает свой «пегчик». Он вкладывал вполне себе приличный половой пенис, обрезанный на заре его младенчества шойхетом синагоги с улицы Ольгиевской, той, шо недавно сторела, а вынул какой-то перец чили – красный и глянцевоый, как журнал «Бурда» в целлофане. И пекло этот перец так, как может печь только настоящий чили, если съест его утром натощак. С той разницей, шо у Семы горело не у роте, а у в половом органе.

На верхней шконке будят сокамерников. «Вставайте, Соломонович байки травит..»

«Ты шо со мной сделала, падла», закричал Семен и начал бегать вприсядку по кабинету. На ту беду мимо его кабинета проходил по коридору начальник отдела майор Курков. Он слышит этих звуков, похожих на тех, шо издает подследственный, когда ему заправляют в анус бутылку с-под шампанского, и стучит кулаком в дверь. Там наступает молчание. Тогда майор взывает зычным басом, отчего Сеня чуть не наделал в штаны, и спасло его только то, шо на нем их не было. Этот шлимазл не придумал ничего лучшего, как затаиться под столом. При этом стонать он не переставал, потому шо ему было «невтрепезж». Менты, конечно, переполошились за своего коллегу и по приказу майора Куркова выломали двери. И шо ж они там увидели? Они увидели картину маслом художника Ренуара, который любил писать женщин в жанре «ну?». На стуле сидела модель порножурнала с грудями пятого размера в обох жменях, а по кабинету гусиным шагом ходил оперуполномоченный Лифшиц с этим своим писимизмом, зажатый между ног. При этом глаза у Сени вылезли на лоб и начали потихоньку перебираться на затылок.

«Сеня, Сеня, за шо ты держишься? – загомонили мусора. – Шо ты там прячешь? Неужели эта прошмандовка стукнула тебя по бейцам?»

– У мене горит пиписка, – стонет Сеня. – Эта сука меня чем-то заразила.

– И давно она начала тебя заражать, Семен? – спрашивает майор Курков.

– Тока шо, – отвечает Сеня.

– Мадам, шо это за болезнь, которая передается за «тока шо»? – спрашивает майор у путаны. – Может, у вас особо скорая нигерийская чесотка?

– Зачем вы такое говорите, – обижается Вера, – я девушка чистая, вот справка.

– Семен, – говорит майор, – а ну покажи, шо там тебе обожгли.

Семен разжимает руки, и отделение видит, шо его пиписка алеет цветом закатного неба, когда завтра будет ветер.

«Шо вы сделали с нашим товарищем, грозно спрашивает майор Курков путану».

«Вы меня вынуждаете говорить правду, отвечает Вера. Ваш товарищ принудил меня к извращенной форме любви, по-английски “титифак”, а по-русски “в терку”. В случае отказа он угрожал поместить меня в СИЗО, а я уже была один раз в вашем СИЗЕ, и мне туда больше не надо. Поэтому я согласилась, чтобы ваш товарищ на мне немного поерзал, и теперь он стонет от удовольствия оргазма».

– Какой-то странный оргазм... – чешет в затылке Курков.

– Это особый, пролонгированный оргазм с отложенным концом, – поясняет ему Вера.

– То-то, я и вижу, шо он отложил свой конец куда-то на сторону, – замечает майор. – А ну-ка, мадам, покажите, шо у вас в «терке».

– Да шо тут у мене может быть, кроме ассигнаций, – Вера разводит в стороны свои животрепещущие перси, увенчанные сосками цвета того коньяка, шо стоял у Сени в сейфе. При этом майор Курков замечает воспаленные пятна на ее беломраморной коже.

– И шо это у вас такое? – спрашивает он, видя, что межгрудная пятнистость Веры не уступает окрасу собак далматинской породы.

Тогда честная путана переходит в наступление.

– Вы спросите за это у своего подчиненного, это же не человек, а конь! Он растер мне всю грудь своим огромным cazzo! И это еще хорошо, что он не нашел презерватива, чтобы использовать меня по прямому назначению, бо он разорвал бы меня напополам. Сочувствую его жене, так ей и передайте! Нет, лучше я сама лично передам ей свое сочувствие!

Тут Вера начинает ругаться по-итальянски, плакать по-еврейски и сморкаться по-русски. Она угрожает написать заявление прокурору и требует снять отпечатки Сениного cazzo с ее измусоленных грудей. Как будто на залупе есть дактилоскопические линии! Если б их там было, ментам пришлось бы прокатывать не «пальчики», а «перчики», щоб им при этом икалось от смеха!

Обитатели хаты «5-4-7» смеются, свесившись со шконок. Даже Гусь выглянул из-за занавески своей «каюты» и с интересом прислушивается.

Меж тем весть о воспламенении ментовской ментулы (по латыни это мужской половой орган, если кто не знает) от трения об грудных желез прокатился по всему областному Управлению МВД. А то ж были одесские мусора, которых хлебом не корми, дай только постебаться над товарищем. Вскоре возле кабинета № 35 образовался целая мусорская свалка. Менты норовили заглянуть вовнутрь, щоб поглазеть на сиськи Верки Итальянки и на пылающий от страсти хер оперуполномоченного Лифшица. И двери закрыть было никак нельзя, потому шо их как бы уже выломали до того.

– Он він дэ, мій жезл, – сказал капитан ГАИ Колесниченко, пробившись сквозь толпу, – його, виявляється, Лифшиц запозичив для плотських втіх.

– Нет, Георгий, ты ошибся, – отвечал ему старлей убойного отдела Леша Кузьмин, тот, которого пырнул мессаром на Привозе Витя «Чебурек», – то не гаишный жезл. То елда лейтенанта Лифшица.

– Бути того не може, – не поверил своим глазам Колесниченко, – цэ мій жезл, бо він в темряві світиться! (он светится в темноте)

– Тащи огнетушитель, Прокопенко, – сквозь душащий его смех скомандовал Кузьмин. – Надо затушить Семену елду, пока она не истлела окончательно.

– Хорош издеваться, – воет Сеня, – вызывайте «скорую», у мене все опухло и пылает, как огненная гиена.

– И шо я скажу «Скорой»? – спрашивает его Курков. – Шо у моего сотрудника во время допроса задержанной воспалился детородный орган? Завтра за это будет трепаться вся Одесса. Ты нас опозоришь, Сэмэн. Терпи! Давайте лучше позовем Погосяна.

Судмедэксперт Погосян осмотрел очаг поражения и сказал.

– Товарищ майор, нужно срочно провести следственный эксперимент, пока не стерлись следы.

– Согласен, – говорит Курков.

И вот Погосян приносит фотоаппарат со вспышкой и вспышивает им Сене в пах, а затем делает то же самое с бюстом Верки Итальянки в разных ракурсах. Он ей сделал настоящее портфолио, этот Погосян.

– Что это у вас за покраснение? – спрашивает он у Веры.

Вера смотрит на свою грудь, принюхивается и краснеет.

– Ой, я таки вспомнила. Я вчера простудилась бронхитом и, чтобы согреться, натерла себе грудь финалгоном.

– Теперь мне все понятно, – говорит Погосян. – Семен, ты же обрезанный, как и положено еврею, финалгон попал тебе на залупу, к тому же ты его глубоко втер страстными фрикциями. Это все равно, что намазать гланды казацкой горчицей, которая по силе жжения не уступает напалму. Беги в туалет и срочно мой свое хозяйство хозяйственным мылом.

А надо вам сказать, что коридор Управления МВД по Одесской области весь такой продолговатый и состоит из десятков дверей, и вот эти двери пооткрывались и оттуда «повиснули» менты. Они торчали, как головы двенадцатиголового Змея Горыныча из каждого кабинета, и все эти головы ржали. В тот исторический момент по радио передавали оперу любимого мусорского композитора Мусоргского «Хованщина», как бы намекая, шобы Сеня кое-шо сховал. И под эту торжественную ораторию одесские мусора проводили в последний путь своего боевого товарища, со слезами невыносимого смеха глядя, как поц Сеня с дымящимся наперевес телепуцкается до туалета. И хрен бы с ним, с Сеней, – под общий хохот хаты «5-4-7» закончил свою байку Юрий Соломонович, – но больше всего пострадала моя психика правоговерного «евгея», потому шо после этой истории в меня закрались смутные сомнения насчет полезности обрезания. Азохем вей!

– Да ты шо-о-о... – стонет красный от хохота Мытник, – о так и було? та нэ вирю...

Смеются все, даже угрюмый Гусь, даже отупевший от горя женоубивец Миша – и тот слабо улыбается.

– Укатайка!

– Молоток, Соломонович, повеселил...

– Хазанов!

– Ты правильный еврей, Соломонович! – рокочет Рубленный. – Когда в Одессе будет погром, приезжай ко мне в Харцызск, я тебя спрячу в подвале, ха-ха...

– Классно девка мусорка спалила...

– Попал ментяра в просак.

– А не суй елду, куда не след.

– Скажи, приврал, Соломонович? – спрашивает Качан, когда смех в камере стихает.

– Если Соломонович чего и приврал, то совсем же чуть-чуть, для пущего веселья.

– Чем закончилась делюга с ментом?

– Поца Сеню уволили по статье за злоупотребление служебным положением. А кто б из нас не злоупотребил ту Веру во с такими грудями и бедрами? Но за Сеней таки осталось погоняло, угадайте, какое!

– Финалгон!

– Какой ви догадостный, Качанчик. Ви просто Вольф Мессинг!

ОЧНАЯ СТАВКА

Киев. Лукьяновское СИЗО

Спутница жары – дизентерия. Заболели все тринадцать сидельцев. Позывы следовали каждые 15–20 минут, у толчка выстраивалась очередь, кто-то не успевал дожидаться спасительной «посадки», и плавно перестраивался в очередь к раковине на постирушку. Туалетная бумага закончилась, камера перешла на вату из матрасов, затем стали рвать обвинительные заключения. Запах в камере стоял соответствующий.

С потом и поносом уходили остатки жировых запасов. «Скворец» похудел, брюки спадали, он поддерживал их руками, потому что ремень у него отобрали еще в КПЗ. Поэтому первыми словами Даши, когда их свели в комнату для допросов на очной ставке, были.

– Ой, как ты похудел, Сережа!

– Дарья Денисовна, – следователь Фоминых открывает ее дело, – сообщаю вам, что суд продлил ваше пребывание под стражей еще на три месяца. Скажите спасибо вашему подельнику. Он утверждает, что именно вы ударили Дмитрия Капранова лопатой по голове и положили лицом в горящие угли.

– Сережа, ты вправду так говорил? – не верит своим ушам Даша.

– Я повторил ее слова, гражданин следователь. – Скворцов изучает пол под ногами, на предательницу смотреть брезгует. – Сам я этого не видел, был без сознания...

– Зачем вы бросили Капранова лицом в костер, Жукова? – повышает голос следак. – Вам фотографию его показать? Вот, смотрите, он остался фактически без лица.

– Фу, уберите это! Говорю вам: я его в костер лицом не дожила!!!

– Тогда кто? Скворцов?

– Как я мог его тащить? – возмущается подследственный. – *Я был без сознания!* Следователь стучает кулаком по столу.

– Хватит мне лапшу на уши вешать! Как мог человек в оглушенном состоянии пройти восемь метров и упасть лицом точно в мангал?!

– А ведь верно! – осеняет Сергея, и он впервые за встречу смотрит Даше в глаза. – Там же никого не осталось в живых и при памяти, кроме тебя. Получается, что это ты его туда оттащила.

Даша в СИЗО пообтесалась, стала жесткой и решительной.

– Ты че несешь, Скворцов? – грубо, как тюремная урла, фыркает она. – Думай, что говоришь!

Следователь направляет раструб настольной лампы ей в лицо, но оно не освещается, а наоборот – смуглеет, как тогда, при прохождении через Горелый лог, когда поднималась гарь с земли и липла к потному телу. Мягкий носик становится точеным, губы окрашиваются «драконьей кровью», глаза очерчиваются по контуру сурьмой из смеси бараньего жира, уемы, басмы и сажи.

– Узнал меня? – брызжут лучами межзубные стыки, – да, это я, жрица Хазва!

Ликующий лик моавитянской колдуньи проступает сквозь облик московской девчонки. Она запрокидывает голову, хохоча, ибо радость великая для жрицы Ваала Фегоры узреть заклятого врага, ввергнутого хитросплетением интриг ее и чар в унижение и узилище.

– Так это ты все делала, с самого начала! – Скворцов потрясен открывшейся ему картиной. – Заманила меня в лес, прикинулась слабой и беззащитной, заставила защищать себя и убивать, а после, в поезде, спрятала копьё и сдала меня ментам! Тысячи лет назад я убил тебя, и ты до сих пор мне мстишь?

– Кого вы там убили, Скворцов? – настораживается следователь.

– Да он опять «психа» включил, гражданин следователь! – Хазва подло подставляет вместо себя ничего не понимающую Дашу. – Я же вас предупреждала, он неадекват. Кем он только не воображал себя в лесу – то партизаном-людоедом, то «черным поясом» карате, то собакой, то егерем.

– Даша, умоляю, поверь, тобой владеет дух злой колдуньи! Когда ты била и тащила Капранова, тобой руководила Хазва, но ты этого не помнишь, потому что она отключает твою память!

– Да ты что несешь, быдло симферопольское? Посадить меня хочешь?!

– Жукова, сядьте!

– Да он же все на меня решил повесить! Меня девки в камере предупреждали. Ну, тогда и я расскажу все, как было! Записывайте, гражданин следователь. Лопатой – он ударил. А потом взял парня за ноги, оттащил к костру и положил лицом на угли! Еще и ногой на затылок наступил, чтоб лицо поглубже погрузилось в угли. И засмеялся: «Так будет со всеми, кто станет на моем пути!»

Так хрипят псы в последний момент перед схваткой, когда шерсть уже дыбом и клыки оскалены до десен.

– Сидеть, Скворцов! – следователь бросается поверх стола, но не успевает – арестант вцепляется подельнице в горло.

– Будь проклята, ведьма! Умри!

Сигнал экстренного вызова охраны проблесковым маячком мигает над дверью комнаты для допросов. Гудит зуммер тревоги.

«Зу-у-у-у-у!!!»

«Зу-у-у-у-у-!!!»

«Зу-у-у-у-у-!!!»

Дожевывая перекус, в комнату врывается долговязый рыжий надзиратель, скручивает буяна, тащит в коридор.

– В «стакан» его закройте, урода! – вслед ему кричит следователь. – На сутки!

В «СТАКАНЕ»

«Стакан» – каменная ниша в стене для изоляции буйных заключенных, отделенная от коридора железной дверью.

Ты бурно дышишь после борьбы с охранником, пот высыхает липкой упаковочной пленкой на теле. В темноте ощупываешь колючие стены в цементной «шубе», сзади – приступочка, на которую можно присесть. Но нет, это очередное издевательство ментов – приступочка тоже колюча, через минуту зад начинает печь, колени не согнуть, так как они упираются в дверь.

Приходится стоять. Ноги затекают. Поневоле опираешься о «шубу» то бедрами, то плечами – в этих местах начинает жечь кожу до мяса.

Счет времени теряется, сколько прошло – час-два-три? Сокамерники говорили, что больше трех часов в «стакане» держать запрещено. Но следак крикнул легавым запереть на сутки... блин, неужели сутки стоять в темноте?

Тебе абсолютно нечего делать. Не отвлекают никакие раздражители – зрение и слух отключены, работают только осязание и обоняние, но они почти не подают новых сигналов, кроме усиливающейся с каждой минутой боли в местах прилегания к «шубе».

«Господи, голос Твой слышал я в лесу, пошел и сражался за женщину! Так за что Ты наказываешь меня? Разве я был не прав в бою против насильников?»

В ответ слышится картавый мужской голос.

– Это же он вам молится, Валентин Григорьевич, ваш голос он слышал в лесу. Римма, он хоть как-то реагирует?

Женский голос отвечает:

– Сейчас посмотрим зрачковый рефлекс.

Кто разговаривает? Может, охранники в коридоре?

Ты нащупываешь на двери «штифт», приникаешь к нему, и вдруг в зрачок втыкается «шило» яркого света, ты отшатываешься, ослепленный. В коридоре кто-то включил фонарик и подшутил так над заключенным.

– Эй, старшой! – ты стучишь в дверь, – открой, ссать хочу!

Молчание в ответ. Глазок гаснет.

ЗАПИСКИ ТЮРЕМНОГО ПСИХИАТРА «МНОГОМЕР»

Доктор Самуэльсон о феномене Скворцова

По роду своей деятельности, (а я работал психиатром в Киевском следственном изоляторе № 13, известном, как Лукьяновское СИЗО), мне приходилось встречаться с самыми разными преступниками, в том числе и с очень известными. В частности, я работал с Сергеем Скворцовым. Этика моей профессии не позволяет раскрывать многих деталей пребывания заключенных в СИЗО, поэтому я хранил молчание вплоть до своего увольнения со службы по причине достижения пенсионного возраста. Об этом случае я решился написать также еще и потому, что он представляет собой существенный научный интерес, хотя при первой встрече он не произвел на меня особого впечатления.

– Снимите с него наручники, – сказал я.

– Он «СНА», – напомнил мне сержант. Аббревиатура «СНА» означает «склонен к нападению на администрацию». Таким полагается удвоенный конвой, вывод из камеры в наручниках, пристегивание при допросе к особым ушкам на табурете.

Я настоял, чтобы наручники с него сняли.

Скворцов сел, потирая надавленные кисти. Волосы у него были темно-русые, лицо округлое, лоб высокий с залысинами, между бровей вертикальная морщина, глаза карие с зеленоватым отливом, нос с прямой спинкой и пористыми крыльями, верхняя губа чуть выступает над нижней, подбородок небольшой. В общем, ничем не выделяющийся парень. С одной только разницей. Этому «парню» инкриминировалось более тридцати трупов. После «Украинского зверя» Оноприенко, убившего из обрезка 52 человека, Скворцов занимал «почетное» второе место в списке серийных убийц Украины.

– Курите? – спросил я, протягивая пачку сигарет и внимательно изучая пациента.

Внешний осмотр может многое сказать опытному психиатру. Двигательно-волевые и моторные навыки были у него в норме, кататонического возбуждения не наблюдалось.

Скворцов предложенную сигарету взял, но не закурил, спрятал в карман куртки.

– На что жалуетесь? – спросил я. – Голова не болит? Как спите?

Я задавал обычные вопросы, он коротко отвечал, и я словно бы невзначай спросил.

– Скажите, вот эти ужасы, что про вас рассказывают, неужели это правда? Словом «неужели» я как бы давал понять, что не верю в его виновность.

– Женщин и детей не убивал! – заявил он. – Следак хочет повесить на меня чужие грехи. Я вообще, если вдуматься, никого не убивал. Эх, да вы все равно мне не поверите.

– Даже если не поверю, я вас выслушаю.

– И доложите, кому следует?

– Я дал клятву Гиппократа. Из этих стен ничего не выйдет.

Он усмехнулся.

– Ладно. Вот скажите мне, доктор, можно считать убийством, если человек держит в руке острую палку, а кто-то поскользнулся и случайно на нее напоролся?

– Это может быть квалифицировано как убийство по неосторожности...

– Убийство – это когда человек замыслил, напал, ударил, я же просто ДЕРЖАЛ копьё!

– Выходит, все ваши жертвы падали на копьё случайно?

Он хмыкнул, поглядывая насмешливо, словно раздумывал, довериться мне или нет.

– Первым был Чан, кореец, – заговорил он медленно, как бы припоминая. – Он гнался за мной по лесу. Не я за ним, а он за мной, понимаете? Знаете, зачем?

– Зачем?

– Чтобы умереть от копья. В прошлой жизни он убил меня штыком немецкого шмайсера, он был карателем в этих лесах. Догнал, прыгнул и напоролся на копье, а я только держал древко. Хотите, он сам вам все подтвердит?

– Кто?

– Чан.

– Но он же умер, как он может что-либо подтвердить?

– Ничего он не умер. Он в меня переселился.

Крепко пахнуло шизофренией.

– В вас переселился? – спросил я. – Каким, простите, образом?

– Через копье. Не верите?

Я подыграл ему.

– К вашему сведению, я немного занимался изучением Каббалы. Каббала допускает «гилгуль» – переселение душ.

Скворцов посмотрел на меня с уважением.

– А вы продвинутый «Гиппократ», – сказал он. – Ну, тогда вам будет интересно увидеть «гилгуль» в действии. Скажите, чтобы меня пристегнули наручниками. Чан – парень резкий, я не хочу, чтобы он причинил вам вред.

Я вызвал сержанта и попросил пристегнуть Скворцова наручниками к специальным креплениям на привинченном к полу стуле. Когда надзиратель вышел, Скворцов закрыл глаза и на какое-то время затих. Затем послышалось: «Выходи, ты же покурить хотел...»

Лицо его начало меняться, на губах проступила презрительная улыбочка. Открыв глаза на ширину лезвия ножа, он подергал рукой, пристегнутой к стулу.

– Предусмотрительный «псих», – сказал он блатным говорком. – Зачем меня видеть хотел, докторишка?

Его актерские старания вызвали у меня только улыбку, которую я постарался скрыть.

– Сергей, из вас мог бы выйти неплохой актер, но...

– Какой я тебе Сергей, – грубо перебил он. – Меня Андреем зовут. Фамилия Чан. Кстати, ты закурить предлагал, так я не откажусь.

– Я же дал вам сигарету.

– То ты Сереге дал, теперь дай мне,

Я взял пачку и протянул через стол. Он подергал пристегнутыми руками. Я вставил сигарету ему в рот, дал прикурить. Он молча курил, глубоко затягиваясь.

– Так вы что же, – прервал я молчание, – действительно, Андрей Чан?

– Ты чо, лепила, – сказал он, – держишь меня за фуфлыжника? Я могу и предъявить.

– Извините, Андрей, если, конечно, это вы. Вот Скворцов утверждает, что вы сами прыгнули и нанизались на копье.

«Чан», или кто это был, пожал плечами.

– Черт его знает. Я черный пояс, а Серый – полный ноль в единоборствах. Как он мог меня подловить? Судьба, однако...

Я вызвал выводного и отправил Скворцова в камеру.

В его учетной карточке, в верхнем левом углу рядом с диагнозом «СНА» я проставил диагноз – «СС», что означает «склонен к симулированию».

ПУТЬ САМОУБИЙЦЫ

Когда открыли дверь «стакана», Скворцов выпал оттуда стоймя.

Конвой не дал ему отлеживаться, пинками погнал в камеру.

Сергей все уже решил – ночью он порвет простыню и вздернется на решке.

Зачем жить на земле, где жируют мажоры, депутаты, менты и следаки-садисты, а женщины – лживые предательницы-колдуньи?

Хата была пуста, сокамерников увели на прогулку.

Нет, оставался один человек.

Под окном в конце продола, свернув голову набок, висел с подогнутыми коленями Миша-женоубивец. Из-за уха его, туго опеленав шею, тянулась к решетке веревка, свитая из порванной простыни.

Вообще-то, в тюрьмах существует железное правило – одного в камере не оставляют. Мишу и не оставили. Под нарамами у параша ютился чухан, который на попытку суицида никак не среагировал. А, может, спал и не видел.

Надзиратель подбежал, растянул петлю на горле самоубийцы. Припал ухом к груди.

– Иди сюда! – крикнул Скворцову. – Дыши в него!

– У него тубик...

– Дыши, я сказал! – надзир замахнулся дубинкой. – Делай ему искусственное дыхание!

– Я заражусь.

Удар палкой по бедру.

– Дыши!

– У него тубик. Он и так уже не жилец, а я заражусь.

– Заболеть боишься, а на человека тебе наплевать? Дыши!

Из-под нар вылезает тюремный чухан Шмонька. Грива всклокоченных волос спадает на костлявые плечи и сливается с косматым венником бороды. Одет чухан в одну рваную тельняшку, вислые муди колеблются меж искривленных ног.

– Дыши ему в рот! – крикнул чухану надзир.

– Низ-зя мне, – прошамкал Шмонька, – я его законтачу.

– Его черти на том свете контачат! Дыши, никто никому не скажет. Ты – дыши, а ты делай ему массаж сердца!

Сергей стал нажимать ладонями на грудь самоубийце. Шмонька задышал в туберкулезный рот. Наконец Мишаня всхлипнул и захрипел.

Надзиратель утер лоб обшлагом мундира.

– Фу, напугал, сволочь! Сидите тут тихо, сейчас его заберем.

Смерти в тюрьме администрация боится, как черт ладана, – статистика влияет на статус страны в мире, показывает уровень демократии и состояние прав человека, погоны могут полететь в один момент.

Шмоня сказал, вставая: «Придурь, кто ж на простынях вешается? Тюремное рядно ветхое! Свитер бы распустил, да сплел жгуток покрепче, эх!»

«Ты видел, как он вешается? – спросил его Скворцов. – Почему не остановил?».

Шмонька безразлично махнул рукой.

Сергей побрел к раковине.

Воды не было.

Высохший язык прилип к небу, губы приклеились к деснам, нутро полыхало.

– Ты откудава, Скворец? – чухан подковылял сзади на рогатине широко расставленных ног, похожий на шимпанзе в тельняшке из фильма «Полосатый рейс».

– В «стакане»... сутки... простоял...

Чухан имел вместо ступней «копыта», вместо ладоней – культы без пальцев.

– Что глядишь так брезгливо? – спросил он, приседая рядом со Скворцовым. – Думаешь, ты лучше от меня? Ты в пролежнях весь, из тебя говно пальцами выдавливают...

– Ты че несешь?

– И бороною почище меня оброс, и дышишь через трубку, как водолаз.

– Дао чем ты, дурак?

– Хоть дурак, а воду имею. Питочки небось хочется?

– Дай...

– А примешь? Из моих-то рук?

– Давай.

Шмонька заполз к себе под нару, вернулся, неся питье.

Присыпанная мусором вода подрагивала вровень с краями миски, зажатой грязными культями. Меняла предупреждал – любой контакт с «чуханом» автоматически переводит в разряд опущенных. Но и пить хотелось невыносимо.

– Пей, чего уж, – сказал чухан, – никто не углядит, да и все равно тебе уж...

Мишаня на проделе хрипел и кашлял, глядя в потолок бессмысленными глазами. Этот сейчас ничего не поймет, никому не расскажет.

В критические минуты голос тела сильнее «понятий».

«Скворец» припал к шерботой кромке.

Тепловатая влага потекла по иссохшему пищеводу.

Блаженство утоления жажды... простое счастье...

Испив воды до половины, Скворец блаженно перевел дух.

– Почему... мне... уже... все равно? – на выдохах переспросил он.

– А тебе вскорости ко мне переезжать... – сообщил чухан.

– Куда к тебе?

– Под нары, куда же еще.

В сердце вонзилась заноза. «Блин, я реально законтачился и теперь завишу от этого грязного бомжары».

– Ты меня заложить хочешь?

– Я-то? Нет, ты по воле Божьей под нары залезешь.

– Тогда я спокоен. Богу до меня дела нет.

– Богу до всех дело есть. Не смиряешься ты, упорствуешь. Загонит Он тебя под нары, ох, загонит.

– Не каркай. Кому скажешь, что я твою воду пил, убью.

– Куда тебе, ты и встать-то не сможешь.

Сергей встал. Шатаясь, похвастался.

– Я сутки в «стакане» простоял.

Шмоньку это сообщение не впечатлило.

– Всего-то? – хмыкнул он в седую, пегую вокруг рта бороду. – Симеон Столпник тридцать лет простоял на столпе, стяжав дар исцеления и прозорливости, а ты – су-у-утки. Дворяне почему столбовыми назывались? Они испытание проходили на крепость духа, на столбах стояли годами. Кто проходил испытание, тем власть давали, а злые, жадные да трусливые на столбе и суток не простоят, им с самими собой страшно, из душ их беси лезут, вот как из тебя...

– Нет во мне бесов, ушли они.

– Тут они, никуда не делись. Когда устоишь на столбе, тогда уйдут из тебя беси, не смогут жить в душе твоей, аки в пещере огненной...

Скворцов с удивлением вглядывался в пожатое лицо бомжа.

– Я думал, ты чухан зачумленный, а ты – рассуждаешь...

– А я не чухан.

– А кто?

В седых зарослях протаяли иконописные глаза. Шмонька даже ростом выше стал, когда объявил свистящим шепотом, от которого мурашки побежали по спине.

– Я есмь бич Божий!

Секунду длилось наваждение, потемневшая икона древнего святителя грозно глянула из серебряного оклада и тут же сгинула.

– Бич я, – жалобно забормотал Шмонька, – бичую в Бозе, ибо сказано, «последние станут первыми». А кто хуже тюремного-то чухана?

– Так вот ты кто... – прошептал Сергей, – ты юродивый...

– Ты попей еще.

Скворцов отпил треть оставшейся в миске воды.

– Теперь как себя чувствуешь? – спросил чухан.

Головокружение отступило, в глазах прояснилось, стихло жжение в «пролежнях» на спине и ягодицах, в местах прилегания к телу колючей «шубы» «стакана».

– Теперь лучше, – сказал Сергей.

– Из тюрьмы-то хочется выйти?

– Кто ж не хочет...

– Сказать тебе, как из тюрьмы выйти?

– Говори.

– А ты попроси. Я тебе великий секрет открою.

Сергей поколебался, ай, чем черт не шутит.

– Открой секрет, Шмонька, пожалуйста.

– Ты не меня, ты Господа проси. На колени стань, да поклонись Ему до земли. Тогда только на свободу выйдешь.

В тюрьме рад любой подсказке, любому объяснению происходящего с тобой ужаса. Поэтому Сергей не отметаёт с порога Шмонькины требования, какими бы безумными они ни казались, а чухан торопит-подгоняет.

– Идут уже, ставай на колени, глупый! Глупый ты от гордости. Из-за гордыни сидишь тут. Перебори гордыню, попроси юрода, авось, через меня пришлет тебе Господь благовествование.

Стал Сергей на колени, склонился перед юродивым, залепив лицо руками.

– Подскажи, Господи, как выйти мне из тюрьмы?

А Шмонька и рад, что провел сокамерника: захохотал кудлатой пастью, подпрыгнул, захлопал руками, как крыльями, и прокукарекал, кривляясь.

Петя, петя, петушок,
золоченый гребешок.
Клюв горит, как жаркий уголь,
поищи-ка пятый угол!
По сусекам посвищи,
Пятый угол отыщи!
Там скрывается, увы,
Выход из твоей тюрьмы.

Подбоченился чухан и прокричал с перевзвизгами.

«А не найдешь пятый угол, так сидеть тебе тут вечно! Анафема убийце! Анафема вору! Анафема предателю!»

От криков юродивого волосы стали дыбом, мороз прошел по коже.

– Тьфу ты, старая сволочь! – выругался Сергей.

Заклацал замок. Чухан юркнул под нары.

Дверь открылась, вошли надзиратель с санитаром, погрузили самоубийцу на носилки и вынесли из камеры.

БУДЕШЬ МОИМ КИНШОНОМ?

Лукьяновское СИЗО, камера № 547

Вечер, температура воздуха 29 градусов.

Кухарю пришла передача. В картонной коробке среди прочей еды находилась палка вяленой колбасы «Скворцово».

– Скворец, колбаска-то твоего имени! – хохотнул Кухарь.

Качан вразвалочку подошел, отмел колбасу, Кухарь вцепился в палку, Качан дернул к себе, Кухарь не отдавал, Качан взърился, начал бить шнурия.

Крики и стоны избитого «достали» пахана.

– Заткните ему пасть! – рявкнул Гусь из своего угла.

Качан затолкал в рот Кухарю комок майки, заломил ему руки за спину и, гыгыкая, наслаждался его конвульсиями. У Кухаря из ноздрей выдувались кровавые пузыри.

– Он же задохнется, – Сергей сам не понял, как осмелился произнести эти слова.

– Ты! – сморщился Качан. – Сиди в своем скворечнике и не чирикай.

– Он же задохнется!

– И че? Твои проблемы? Встал!

Скворцов поднялся. В груди его, дотоле затопленной страхом, послышалось собачье рычание. Шалава! Овчарка осталась с ним! Она была готова принять бой. «Загрызу», решил Сергей, глядя остекленевшими глазами в точку на шее врага, где пульсировала под смуглой кожей сонная артерия. Качан, казалось, услышал угрожающее рычание.

– Фу! – бешено крикнул он на Скворца. – Фу, фу, фу, блядь!

Сергей показал на хрипящего Кухаря.

– Он сдохнет, получишь довесок за убийство – оно тебе надо?

– Уж не ты ли, стукачок, ментам цинканешь?

Кухарь захрипел. Урка толчком отпустил ему руки.

Сергей выдернул кляп. Кухарь задышал взахлеб.

Качан сплюнул без слюны.

– Че-то ты раскудахтался, петя! – и с силой толкнул Сергея в грудь, так что тот шлепнулся на нары. – Ступай в курятник, там кукарекай!

В хате наступила тишина, перемежаемая всхлипами Кухаря. Донесся крик с улицы: «Наташа! 3-2-2. Наташа! Привет! У тебя пересуд назначили...» «А Ленку? Его когда?» «Стасик! Стасик! Я его мама, где Стасик?..» «Лен Викторна-а-а, он на допросе-е-е...»

Из паханского угла раздался свист. Качан ушел туда, вернулся.

– Пошли, – сказал он Сергею.

Они пробрались между шконок, Качан отодвинул занавеску.

– Садись, – сказал Гусь, хлопая рукой рядом с собой. – Ты мне должен. Срок отдавать.

Еще в начале отсидки Сергея угораздило сыграть в стирь с Качаном на палку сырокопченной колбасы, он проиграл, а Качан перепродал долг Гусю.

– Нет у меня колбасы, – сказал Сергей.

– Есть, есть у тебя колбаска, – глумливо ухмыльнулся пахан.

– Я постараюсь, – бормочет первоход, – я отдам. Подождите еще чуть-чуть...

– Да где ж ты возьмешь? Родаков у тебя нет, за так никто не даст...

– Я заработаю как-нибудь.

– Да как ты заработаешь, смешной ты человек. В киншоны мои пойдешь?

– Куда?

– Будешь мне женой.

– Ке-е-ем?

– А че такого? Все так живут. Че глаза вылупил? Срока большие, куда деваться. Зато никто трогать тебя не будет, а я тебя кормить-поить стану. Со мной не пропадешь.

– Нет.

– Да ты подумай дурной своей башкой! «Жены» авторитетов хорошо живут, не работают, чистые ходят, пьют, кушают хорошо. Как сыр в масле будешь у меня кататься.

– Нет!!

Изглоданный тюрьмами и зонами, татуированный с ног до головы страшный человек нежно шепчет.

– Тогда в ротик возьми и мы в расчете, тут за занавесочкой никто не увидит, один только разик, а я никому не скажу, зуб даю. – Большой палец ковыряет фиксу.

– Да вы что! – вздыбливается в испарине стыдобы Скворец. – Нет, я сказал! На такое я не подписываюсь!

– Ну, тогда кулачком поработай, подрочи мне, полпалки считай отработал.

«Поймаешь “палку” и все, конец тебе, предупреждал Меняла».

– Нет.

– Ну и дурак! Отсосать ему впадлу. Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому. И не смотри на меня, как на гада. Ты меня полюби, тогда и я к тебе хорошей стороной повернусь. Я же вижу, слабый ты, сломают тебя по-любому. Соглашайся, я тебе защиту дам.

– Нет.

Гусь гневно гнет голову долу.

– Нагнетаешь! Ну, ничего, и из тебя кашу сварим. Набьем и тебе черта на фуфлю, – он с размаху шлепает Скворца по ляжке. – Был Сережей, станешь Леной! Не хочешь «шоколадную», сдавай кровяную колбасу.

– Какую еще кровяную?

– Кровянку. Ты мне шлемку крови должен.

Сергей никак не может уразуметь, о чем толкует этот пещерный человек.

– Зачем вам моя кровь?

– Кровянку сделаем, че не понятно. Давай, засучь рукав. Кухарь, шлемку мою тащи сюда!

Избитый шнырь, хлюпая прохудившимся носом, приносит чистую миску. Гусь лезет пальцами себе в десны, достает из-за щеки... мойку, лезвие опасной бритвы «Нева».

– Ты не ссы, – говорит он, – вскрою аккуратно. Поработай кулачком. Вену надо резать вдоль, а идиоты режут поперек, потом хрен ее поймаешь. Не дергайся!

Оцепеневший Скворец только вздрогнул, когда кончик лезвия вскрыл ему вену. Из надреза побежала струйка крови, закапала с локтя в миску.

– Лучшую кровянку в Умани делают, у меня на родине, – мечтательно вздыхает пахан. – Она такая толстая, что крошится под ножом. Ты какую любишь, с гречкой или с перловкой? Я люблю, чтоб сало было такое, знаешь, полупроваренное, белое. Я кровяночку на сковородке обжариваю, до черноты, чтоб хрустела. Кухарь, как там сало?

– Поспевает....

– Поспевает у него. Пойду проверю, что там и как. Когда вот так наберется (Гусь показывает ногтем по краю миски), позовешь.

Шленка стоит на наре, кровь извивается стружкой, частой капелью срывается с локтевой чашечки. Теперь ты понимаешь причину животного страха, который внушает пахан сокамерникам. Психически он не человек – зверь. Почему его держат здесь, а не в психушке для маньяков?

Рука онемела, голова закружилась.

Гусь вернулся.

«Ладно, хватит, сказал он, мы пока в расчете», и туго перебинтовал Скворцу ранку.

Сергей лег на шконку. Скучное питание, жара и лишения обессилили Сергея, а тут еще вынужденное донорство, да еще в таких размерах.

Миску с кровью Гусь «поставил на факела», скрутил газеты в жгуты, обернул целлофановыми пакетами и поджег. Камера наполнилась тошнотворной вонью горелого железа и кипящей крови. Когда факела прогорели, пахан довел булькающее варево до кипения на «печке» из самодельной пружины, сунул в горячее варево палец, облизнул, добавил перца, специй, нарезанного мелкими кубиками сала. Свернувшаяся кровянка напоминала томатную пасту. Гусь ложкой намазал ее на краюху хлеба и с чавканьем сжевал.

– Хочешь попробовать? – спросил он, подходя к лежащему в пространии Скворцу.

– На, куфай!

Горбушка со слоем «гематогена» повисла над лицом.

Скворцова чуть не вырвало.

– Благодарствую, я сыт.

– Конь сыт, – проворчал Гусь. – Кушай давай, причастись...

– Доедать за кем-то – запахло...

Пахан недобро усмехнулся, доел горбушку.

– Запомни, – икнул, – ты сам отказался.

Скворца тошнило, он встал, пошел к дальняку. Что-то громко щелкнуло в ушах с резким звуком – пью! – переходящим в галактический гул, вперемешку с гомоном многих голосов. В глаза потемнело, завертелось, потолок сделал оборот и заменил собой пол.

Очнувшись, Сергей нашел себя лежащим ничком на полу камеры. Болела ушибленная скула и правый висок. На голову вылили миску воды.

Он сел, потекший, улыбаясь непослушными губами.

«Угорел малость...».

Послышалось ленивое переругивание:

«Накурили. Вот парень и спекся...»

«А ниче, пусть привыкает, не пан-барон. Тут тебе не курорт!»

КАМЕРА ОБЪЯВЛЯЕТ СКВОРЦУ ОСТРАКИЗМ

Опасность в тюрьме начинаешь чують, как собака. Достаточно косога взгляда, ухмылки, раздутых в твою сторону ноздрей. А уж если тебя сторонится вся хата, это ввергает просто в панику.

На прогулке Сергей попытался заговорить с Иловайским, но тот обошел его, как памятник.

– Юрий Соломонович, чего вы боитесь?

Иловайский снял очки, подолом рубашки протер стекла. Он делал вид, что случайно остановился возле изгиба, смотрел в другую сторону и разговаривал, едва шевеля губами.

– Я не знаю, где вы накосячили, но мне было сказано держаться от вас подальше.

Денек стоял солнечный, после камерного сумрака глаза радовались яркому свету, а легкие привольно дышали свежим осенним воздухом. По огражденному периметру крыши прохаживалась полная женщина-контролер в темно-синем кителе. Она следила, чтобы заключенные не нарушали режим, не перебрасывались через решетки записками и дачками.

– Миша вернулся с больнички, он мог рассказать, что я откачивал его вместе со Шмонькой.

– Имею интерес спросить, вы шо, дотронулись до того шмокнутаго Шмоньки?

– Я пил воду из его рук.

Еврей даже перепрыгнул на месте, будто сплясал па из хава нагилы.

– Вы с ума сошли! Зачем?

– Воду отключили, я сутки простоял в «стакане», ничего не соображал. Помогите мне, Юрий Соломонович!

– Кто-нибудь видел, как вы пили?

– Только Миша. Но он никому не расскажет, я же его спас.

Иронический прищур сквозь треснутые очки.

– Вы думаете, он вам мерси скажет? Вы теперь для Миши хуже надзирателя, вы же вернули его обратно в гееном, из которого он чуть было успешно не сбежал. Ну, вот шо вы улыбаетесь, как скаженный? Вам шо, пломбы жмут в зубах? Быстро вспоминайте, кто видел, как вы пили Шмонькину воду? Дубак видел?

– Нет, он ушел за санитаром.

– Откуда же босота узнала? Тут везде глаза и уши. Ничего нельзя скрыть. Скорее всего, сам Шмонька вас и заложил. Вы не знаете чуханов. Думаете, их зря загоняют под нары? Они спецом стараются запомоить как можно больше народу. Слушайте сюда! Если будет очная ставка с этим клятым Шмонькой, отпирайтесь, говорите, что с чуханом не контакчили, ничего не знаете. Ваше слово против его. Надеюсь, Мишаня не подтвердит, ему самому смерти подобно, что Шмонька его откачивал, он тоже тогда законтаченный. Этот шлема из дурдома имеет обыкновение орать что ни попадя из-под нар.

– Он частушку мне спел, «клюв горит, как жаркий уголь, поищи-ка пятый угол», это к чему?

– Это намек на петуха, шо не понятно.

– Да нет же, он твердил, что выход из тюрьмы находится именно в пятом углу.

– Серожа, не сходите с ума из-за бреда костюженого чухана. Все просто. Шмонька знал, что запомоил вас, потому и предсказал пятый угол и даже частуху петушиную исполнил вам в подарок. Ай, беда, беда, беда...

РАЗБОРНЯК

Лукьяновское СИЗО. Киев. Камера 547

Ночь

В 22–00 дали отбой.

Работал телевизор, за дубком воры играли в карты, на нарах храпели.

В паханском углу загорелся фонарик.

Темные фигуры соскользнули со шконок. Скворца рывком сдернули с нар, проволокли по продолу, прижали к стене. В глаза ударил луч света, сиплый голос сказал.

– Скворец, ты что же это? Назвался мужиком, а сам мокрушник...

– О чем вы?

– Ты, когда малолеток и баб резал, что думал – не заляпаешься?

Зрочки режет блестящий раструб отражателя. Ослепленный, ты отворачиваешься. Пекучая оплеуха возвращает твое лицо в исходное положение.

– В глаза нам смотри!

– Женщин и детей – не трогал, клянусь!

В бликах света ворочаются угрожающие рожи, кричащие рты.

– Не трогал? Не трогал?! – в самое ухо орет Качан. – А кого ты трогал, тварь?

– Никого!

– Врешь! Сколько детей убил? Отвечай! Че шифруешься, дуплись!

– Никого не убивал.

Сильнейший удар в печень – ты выbleвываешь язык, падаешь на колени, получаешь удары ногами в живот, по ребрам, – «на, на, сука!» – выпускаешь хрип боли вперемешку с матом: «бля-а-а...»

– Не бейте... за что?..

Качан за волосы задирает твою голову, заглядывает в заведенные под лоб зрочки.

– Почему не сказал, что ты серийный мокрушник? Упырина, сколько на тебе трупов?

– Остынь, – одергивает его пахан, – тут не ментовской беспредел, а правилка по понятиям. Сейчас сделаем предьяву, пусть ответит.

Гусь садится во главе стола. Татуированный торс его облачен в белую майку-алкоголичку.

– Вот газета, видишь? – говорит он Скворцу. – Тут статья про тебя. Ты, когда прописывался, что сказал? Что ты мужик. А ты не мужик. Ты мокрушник. Резал малолеток, женщин насиловал и убивал. Знаешь, что с такими делают?

Качан врывается в разговор.

– Сначала мы тебя замесим всей хатой, переломаем всего, потом отпидорасим и загоним под шконку. Там ты будешь молиться, чтобы сдохнуть побыстрее, но никто тебе не поможет, потому что все будут тебя трахать и п...здить беспощадно.

– Мытник, делай предьяву, – Гусь указывает на место рядом с собой.

Таможенник в синей прокурорской тенниске садится справа от пахана.

Вдоль маленького стола уместились Рубленый, Зира, Кухарь и Меняла. Остальные либо стоят, либо свисают со шконок. Гусь передает фонарик Мытнику, тот разворачивает на столе газету. Сурово пружиня ноздрями над шевченковскими усами, «прокурор» читает.

«Скворцов С.Г. был задержан при таможенном досмотре в поезде. Офицер таможни, обнаруживший контрабанду, был им убит, после чего преступник попытался скрыться. Во время преследования оказал сопротивление сотрудникам милиции, ранил троих. Расследование показало, что Скворцов причастен к “Бойне на Голом шпиле”, в ходе которой в августе сего года в заповеднике ДУС АРК он с особой жестокостью убил работника лесничества, а

также членов поискового отряда. – “Прокурор” прервал чтение и перешел на родной украинский язык. – Скворец також обвинувачується, що він гвалтував та різав жінок та дітей».

Гусь направляет фонарик в лицо подсудимому.

– Что скажешь, друг мой человечек?

Во рту и мозгах сильно вяжет. Ты кренишься от боли на ушибленный бок, говоришь, перемежая сбивчивую речь подсасываниями воздуха.

– Статья заказная... с-с-с... Я не убивал малолеток и женщин – ох-с-с-с. На моей совести несколько сук, от которых я защищал женщину. Они хотели ее изнасиловать. В лесу дело было, с-с-с-с... копал... помогал найти захоронение партизанки... с-с-с-с... мы должны были ее пере... пеза... перезахоронить...

Меняла упирает палец в обведенный красным фломастером абзац.

– Какое захоронение партизанки? Ты золото искал. В статье написано, что ты нашел там золото и бриллианты с антикварным копьём.

Пахан берет из пачки и отправляет в рот шепотку байхового чая. Он курит и жуёт заварку одновременно.

– Отвечай правду, иначе хуже будет.

Ты облизываешь пересохшие губы.

– Воды попить можно?

– Обойдешься. Отвечай на предьяву.

– Не, народ, ну шо за геволт! – вмешивается Юрий Соломонович. – Он же растерян, не может защищаться, вы шо, не видите, что человеку нужен адвокат?

– В какой палате у нас адвокат? – спрашивает Качан.

– Там где и прокурор, – в тон ему отвечает Меняла.

– Прокурор есть, а адвоката нет! – настаивает Юрий Соломонович. – Вы прямо, как звери, набросились.

– Нагнетаешь, Соломон! – жестко жуёт заварку пахан. – Тебе слова не давали.

– Так дайте! – взбрыкивает осмелевший еврей. – Или у нас тут диктатура, а не босяцкая демократия?

Никто не ждал от робкого еврея подобных слов.

Хата выжидающе смотрит на пахана.

Тот пыхает сигаркой, сплевывая чайнку:

– Ты потому еще дышишь, урод, что я – реальный демократ!

По камере катится ржач. «Гусь – демократ, цэ ва-а-аще!»

Пахану понравилось юморить.

– Да имать их так! Хотите демократии, лопайте, не обляпайтесь! Кто хочет быть Скворцу защитником? Есть смельчаки?

– Как не быть смельчакам в гусской земле, – спецом картавит Юрий Соломонович, – мне есть, шо сказать в его защиту. Я буду его адвокатом.

– Впрягайся, – соглашается Гусь.

– Но у меня есть одно условие, – воздевает палец Юрий Соломонович.

– В чем твое условие?

– Мне нужны ваши личные гарантии неприкосновенности, уважаемый Гусь, а то потом опять во всем виноваты будут евреи.

Пахан гасит окурочек в жестяной крышке от «нескафе», берет из пачки новую шепоть чая. Жуя, кивает. Идея устроить суд с адвокатом ему нравится.

– Ладно, Соломон, даю тебе гарантии безопасности.

– В таком случае я прошу у высокого суда провести судебное следствие. Мы должны выяснить, шо там за доказательства собрали следаки вместе с продажными журналюгами. Поэтому,

высокий суд, на основании понятий судочинства я прошу учредить коллегия присяжных заседателей. Или мы тут шмирготники, а не сурьезные люди?

– Какие присяжные? – удивляется Качан. – Ты че, остынь, Соломон, мы не в суде.

– Погоди, – говорит Гусь, – мысль Соломона верная. Пусть народ тоже поучаствует.

Короче, вы все назначаетесь присяжными заседателями. Каждый имеет один голос.

Ночное судилище представляет собой хоть какое-то развлечение в тягомотине тюремной жизни. Судья дает слово защите. Юрий Соломонович лезет на свою шконку и возвращается одетым в белую сорочку, поверх которой накинут черный лапсердак.

ВЫЕЗДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СТРАШНОГО СУДА

– Откуда клифт, Соломон?

– Жена передала. Меня самого со дня на день в суд повезут. Итак. Высокий суд, мно-
гоуважаемые господа присяжные заседатели! (Сутулые зеки приосанились). У меня есть ряд
вопросов к подсудимому. Вопрос первый. Вы обвиняетесь в убийствах в горах Крыма. Зачем
вы туда поехали и с кем?

Сергей отвечает сбивчиво, волнение коробит губы, сушит глотку.

– Девушка одна упростила... отвезти ее в лес, помочь в раскопках. «Могила партизанки,
завещание деда, помогите захоронить косточки». Егеря пришли – она стрелки на меня пере-
била. «Я не копала, я просто туристка». Ладно, думаю, зачем девчонку губить. Повели меня на
заставу. А она осталась на стоянке и стала перед пацанами сиськами трясти, выпивать с ними,
заигрывать, в общем, соблазнять, хотела приболтать там главного, Капранов его фамилия, и с
его помощью вывезти из заповедника клад.

– Там клад был?

– Да. Мы нашли старинное копьё в золотых ножнах.

– Ни фига себе! – гудит народ. – И че дальше?

– Короче, меня повели на заставу. Я сбежал и вернулся на чаир, чтобы забрать документы
и ключи от машины. Подползаю к палатке и слышу: «Не трогайте меня, я еще девочка...» «А
я мальчик. Убрала руки, тварь!» Ну, я не выдержал и вмешался, вступил в драку. Они избili
меня ногами, все кодлой, и пока я валялся без сознания, пацаны подорвались на боеприпасе
времен войны, а она оглушила Капранова лопатой и положила лицом в горящий мангал.

– Жесть! – крикает Качан. – Че за девка такая стремная?

– Ты сам это видел? – спрашивает Меняла.

– Я не видел, это она мне сказала, что он якобы случайно упал в мангал. Там мангал всего
сорок сантиметров в ширину, как в него можно случайно попасть?

– А пацанов кто порешил?

– Граната там была в раскопе, еще со времен войны...

– Так ты знал, что там граната? Почему не предупредил?

– Я не знал, что там граната.

– Погоди, кто спрятал клад? – уточняет Меняла.

– Дед Даши.

– Если дед закладывал клад вместе с гранатой, то он должен был предупредить внучку.

Так, братва?

– Так, – кивает хата.

– Значит, внучка знала про гранату!

– И?

– И Сереге ничего не сказала. Резвая девочка хотела, чтобы Скворец сам подорвался на
той гранате!

– На хрена ей это надо? – не понимает народ.

– Чтобы не делиться! – заключает Меняла.

– Да ну тебя... – кривится Качан. – Ты ваще, Костян...

– А ведь верно! – осеняет Сергея. – Конечно, она знала про гранату! Дед не мог ей не
сказать. Значит, она ждала, когда я докопаюсь до чемоданчика и взорвусь... Ёпэр-эсэтэ! Она
меня как смертника взяла с собой. Никогда не подходила к раскопу, когда я там долбал кайлом.
Костя прав, как я сразу не догадался! Но тут пришли поисковики и приняли взрыв на себя.
Она во всем виновата! И Капранова она соблазняла, и меня втравила в драку, а потом, сзади,
ударил его лопатой по голове и бросила лицом в костер..

– Сколько ей лет? – спрашивает Качан.

– 19.

– Чтобы девчонка в 19 лет так поступила с мужиком? Не ты ли ударил пацана лопатой, а потом зажарил в костре, признавайся!

– Не я!

– А кто тогда?

– Она! Вы не понимаете, это не девочка 19-ти лет! Это моавитянская колдунья! В прошлой жизни была жрицей кровавого культа Ваала-Фегоры.

Хата набрасывается на Скворца с криками.

– Сука, ты достал уже под шиза косить!

– Харэ лапшу нам на уши вешать!

Сергей растерянно оправдывается.

– Это Хазва, повторяю вам, ведьма и колдунья. Она подставила меня! А теперь твердит следаку, что это я спалил пацану морду.

– погоди, ты говоришь, что сбежал от егеря, так?

– Да.

– И вернулся на стоянку за документами?

– Да.

– Зачем же ты в махалово встрял, если знал, что она ведьма? На фига благородного мстителя из себя корчил?

– Да я тогда не знал, кто она! Она же маскируется под невинность. Я не мог бросить девушку в беде. – Сергей говорит все запальчивее, все лихорадочней. – О-о-о, она все рассчитала, она же знала, что я Финеес, а Финеес один восстает против всех. Он не позволяет надругиваться над святынями. А женщина – это святыня.

– Какой Финеес? Говори яснее.

– В прошлой жизни я был Финеесом, а Даша Хазвой. Сейчас Даша об этом не помнит, в нужный момент Хазва отключает ее сознание и руководит ею. В древности Хазва влюбила в себя генерала израильской армии, целый военный переворот замутила, решила войти в Скинию и опрокинуть Ковчег, чтобы показать, что ее бог сильнее. Народ был озлоблен лишениями в пустыне и напуган моровой язвой, к ним выйти – все равно, что на арену к диким животным. Но я вышел. И закрыл собой вход в Скинию Собрания, Толпа шла на меня. Вот они, пьяные, в звериных шкурах, с копьями и мечами. Хазва впереди всех, голая, в цепях и браслетах, вот же она!

Сергей бросается к тормозам, ставит поперек двери невидимое копьё, схватывается в борьбе с фантомным врагом.

– Пацаны, – осеняет Качана, – да он гонит!

«Гон» – это тяжелое психическое состояние заключенного, характеризующееся неконтролируемым возбуждением. Человек может не спать сутками, безостановочно ходить по камере, спорить с невидимыми собеседниками, произносить речи в свою защиту на суде, хохотать, плакать, кричать.

Всем становится ясно, что «Скворец» поймал гон. Он сражается с призраками, мечется с воплями и потрясает воображаемым копьём.

– Эй, школота, сними пакет с головы, хватит клей нюхать! – смеется Качан.

– погоди! – останавливает его Рубленый. – Интересно послушать. Пусть гонит.

– Да, гонит он художественно.

– Я не гоню, я в норме, – бормочет очнувшийся Скворец. – Много веков назад я был жрецом в иудейском племени и... я убил вражескую жрицу. С тех пор она преследует меня. Она все так хитро подстроила, что я стал убийцей, преступником, за нами пошла погоня, и я был вынужден все время защищать ее и убивать! В Симферополе, когда мы уже из леса выбра-

лись, она опять разыграла из себя кроткую овечку, пошла в антикварный магазин продавать перстень, нам деньги нужны были на билеты до Москвы. Так она сделала так, что продавец ее взял в заложницы и связал скотчем. Мне опять ничего другого не оставалось, как снова вступить за нее, и опять погиб человек. Но и тогда я ничего не понял. Только в поезде у меня открылись глаза. Она выставила контрабанду на стол перед таможенником, заставил меня взять вино на себя, началась заруба, вагон полон ментов, злоба меня обуяла, пацаны, невероятная. Ну, думаю, устрою я вам битву у Скинии Собрания. – Сергей говорит с нарастающей яростью. – Я когда Зимри и Хазву одним ударом копья прикончил, – обоих, насквозь, – она успела меня проклясть! Вижу ее глаза, огромные, черные. И голос слышу: «Будь проклят!» Но тогда я не знал, что она будет преследовать меня сквозь все мои последующие жизни. Я был горд и ликовал, я опрокинул палатку и показал всему народу, что зачинщики смуты убиты. А когда лидеры были убиты, левиты прошли с мечами по стану и утопили мятеж в крови. Ну, думаю, сейчас и я, мусора поганые, пройду по вашему стану!!!, вырежу под корень гадов мерзких!!!, достали, достали, пацаны!!!, до тряски мозгов, нервов!!!... злоба во мне кипела неимоверная, меня же гнали, как зайца, все, даже собаки набрасывались, все рвали меня в клочья... Знаете, что она сделала? Закрылась в купе с копьём, и я остался без оружия! Предала, подставила, украли копьё, она знала, что с ним я непобедим, никакой мент не смог бы меня арестовать! И вот я в тюрьме, и она дает показания против меня, по всем эпизодам. И мне корячится пожизненное! Вот и вся моя вина. А теперь судите.

Скворцов садится на корточки и прячет лицо в ладонях.

Некоторое время хата молчит.

– Слышь, чушпан, – нарушает тишину Рубленный, – ты какой мох курил?

– Он грибок с наших стен курил... – подхватывает, хихикая, Кухарь.

– Грибы да, вставляю классно...

– Да косит он! Косит под шиза. Лапшу нам на уши вешает.

– Врет! По ушам ездит, чтоб с темы съехать.

– Трепач бесконтрольный...

Всеобщий гвалт камеры перекрывает раздавшийся из-под земли трубный глас.

«Уби-и-и-вец!!! Анафема!!!»

Гомон обрывает. В жаркой духоте по спинам обитателей хаты 5-4-7 пробегает озноб.

– Шмонька, гад! – криво улыбается побледневший Кухарь.

– А я Скворца понимаю, пацаны, – жуёт незажжённую сигарету Качан, – бабы такие, их хлебом не корми, дай мужика подставить. Меня, например, тоже баба ментам сдала.

Остальные, поразмыслив, поддерживают его. Каждого привела в тюрьму женщина, кого-то предала, кого-то сдала в милицию, написав заявление, кого-то бросила сразу после ареста.

– Даже если истории про переселение душ туфта, – гудит Рубленный, – все равно бабы суки!

– Верно, – подхватывает камера.

Гусь останавливает базар.

– Обвиняемого мы услышали. Говори теперь ты, аблакат!

РЕЧЬ АДВОКАТА

Юрий Соломонович встает, одергивает лапсердак и вытирает вспотевшую лысину.

– Высокий суд! Уважаемые господа присяжные заседатели! Узнав о страшных обвинениях, предъявленных моему подзащитному, я много думал и переживал. Я и раньше занимался изучением законов мироустройства, и вот эта история прямо-таки легла в мою теорию. Поэтому я должен сделать небольшую преамбулу, так что прошу вашего терпения и понимания.

– Только короче, – предупреждает Гусь. – Ты известный балабол.

– Попрошу высокий суд не унижать достоинства адвоката! – неожиданно вспыхивает Юрий Соломонович, на что Гусь только удивленно хмыкает.

Сосредоточившись, защитник так начинает свою речь.

– Из курса средней школы мы знаем, что в доисторическую эпоху на земле царил матриархат, женщина стояла во главе племени, дети считались по матери, а не по отцу. Затем произошел переход от матриархата к патриархату, на планете победило мужское начало, была утверждена мужская Троица, прародительницу Еву обвинили в грехопадении и назвали пособницей дьявола, мужчины объявили женщинам войну, причем, войну на уничтожение. Знаете ли вы, господа присяжные заседатели, сколько ведьм было сожжено, пока в Европе свирепствовала инквизиция?

– Ну, тысяч пятьдесят-семьдесят уж точно спалили, – прикинул Костя Меняла.

– А 9 миллионов не хотите? – огорошил его и всю камеру адвокат.

– Сколько? – охерел народ. – Девять лямов телок сожгли? Они там что, спятили?

– Да-да, девять миллионов самых лучших, самых красивых своих женщин толерантные европейцы сожгли на кострах за время так называемой «охоты на ведьм». В генетической памяти наших прародительниц отложились эти невероятные по своей жестокости гонения. Нашим матерям, женам и сестрам ничего другого не оставалось, кроме тайного сопротивления и глубоко скрытой, коварной мести. Что мы и имеем в виде великой битвы полов, разворачивающейся которое тысячелетие на нашей планете.

Адвокат закашлялся.

– Можно не курить в зале суда? Я не могу сосредоточиться.

Зеки удивленно переглядываются, но судья постановляет.

– Харэ дымить. Потерпим без курева.

Присяжные делают по последней затяжке и бычкуют сигарки в крышке от «Нескафе».

Развевая дым рукой, Юрий Соломонович продолжает.

– Моя преамбула закончена, Ваша честь. Перехожу непосредственно к делу. В история Сережи Скворцова и Даши Жуковой отражается схватка жрицы Хазвы и первосвященника Финееса. Иудеи были первыми носителями монотеистической мужской религии, именно они объявили женщину пособницей дьявола. Вот почему жрица Ваалфегоры восстала против мужской религии и захотела войти в Скинию Собрания, чтобы опрокинуть Ковчег завета. Это вы, Сергей Геннадьевич, в облике Финееса убили ее и развязали кровопролитную войну между мужчиной и женщиной! Вы положили начало вековой вражде мужского и женского начал на нашей планете! Так чего же вы теперь жалуетесь, что Хазва вас преследует? Вы и есть первопричина ее козней, так идите и миритесь, валийтесь у нее в ногах, вымаливайте прощение! Почему мы должны страдать из-за ваших разборок?

Никто не ожидал, что в зачумленной хате вскроется делюга исторической значимости. Да и мало кто из присутствующих понял это, многие решили, что адвокат вместо защиты сделал Скворцу еще одну предьяву.

Сергей смотрел расплывшимся взглядом в одну точку. Протаяла зараженная грибом стена, проступили бездонные глаза умирающий Хазвы: «Будь ты проклят!»

Скворцов вздрогнул и очнулся.

– Где я теперь возьму ту Хазву, чтобы просить у нее прощения? – спросил он у защитника, стряхивая наваждение.

– Зачем вам «та Хазва»? – удивился адвокат. – У вас есть «эта Даша». Если она простит и полюбит вас, то мужское и женское начала помирятся, наступит гармония и благоденствие. Ведь именно с момента убийства прекрасной жрицы копьём Финееса, женщины мира получили свою тeneвую, зловещую и мстительную сторону – Хазву! И культ ее божества стал действительно кровавым, потому что Женщина вступила на тропу войны против Мужчины.

– О чем ты хлещешься, Соломон? – не выдерживает Качан. – Его древнее гони-во не канает, он обвиняется в реальном мочилове женщин и малолеток! Что ты на это скажешь?

– А скажу я то, – подбоченивается адвокат, – шо многие сочли историю про Хазву и Финееса гонивом, но на основании этого «гонива» мой подзащитный обвиняет в своих бедах женщину, и это, между прочим, логика всех сидящих здесь мужчин. Тогда у всех у нас гониво! Все согласны, что женщины предают и подставляют мужчин, а?

– Да, да, да! – кивают, переглядываясь, присяжные.

– Меня супружница вломила...

– Меня сеструха с потрохами сдала, чтоб квартирку отхапать...

– Меня мать родная, мать сдала... – Кухарь истерично всхлипнул.

– Так ты все из дома вынес, утырок, ты же старуху свою избивал!

– Меня лечить надо было! – взвизгивает шнырь. – Наркомания это болезнь!

– Бабы – сучки конченные! – рычит Качан. – Я всю жизнь им мстить буду. Меня одна такая сдала. Выйду – урою! Ей не жить!

– Уж не за то ли, что вы подпоили ее клофелином и изнасиловали?

– Чего? Ты на кого бочки катишь, Соломон? Я не посмотрю, что ты лицо неприкосновенное..

– Ша! – обрывает ссору Гусь. – Адвокат под моей защитой. Пусть хлещется.

Дирижерским жестом адвокат сметает остатки разговоров.

Наступает тишина.

Юрий Соломонович более не грассирует и не использует одесские ужимки.

– Друзья мои, – говорит он проникновенно, – вот мы и пришли к ответу на вопрос, какая сила запирает нас в тюрьмы и держит здесь долгие срока. Женщина. Вражда с нею. Нас засаживают в тюрьмы наши жены, подруги и матери.

– Мать не трогай, Соломон, – чвыкает нажеванной заваркой пахан. – Мать это святое.

– Шо верно, то верно, ваша честь, мать в тюрьме – самое святое, шо только может быть! Ну, ведь, правда же, друзья мои? Кто приходит нас проведывать, кто приносит нам передачи? Мама. Верно? («Ве-е-е-рно», – растроганно тянет камера). Мама, мама, я плачу твоими слезами! – Юрий Соломонович снимает очки и протирает глаза кулачком, но тут же строжает. – Но мать тоже женщина и она тоже мстит нам, мужчинам, за скотское к себе отношение. Вы спросите как? Часто – совершенно бессознательно. Ну, например, после родов молодая мама лишает мужа секса и переносит свою любовь на новорожденное дитя, особенно если у нее родился мальчик. Муж начинает беситься, пьянствовать, куролесить и ходить налево. Далее следует – что? – развод.

– Все в масть, Соломон, я один был у матери, – кивает Рубленый. – Батя свинтил, как только я родился. Найти хочу его и в бубен настучать.

– Нас батя тоже бросил из-за крали одной...

– Мой умер, спился...

– Мой с мамкой дрался, не выдержал, ушел. Я его не обвиняю.

– А я обвиняю! – перекрикивает общий гвалт Качан. – Меня батя ни разу не проведаль, алименты не платил, мать в трех местах уборщицей работала, мы с хлеба на воду перебивались.

– Вот вам типичный пример, – пальцем указывает на него адвокат. – Мать-одиночка выращивает сына в ненависти к отцу, сын вырастает отрицаловом, а так как отец – это Закон и Порядок, то сын автоматически нарушает Уголовный кодекс и попадает в тюрьму. Так действует проклятие жрицы Хазвы.

Хата обалдевает от такого вывода.

– Но не все же попадают в тюрьмы, – возражает Меняла, – вы преувеличиваете, Юрий Соломонович.

– Даже если мужчина не попадает в тюрьму, мать все равно не оставляет его в покое, ведь она выращивала для себя эрзац-мужа и не желает делиться им с другими женщинами. Если сын женится, она делает все, чтобы разрушить молодую семью, ревнует, поучает, ссорит. Потеряв семью, сыну ничего не остается, как забухать по примеру отца. И вот, оба несчастные, мать и престарелый сын доживают свой век вместе, сын пьет и материт старушку, а она не понимает, что же такого плохого она ему сделала. Так осуществляется еще одна схема женской мести. Я знаю это по себе, потому что еврейская мама – это отдельная песня песней. Россия – женская держава, женский полюс планеты, вот почему в России самые страшные тюрьмы и зоны. Ужасные условия содержания отягощаются у нас еще и повальной педерастией. Миллионы мужчин проходят через мужеложство, активное или пассивное, не суть важно. Если мужчина отвергает и ненавидит женщину, тогда его насилуют и заставляют на собственной шкуре испытать женскую участь. Миллионы мужчин, прежде ни во что не ставившие женщин, в тюрьме сами превращаются в женщин, на собственной шкуре проживая все те несправедливости и подлости, которые учиняли со своими подругами на воле. По иронии судьбы опущенные нередко получают имена своих обманутых любовниц или брошенных жен, становятся всякими там Машками и Ленками. Вы в женской стране, господа, а относитесь к женщинам, как к существам низшего сорта. Жизнь через жопу наказывает мужчин за наплевательское отношение к женщинам. Вот почему «Все в России через жопу»! Этот тезис я считаю доказанным.

– Ты закончил свою преамбулу, Соломон? Что ты имеешь сказать конкретно в защиту Скворца?

– А разве вся моя речь не в его защиту, ваша честь? Скворцов Сережа – наш собрат, пострадавший от женской мести. Я отмечаю обвинения в убийствах малолеток, мы убедились, что он не такой человек, не садист и не маньяк, а жертва женского коварства. Чего же требует прокурор? Признать моего подзащитного кровавым мокрушником. Чем это ему грозит? Опущением. Мы против засилья гомосексуалистов, и сами же воспроизводим их в масштабах эпидемии! Поэтому я прошу высокий суд оправдать моего подзащитного ввиду недоказанности обвинений прокурора. Да, именно с убийства жрицы Ваала Фегоры утвердился на земле мужской монотеизм, который до сих пор растаптывает и унижает миллионы женщин. Но разве женщина только мстит? Нет! Она дает. Она дает тепло, ласку, заботу. Выкармливает своих будущих мучителей, забирает заявления из милиции, носит передачи в тюрьмы, хоронит рано умирающих мужчин и оплакивает их. Так и Русь. Она дает. Она дает миру нефть, согревает газом, а когда закончится на планете питьевая вода, она всех напоит из своего сердца, из самого глубокого в мире озера Байкал, кристально чистого, как и ее вечная женственная душа. Я закончил, господа, спасибо за внимание!

Впечатленные пафосом адвокатской речи присяжные уважительно молчат.

Ты утираешься марочкой, жалкий, смешной и великий в своей самоотверженности Юрий Соломонович, вступившийся перед лицом страшного судьи в защиту всего человечества.

– Подсудимый, вы признаете свою вину? – спрашивает судья.

– Нет, – глухо отвечает Скворцов, глядя в пол.

СОВЕТ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

– Присяжные, – говорит судья, – вам слово. Кто первый?

– Я, – встает Качан. – Я первым был за то, чтобы мочить Скворца. Но послушав обвинение, слова Скворца и адвоката, мое мнение переменялось. Скворец защищал телку от рогатых, он честный бродяга, гонимый ссученной властью. Предъява насчет малолеток не проканала. Газеткой этой можно подтереться. Тут не обошлось без ментовских прокладок. Я чую мусорские прогоны через три стены. Поэтому нельзя спрашивать с него как с гада. Надо спросить по-братски.

– Кто еще хочет держать слово?

Руку поднимает Костя Меняла.

– А я считаю, что Скворец виновен. Он убивал невинных людей. Такому не место в человеческом общежитии. Я поддерживаю обвинение.

– Обоснуй, – требует Качан.

– Я не обязан что-либо обосновывать. Виноват, и все.

– Нет, ты скажи! Что за дела? Ты считаешь обвинение доказанным?

– Качан, не наезжай, – пресекает перепалку Гусь. – Человек высказал свое мнение.

Кухарь, ты?

Шнырь шмыгает носом.

– Я – за.

– За что?

– Что виновен.

– Обосновывать будешь?

– Я его нутром чую. Он всех презирает, терпеть нас не может, значит, и других людей мог резать и колоть, как скот. Что, я неправильно говорю? Скажите хоть вы, Зира, Рубленый.

Но Рубленый отрицательно мотает башкой.

– Не виновен.

Напряженное молчание накрывает хату.

Все закуривают, клубящийся дым заволакивает лица, скрывает мутную лампочку в потолке.

– Ты, Зира, – говорит Судья.

– Виноват.

– Недоповешенный?

– Виновен.

– Он же тебя спас! – возмущается Качан.

– А я его не просил, – хмуро отвечает Мишаня, отводя глаза.

– Ша! – прерывает прения пахан. – Все высказались. Трое за, трое против. Ничья.

Пахан откидывается к стене, закрывает глаза и скрещивает татуированные руки на груди.

Таким образом «судья удалился в совещательную комнату». Закрытые его глаза так глубоко утоплены в глазницах, что выглядит он слепым, как Фемида.

ТРИ СКВОРЦОВСКИХ КОСЯКА

Желваки «дворниками» заходили по заиндевелым щекам, когда пахан отверз очи и прохрипел, глядя из-под нависших надбровий темно и страшно.

– Слушайте меня внимательно. Скворец мочил ментов, егерей и спасателей. Ментов и егерей мочить – дело благое, но спасателей, которые пришли тебя выручать, это беспредел. Скворец опытный копала, он знал, что первым делом надо проверять раскоп на предмет ржавых мин, но он этого не сделал, никого не предупредил. От гранаты погибли поисковики. Это первый его косяк.

– Я не знал про гранату... – вскидывает Сергей голову. – Моей вины в их гибели нет.

Гусь наливает ему долгим взглядом горячего свинца в душу.

– А ведь пацаны по ходу спасли тебя и твою телку, приняли взрыв на себя. Ты пытался проканать за психованного, думал развести нас на голимый бред, приплел видения про Хазву и Финееса. Это твой второй косяк. – Судья вынимает щепоть чая и «солит» заваркой широко открытый рот. Пожевав, продолжает. – Да, верных доказов насчет малолеток и беременных у нас нет, но судя по той мясне, что ты устроил в горах и потом, в поезде, ты способен замочить хоть бабу, хоть мальчика. Теперь главное. – Гусь обводит камеру пристальным взглядом. – Вы что, забыли, как Скворец назвался мужиком, когда заехал в хату? А он мокрушник серийный, спецом попутал масти, ввел всех нас в блуд. Это его третий и главный косяк. – Оттопыренным углом рта пахан втягивает воздух (слышится бормочущий звук слюны), и, как судейским молотком, бьет кулаком по столу. – За это я постановляю замастовать его в петухи!

Гробовое молчание накрывает прокуренный склеп.

Зеки переглядываются одними глазами, будто всех настигло косоглазие.

Внезапно из-под нар раздается.

– Похоть скотская! Ана-а-А-А-афема!!!

Хата вздрагивает.

– Да заткнись ты, сволочь!

– Убейте чухана кто-нибудь!

– Ша! Тишина в зале суда...

Гусь утихомиривает сидельцев.

– Завтра чухан за все ответит, – зловеще обещает он. – Сегодня у нас другая забота.

Качан наклоняется к его уху.

– Без ведома Вора опускать не по понятиям, – шепчет он, но так, чтобы слышали остальные.

Пахан сидит истуканом, шевелятся только губы в черных чаинках.

– Я своих постанов не меняю.

– Давай кс (ксиву) Финту тиснем, – настаивал Качан, – пусть Финт решает!

– Ты куда лезешь, фуцан? – бурееет пахан от гнева. – На мое место метишь?

Качан гордо выпрямляется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.